

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LVII

№ 3
июль-сентябрь 2021

ТАШКЕНТ
2021

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Рильский монастырь (С. 6).

Стр. 3: А. Устименко, 1966 г. Рисунки из дневника (С. 108).

Восток Свыше. 2021, № 3 (LVII)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

© Ташкентское и Узбекистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви

© Журнал «Восток Свыше»

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Михаил КАЛИНИН. «Настоящая традиция не бывает мертва...» 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Мальчик с теленком. 1075 лет преставления преподобного
Иоанна Рильского (18 августа 946 года) 6

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Прот. Михаил ПУТИНЦЕВ. «Миссионерская проповедь может послужить
поводом к возмущению магометанского населения...». «Письма
из Кульджи» (1877) и их автор. Публикация, предисловие
и комментарии Светланы АСАНОВОЙ 14

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ. Ссылное духовенство в письмах
и воспоминаниях. Митрополит Арсений (Стадницкий)
в Средней Азии 32

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Тема: Колониализм: pro et contra

Владимир ТРУХАЧЁВ. Долгое эхо «Большой игры». Соперничество
России и Великобритании в Средней Азии как исторический
и геополитический феномен 47

Шухрат МУХАМЕДОВ. «...Признает себя покорным слугою Императора
Всероссийского». Дипломатические отношения Хивинского ханства
с Российской империей (вторая половина XIX – начало XX веков) ... 58

Обсуждение книги Шухрата Мухамедова «Россия и Средняя Азия:
страницы истории, личности, мнения» 71

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О священстве. Об иконах 82

Содержание (окончание)

Иерей Александр КОЛОТОВКИН. Таинства Церкви: Покаяние 86

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО. Освящение храма можно сравнить
с Крещением. Слово на освящение храма св. Александра
Невского на ташкентском Боткинском кладбище 92

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».
Избранные записи в Фейсбуке последних лет 95

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...
Отрывки из дневника, начатого 10 апреля 1962 года 108

Дильбар АБДУРАХИМОВА. «Целый фибровый чемоданчик
сахара-рафинада...» Из воспоминаний 135

Авторы номера 149

Информация для авторов 150

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Михаил КАЛИНИН

настоящая традиция не бывает мертва

потому что она – это ты
какой есть

она – твои живые слова
которые ты откопаешь в себе после долгой расчистки засыпанного колодца

(как всегда –
сначала песок и ничего, кроме песка
потом он сыреет
потом начинается влажная глина и грязь, ведро за ведром)

...

так что ты хотел Мне сказать –
спрашивает Он, наконец

после бесконечно долгого ожидания
ты что-то шепчешь Ему

и Он пристально смотрит
а потом говорит после паузы –

да

Календарные страницы *главного редактора*

Мальчик с теленком

1075 лет преставления преподобного Иоанна Рильского (18 августа 946 года)

«**Я**, смиренный и грешный Иван, не совершивший никакого доброго дела на земле...»

Он родился в горной деревеньке Скрино, окруженной лесом; неподалеку протекала река Струма. Родители рано умерли. Остался старший брат. Остался лес, его тишина. Осталась церковь, куда можно было уйти, помолиться и подумать.

Ваню отдали в пастухи. Однажды, задумавшись, он не заметил, как от стада отбились корова и теленок. Обнаружилось на вечерней заре, когда стадо, мыча, входило в село.

– Где? – кричал хозяин. – Где они?!

Ваня стоял, сжавшись. «Найду их, господине... – губы его едва шевелились. – Найду...»

– Найдет! – Лицо хозяина налилось кровью и стало похожим на дикую свеклу. – Он их найдет! Где ты их найдешь, глупак?

Посыпались удары.

Ваня упал; лежал с закрытыми глазами и молился. Удары и крики прекратились; он слышал шаги хозяина, мычание и топот стада; потом все стихло.

Он лежал, обхватив голову. Лежал и молился.

На следующий день он отправился на поиски. Неподалеку ходил хозяин: тоже искал. Только где найдешь их, корову с теленком, в этом лесу? Верно, уже волки ими повечеряли.

Нашел их Ваня.

Они оказались за Струмой. Ночью прошел дождь, воды в реке прибыло; беглецы бродили вдоль берега и мычали. Коровка еще могла бы переплыть, но теленок – теленок был совсем мал. Ваня скинул с себя войлочный плащик и рубаху и собрался лезть в студеные воды... Но остановился. Тем временем его заметил хозяин, шедший по лесу. И тоже остановился, выглядывая из-за стволов.

А Ваня положил на воду одежонку, начертал на ней Крест. И переправился по ней, как посуху, на другой берег. Взвалив на спину теленка, тем же чудным спо-

собом вернулся; следом, протяжно мыча, переправилась вплавь коровка... Хозяин видел всё это; кровь сошла с его лица, и оно стало похоже уже не на свеклу, а на желтую репу...

Ваня отжал рубашку, потрепал по спине теленка. И заметил хозяина, спускавшегося к реке. Подпрыгнув, замахал мокрыми руками:

– Господине! Я нашел их, господине!

Хозяин отпустил Ваню («Иди от нас с Богом, иди...») и щедро расплатился с ним. Только Ваня все это сельской голытьбе раздал, будто сам богач. И то скудное наследство, какое ему полагалось, тоже, едва вошел в мужеский возраст, раздал. Брат старший только головой покачал.

Ушел Иван из села, в Димитриевский монастырь, что неподалеку. Обучался там богословию, углублялся в Писание.

Полвека не прошло, как при князе Борисе болгары крестились, а уже по всей стране шумели и стучали строительные орудия: строились церкви, открывались монастыри и школы. В 886 году, когда Ваня пас на горах скринских коровок, князь Борис принял ученых монахов Климента, Наума и Ангелария, ставших первыми болгарскими просветителями. Повсеместно гремела слава об Охридской и Преславской книжных школах, основанных ими.

Иван был пострижен в монахи.

Пред ним открывалась дорога в Охрид или Преслав, изощрять книжную ученость, или же другой путь – оставаться в Димитровском монастыре, исполняя разные послушания. Иван выбрал третье. Взяв благословение, простился с братией и ушел в лес, молиться.

Приглядел себе место на склоне горы, натаскал хворост. Сложил шалашик, на пол травы набросал.

Вскоре начались искушения. То ли люди в образе бесов, то ли бесы в образе людей – явилась вдруг разбойничья шайка. «Наша вся эта местность! – говорят. – Не можно тут без нашего разбойничьего разрешения жилище себе ставить!»

Разорили Иванов шалаш, сложили из него костер; долго и муторно вокруг него плясали. А Ивана, побив, еле живым отпустили.

Отлежался Иван, помолился и пошел искать другое место, пустынное и неприютнее. Долго шел вдоль Струмы-реки. Наконец, приглядел себе дупло и вселился в него.

Снова начались искушения. То ли звери в образе бесов, то ли бесы в образе зверей – являлись разные дикие существа и нарушали Иванову молитву; дерево, где дупло было, клыками подрыли, быть в нем стало опасно.

Вылез Иван из дупла, пошел дальше приют себе искать. Шел-шел, увидел пещеру. «Вот доброе жилище, – сказал себе. – Ни разбойники не растащат, ни звери не подроют».

И стал проживать в той пещере. Но бесы и тут святого отыскивали. Начали ему в разных неудобомыслимых образах являться. Только Иван, их увидя, еще горячее молился. И те, полетав и поскакав вокруг него, исчезали.

Как-то вечером слышит Иван шаги у пещеры.

Выглянул сторожко, смотрит, отрок на пригорке стоит. Решил Иван, что это новое бесовское привидение ему явилось. Поспешил назад в пещеру, усугубил молитву. Снова шаги, еще ближе; вот за самой спиной уже...

Обернулся Иван, поглядел на отрока:

– Уйди, наваждение, именем Христа Бога!

Отрок же поклонился до земли и пал на колени:

– Не наваждение я, отче, а племянник ваш Лука!

Оглядел Иван отрока, осенил его Крестом. Не исчез отрок, не рассыпался, не вылетел из пещеры вороном. Сам сотворил крестное знаменье и снова поклонился Ивану. Человек, стало быть.

Задумался Иван. Имелся у брата его сынок, Лука; совсем мальцом был, когда Иван уходил из села; только на ножках выучился стоять. А теперь вон какой... Снова прихмурился Иван:

– И чего ж ты, племянник Лука, явился? Али не сытно в дому родительском было? Али хлеб горек? Так здесь ты и такого не встретишь; одна трава-мурава да плоды дикие.

– Сытно питали, дядюшка, и хлеб сладок был... Да только не впрок мне брашна те, и хлеба другого желал я. Ради того и ушел из дома, вас разыскать, что молва в селе была, только вы святым хлебом напитать можете!

Так и сяк отваживал Иван отрока, а тот всё не отваживался. Что делать? Стали пустынноничать вместе: вместе молиться, вместе душу спасать.

Бесы на это еще больше обиделись. Стали держать совет. Потом отправили одного из своего сонмища в Скрино, к брату Ивана, отцу Луки.

«Приходит он к брату святого в образе некоего знакомого, – сообщается в житии, – и находит того пораженным горем и ранами стрел родительского своего естества, и речет ему: “Знай, кто лишил твою старость опоры, твой дом – наследника, твоё семя – плода! Это Иван, брат твой! Он приходил сюда ночью, увел отрока и держит его при себе. Коли тотчас не пойдешь за отроком, сделается он сладкой трапезой для диких зверей. А ты, коли не заберешь его тотчас, станешь чадоубийцей! Идем же, друг мой! Я покажу тебе то место, и обретешь ты плод семени своего”.

И лукавый, схватив его за руку, влечет в пустыню, распаяя злобой на Ивана. А когда они подошли туда, тотчас же исчез... Брат же, придя в указанное место, находит святого. И что он только тогда не сделал против него!»

Пытался Иван усостыжить брата и поведать, как все было, но брат его и слушать не пожелал.

«Осыпая его хулами и укорами, кричал, что тот обманщик и лучше бы ему вообще не родиться; даже метал в него поленья и камни, посягая убить его».

Схватил, наконец, Луку и повлек его обратно в село; Лука же горько плакал.

Вскоре их голоса стихли; Иван прибрал сотворенное братом разоренье и, потирая ушибленные места, присел у входа в пещеру... Сквозь кроны протягивались солнечные лучи; пересвистывались синицы. Отер Иван слезу и углубился в молитву.

Солнце успело чуть склониться и порыжеть, когда снова услышал шум. «Ваня! Ваня!.. – узнал он голос брата. – Лука! Змея!»

Брат бежал к нему, размахивая руками, как безумный.

...Лука лежал на траве, чуть в стороне от тропы, побледневший и холодный. Иван наклонился над ним: пощупал запястье, приоткрыл веко. Рядом валялась раздавленная братом змея. Иван поднялся, подошел к брату; тот стоял, медленно мотая головой: «Прости, Иван... Не бери на меня зла...».

Вырыли братья могилу поглубже, чтобы не раскопали звери, и схоронили Луку. Постояли над ней и разошлись, каждый в свою сторону.

Тоскливо стало Ивану в пещере, всё племянника напоминало, везде голос его чудился. Оставил Иван пещеру и пошел дальше, еще выше в горы. Так добрался до Рилы.

«Я, смиренный и грешный Иван, не совершивший никакого доброго дела на земле, когда пришел в эту Рильскую пустыню, не нашел человека в ней, но только диких зверей и непроходимые дебри».

Дикие это были места, скалистые и скудные пропитанием. Но Господь, видя усердие Ивана, произрастил подле шалаша его множество дикой фасоли.

Как-то заблудилось в горах стадо овец, бегало-бегало и встало пред жилищем Ивана. Явились, запыхавшись, и пастухи. Увидев в таком диком месте шалаш, чудились и спрашивали друг друга, что бы это значило. Еще больше поразились, когда предстал пред ними Иван, в ветхих кожаных ризах.

– Кто ты, диво лесное, и откуда родом?

– Отечество мое – Небесный Иерусалим, – отвечал им Иван, – а кто я – того вам знать не нужно... Но раз уж явились, прошу отобедать со мною яствами пустыни.

И, нарвав дикой фасоли, угостил их. И такой оказалась она сытной и сладкой, что ели пастухи и только нахваливали. Поклонились Ивану, поблагодарили за трапезу и погнали стадо прочь. А один пастух нарвал тайком Ивановой фасоли. Показал ее потом своим товарищам: вот, мол, та самая! Только сколько ни отворяли стручки, ни одной фасолинки не обрели. Испугались пастухи. Вернулись к Ивану, прослезившись и просили прощения. Благословил их Иван и с собой еще пригоршню стручков отсыпал: поешьте, дорогие.

Пошла с той поры слава о рильском отшельнике. Стали ему больных приносить на излечение, стали мужи и юноши приходить, искавшие исцеления духовного. Возникло монашеское селение, избрали Ивана себе игуменом. Только тяготили Ивана игуменские заботы и растекавшаяся по всей стране о нем слава. Так что сам царь Петр своих воинов с золотом и прочими дарами послал к Ивану. Иван от всего этого отказался, а царю передал, чтобы золото свое не тревожил: царям оно потребно, а инокам – не полезно.

Вскоре собрал Иван всех братьев, живших в Рильской обители, дал им наставления и поставил вместо себя нового игумена, Григория.

– Я же желаю отныне пребывать в тишине и безмолвии, – сказал Иван, глядя на опечаленную братию, – дабы покаяться в своих прегрешениях и испросить ми-

лости от Бога. А вы всегда поминайте в ваших молитвах меня, ибо ничего доброго не совершил я на земле.

Пытались братья удержать игумена – какой там!.. Ушел Иван, как уходил прежде из родного села Скрино, из монастыря Димитровского, из дупла, из пещеры и прочих своих жилищ; помолился и ушел. Только ненадолго остановился на пригорке и оглядел лежавшую внизу обитель: несколько хижин и строившуюся церковь. Да, доброе место, славное... Перекрестил его и направился в гору, выше и выше.

Сега съм у дома, в сърцето съм на Рила.
Световните злини, тревоги са далеч –
за тях е тя стена до небеса турила –
усещам се добър, почти невинен веч.
Духът ми се цери след жизнената битва,
вкушавам сладък мир във песни и молитва.

Так писал в 1891 году великий болгарский поэт Иван Вазов, бывавший в Рильской обители.

Сейчас я дома, в самом сердце Рилы.
Мирские горести, тревоги далеко –
от них меня стена твоя сокрыла –
почти невинен я, мне сладко и легко.
И дух, израненный в житейских битвах,
врачуется здесь в песнях и молитвах.

Место, и правда, было добрым. Монастырь несколько раз разрушался и восставал из развалин и пепла, делаясь еще краше.

В четырнадцатом веке его почти заново отстроил местный воевода Хрельо Стефан и сам принял в нем монашество; башня, выстроенная им, стоит и сегодня. Монастырь владел обширными лесами в Рильских горах и угодьями в соседних городах и селах: полями, виноградниками, лугами, водяными мельницами и рыбными ловлями.

С началом османского владычества жизнь в Риле какое-то время шла по-прежнему. Монастырь находился вдалеке от движения войск и расселения «агарян», как монахи звали турок. Османские султаны подтвердили своими фирманами привилегии, прежде жалованные монастырю болгарскими царями.

Но со временем и Рила стала подвергаться от Османов притеснениям, обидам и грабежам; к середине пятнадцатого века обитель была разрушена, все монахи побиты или разогнаны. «Все было сожжено, – писал очевидец. – Лишь одна Хрелева башня торчала».

И снова монастырь поднялся из небытия. Три брата, Иоасаф, Давид и Феофан, возродили его; втроем в нем и игуменовали. От султана Мурада Третьего был получен новый фирман. «Приказываю своим властям, чтобы монахи названного монастыря были признаны хозяевами тех вакуфных угодий, которыми до сих пор

владели. Не впадайте же в искушение и не совершайте деяний, противных моей султанской воле и высоким моим предписаниям!»

Пошла в Рилу помощь из Руси. В декабре 1558 года рильские монахи добрались до Москвы, где правил «дед Иван», царь Иван Васильевич. Рильчанам была выдана грамота на проезд в Троице-Сергиев и другие монастыри, числом восемнадцать; там собрали они для Рилы богатую милостыню. Обращались они за подмогой в Москву и позже. В 1627 году писали они царю Михаилу Феодоровичу про свою «нищету велию» и «насилия от рода агарянского»; так что даже священные сосуды, кресты и облачения пришлось заложить. И снова шла помощь.

В конце восемнадцатого века период «велией нищеты» проходит. Рильский монастырь становится средоточием болгарского возрождения и освобождения от иноземного ига. Как писал в своей знаменитой «Истории славяноболгарской» святой Паисий Хилендарский:

Из всей болгарской славы, когда раньше в Болгарии были такие большие монастыри и церкви, в наше время Бог по молитвам святого отца Иоанна оставил целым только Рильский монастырь. Это приносит огромную пользу всем болгарам, поэтому все болгары обязаны хранить его и жертвовать святому Рильскому монастырю, чтобы не погасить великое болгарское благо и славу, которые они получают от Рильского монастыря по молитвам нашего святого отца Иоанна, славного болгарского святого.

И болгары охотно жертвовали. В монастырь стекались лучшие богомазы, зодчие и резчики... В 1833 году случилось новое несчастье: взметнулось над обителью пламя, почти все строения были «опожарены». И снова Рила отстраивается, с еще большим благолепием: церкви покрываются удивительными росписями, не похожими ни на какие другие. На стенах пишутся лики не только болгарских святых, но и сербских, и русских.

А вот что вспоминал участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов Эдуард Владимирович Экк:

После двухдневного передвижения по хребту <...> я спросил переводчика Сукачева, где можно поблизости стать на ночлег. Он указал на стоявший вблизи самый древний и чтимый болгарский Рильский монастырь...

Монахи с игуменом во главе встретили нас колокольным звоном. Благословив, игумен провел нас в церковь, отслужил краткий молебен и затем отвел в предоставленное нам помещение.

Встретили нас не только почетно, но и братски тепло, кормили, поили и всячески старались показать нам свое сердечное расположение. Многие монахи и послушники свободно говорили по-русски и щеголяли друг перед другом знанием русской истории...

Два дня, проведенные в монастыре, не только принесли нам необходимый отдых, но и оставили навсегда самое светлое воспоминание.

Наступила в жизни обители долгая полоса мира.

Прервалась она в 1961 году. В СССР шли новые гонения на Церковь; была закрыта Киево-Печерская лавра и еще одиннадцать монастырей; болгарским коммунистам надлежало поддержать политику «старшего брата». И 11 октября 1961

года монастырь был закрыт и обращен в музей, монахи насильно переселены в другие монастыри. В 1968 году некоторым было разрешено вернуться, но служить в монастыре, когда он бывал открыт для посетителей, строго запрещалось. Лишь в 1991 году Рыльская обитель была полностью возвращена Церкви.

...В Риле я оказался в августе 2018 года; сюда привезли нас организаторы конференции, посвященной русско-болгарскому историку и мыслителю Петру Бицилли. Помню пронзительное чувство радости и покоя, охватившее буквально на входе в монастырь: близкое испытывал лишь в Троице-Сергиевой лавре. «Господи, что же мы такое хорошее сделали, что здесь оказались?..» – тихо сказал кто-то рядом. Мы медленно ходили, не зная, то ли любоваться росписями, то ли наслаждаться видом монастыря и окружающих его гор, обросших густым лесом... То ли просто постоять, помолиться преподобному Иоанну Рильскому, великому болгарскому святому.

Я дома. Голос мой вступает в Рильский хор.
Я не родился здесь – но здесь почить желаю,
под вечный шум лесной – его словам внимая,
и под Елениной горы спокойный взор;
окончив путь земной, найти могилу
в великих и святых объятьях Рилы.

...Он уходил – все выше и выше.

Наконец, приглядел себе подходящую пещеру и вселился в нее. Ни люди, ни бесы – никто больше его не беспокоил.

Так он прожил пять лет.

А потом услышал шаги возле пещеры. Он не стал выходить и высматривать; он давно ждал этого гостя, – и продолжал молитву. Когда шаги затихли за его спиной, Иван обернулся.

Перед ним стоял Лука – такой, каким он его последний раз видел. Только голову отрока теперь окружал золотистый свет, вроде венца. Или это солнце, заглянув в пещеру, освещало так его вихры? «Теперь ты меня не прогонишь?»

Иван не ответил, но показал место рядом с собой; так они всегда прежде молились.

На следующее утро Иван не проснулся. Солнце залило пещеру свежим светом; снаружи покачивал деревья ветер, перекликались синицы. Прошел день. Проник краешек закатного луча.

Иван лежал неподвижно.

На сороковой день сюда пришли монахи – кто-то увидел сон, в котором была указана тропа к пещере. Иван лежал, точно спал; так, что кто-то из монахов даже поднес поначалу палец к губам: тише... Догадавшись, что это за сон, братья опустились на колени.

«Вот и снова он от нас ушел», сказал кто-то. «Нет, – возразил другой, – это он к нам вернулся...»

Он почти перешел, по одежке своей, через реку. Но там, где жалобно мычала корова с теленком, теперь стояли какие-то люди. Откуда они появились? Один, два...

пять... Их становилось все больше, и все они тянули руки, бежали к Ване, умоляя перенести их на другой берег, через эту бурную и такую страшную воду. Что же делать?..

Помолившись, Ваня поднял одного, подбежавшего первым, – он оказался не слишком тяжелым, не тяжелее теленка, – и понес через реку. Потом второго. Потом третьего...

А вот и сам Господин глядит на него сверху; только не тот, не хозяин коровьего стада, прятавшийся в лесу, а другой, подлинный его Господин, для Которого он и отыскал этих людей, и переносит их через потоки. И радуется Ваня, и кричит, как тогда:

– Господине! Я нашел их! Я нашел!..

Прот. Михаил ПУТИНЦЕВ

«Миссионерская проповедь может послужить поводом к возмущению магометанского населения...»

«Письма из Кульджи» (1877) и их автор

Публикация, предисловие и комментарии Светланы Асановой

В 1878 году на страницах журнала «Странник» были опубликованы «Письма из Кульджи»*. Их автор, протоиерей Михаил Путинцев, делился своими впечатлениями об этом городе, вошедшем в состав Туркестанского генерал-губернаторства в 1871 году, об организации в нем православной миссии, а также о посещении Кульджи архиепископом Ташкентским и Туркестанским Софонией.

Михаил Петрович Путинцев родился в 1843 году в Омске, в офицерской семье. Окончив Сибирский кадетский корпус (1862), в течение четырех лет служил офицером 6-го конного полка Сибирского казачьего войска, однако затем избрал путь духовного служения и был рукоположен во иереи. С переходом в духовное сословие он терял часть офицерских привилегий: лишался права получения обычным порядком земельного надела за службу в офицерском чине.

В Туркестанской епархии отец Михаил первоначально был определен на службу в духовную консисторию в Верном (ныне Алма-Ата), позже получил назначение в Кульджу (ныне – в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая). Кульджа, как и весь Илийский край Китая, была занята российскими войсками в 1871 году, после кровопролитного восстания проживавших там мусульман – дунган и уйгуров – против китайских властей (1862–1869). С лета 1875 года для русского населения в Кульдже строился новый каменный храм. По благословению архиепископа Софонии, 17 марта 1877 года храм был освящен протоиереем Путинцевым во имя святого пророка Ильи.

Кульджинский период стал важной вехой для молодого священника, именно здесь он начал переписку с епископом Феофаном (Говоровым), известным как святитель Феофан Затворник. Позже, уже будучи настоятелем Обдорской духовной миссии, о. Михаил писал: «С глубоким

* Путинцев М., прот. Письма из Кульджи // «Странник». 1878. № 1. С. 63–74; «Странник». 1878. № 2. С. 216–232.

вниманием, духовным наслаждением и великим назиданием читаются всею православною Россиею письма незабвенного святителя Феофана...»*.

После передачи Кульджи Китаю, в октябре 1881 года протоиерей Путинцев получает новое назначение в Алтайскую миссию, где начинает проповедовать христианство кочевникам – калмыкам и алтайцам.

Трагично сложилась судьба храма, построенного в Кульдже в 1877 году. После подписания Санкт-Петербургского договора 1881 года о возвращении Китаю Илийского края из тех мест началась эвакуация русских, а также массовое переселение в российские туркестанские владения уйгур и дунган. Когда губернатор Алексей Фриде приказал к 5 марта 1883 года вывезти в Россию семьи русских, работавших в Кульджинском крае, из православного храма в Кульдже церковная утварь была вывезена, окна и двери заложены кирпичом. Через несколько лет на месте русского города уже была пашня, от церкви не осталось даже следа**.

Даже после отъезда из Туркестана отец Михаил Путинцев не терял связи с епархией, поддерживал переписку с новым Туркестанским архипастырем Александром (Кульчицким)***. Их связывало общее дело: владыка Александр владел китайским языком; им был разработан проект организации миссионерского дела в Туркестане, который начал было реализовываться в Кульдже, но из-за скорой передачи ее Китаю не был завершен****. Долгая жизнь в среде иноверцев на окраине Российского государства, общение с выдающимися архипастырями дали Михаилу Петровичу неоценимый опыт миссионерской работы.

Протоиерей Михаил Петрович Путинцев был биографом первого архиепископа Туркестанского Софонии (Сокольского). «Воспоминания о покойном архиепископе Туркестанском Софонии» Путинцева увидели свет в 1884 году в журнале «Душеполезное чтение» спустя семь лет после кончины архиерея****. А в издательстве афонского Свято-Пантелеимонова монастыря («Старый Русик») вышла его замечательная книга об алтайских миссионерах. Эта книга была отпечатана (вторым изданием) в 1891 г., когда Путинцев уже находился в пределах Тобольской епархии; было и посмертное издание этой книги. Также отец Михаил часто публиковал свои статьи и заметки в «Томских епархиальных ведомостях» и в «Тобольских епархиальных ведомостях», которые издавались и после его смерти в январе 1902 года.

Публикация подготовлена в рамках проекта на основе гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Письмо 1-е

Кульджа – полукитайский и полутаранчинский¹ город – лежит в 464 верстах от Областного семиреченского города Верного, за покрытым вечными снегами Тянь-Шанским горным хребтом, в пределах Китайской империи. До начала шестидесятых годов нынешнего столетия весь Кульджинский край, со своим сто-

* Казанцев П.П. Миссионер, проповедник, публицист. (Настоятель Обдорской духовной миссии протоиерей Михаил Путинцев) // Электронный журнал «Образование Ямала» (URL: <http://yamal-obr.ru/articles/mihail-putincev/>). Дата обращения 28 ноября 2020 г.).

** См.: Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. С. 82–83.

*** См.: Цысь О.П. Научная и общественная деятельность протоиерея М.П. Путинцева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 88–95.

**** См.: Асанова С. Российское присутствие как элемент социокультурной модернизации Кульджи (70–80-е гг. XIX в.) // Политические, социально-экономические и межэтнические процессы в пограничных регионах России в XVI – начале XX вв.: материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 1–4 июня 2020 г.) / Отв. ред. Р.Г. Буканова. – Уфа: Мир печати, 2020. С. 153–159.

***** См.: Путинцев М. «Вот каков наш Туркестанский юг: в комнатах сидим в шубах!» (Воспоминания об архиепископе Софонии) / Предисловие и подготовка к публикации С. Асановой. // ВС. 2006. Вып. XI. С. 12–22; 2007. Вып. XIII. С. 49–54.

тысячным населением, состоящим частью из язычников и частью из магометан, составлял одну из китайских провинций. Но в шестидесятых годах магометане кульджинской провинции (таранчи и дунгане) восстали против китайского правительства, вырезали целые города и деревни китайцев и калмыков, отделились от Китая и составили независимое ханство Кульджинское, столицей которого сделали Кульджу.

В 1871 году политические и военные обстоятельства побудили русское правительство занять Кульджинское ханство. И в этом году отряд русских войск, под начальством генерал-лейтенанта Г.А. Колпаковского, несколькими блестящими победами менее чем за три недели положил конец самостоятельному существованию этого ханства Семиреченской области. Русские с того времени водворились в Кульдже. Но бывшее Кульджинское ханство, составляющее теперь в административном отношении особый Кульджинский район или округ Туркестанского края, не окончательно присоединено к России, а только временно, и, быть может, будет передано впоследствии китайскому правительству, хотя трудно определить время этой передачи и даже предрешить вопрос: будет ли этот район передан китайцам или нет?

В первые годы занятия ханства русскими русское население составляли только войска, но в настоящее время в Кульдже, кроме войск (10 туркестанских линейных батальонов, 2-й конный казачий сибирский полк, полевая и горная артиллерия), есть уже много русских чиновников военно-народного управления, купечества, мещан и крестьян – так что все русское население доходит до 2 тысяч человек обо-его пола, составляющих приход единственной в Кульдже православной церкви, которая есть вместе городская приходская, военная и миссионерская. При церкви состоят: настоятель и диакон на псаломнической вакансии.

Тотчас по вступлении русских в г. Кульджу устроена была здесь и временная церковь в одном из таранчинских зданий, именно в садовой беседке, приспособленной, на скорую руку, к помещению малого храма, и в январе месяце 1872 года освящена во имя пророка Илии.

В то время Семиреченская область, в состав которой вошел новопокоренный край, в церковно-административном отношении принадлежала еще к Томской епархии, и, по распоряжению томского преосвященного, прислан был в настоятели кульджинской церкви иеромонах, между прочим, и с миссионерскою целью, и с того времени началось совершение православного богослужения в Кульдже.

С увеличением русского населения в городе, временный кульджинский храм оказался уже недостаточным для вмещения всех богомольцев. К тому же церковь, построенная на скорую руку и по китайскому способу кладки сырцового кирпича, весьма непрочному, стала угрожать разрушением. Наконец, невзрачный, темный и бедный храм русский, среди обширных и богатых кульджинских мечетей и капищ, не соответствовал высокому значению веры Христовой <...>.

Поэтому решено было возвести в Кульдже за счет казны новый, более благолепный и поместительный, каменный храм, который и был заложен летом 1875 года. К Великому Посту нынешнего 1877 года новый храм был уже готов к освящению, и 17 марта в четверг на шестой седмице Св. Четыредесятницы, с благосло-

вения туркестанского архипастыря, освящен, как и прежний, во имя св. пророка Божия Илии местным протоиереем соборным, при большом стечении народа, не только православных-русских, но и туземцев. Надолго останется в памяти кульджинцев скромное торжество освящения здешнего храма. Прежний храм, по распоряжению преосвященного, будет разобран, и на месте бывшего престола поставится приличный памятник. Самый же престол старого храма предан сожжению, по обряду, известному в нашей Православной Церкви.

Новый кульджинский храм построен на обширной площади европейского квартала и составляет красу всего города Кульджи. Прежний же храм находился в крепости, окруженный саклями туземцев, и его едва можно было отличить от теснившихся вокруг него строений. Новый храм внутри с алтарем имеет аршин длины, аршин ширины и аршин высоты (так! – С.А.). Своды его поддерживаются шестью каменными колоннами, разделенными арками. Храм очень поместителен и светел. Не роскошно украшен новый наш храм, возникший на одном из отдаленнейших рубежей обширной России, но в нем есть одна особенность, которой нет в других храмах туркестанской епархии. Особенность эта та, что в кульджинском храме соединены святыни почти всех знаменитейших в России монастырей и соборов. Святыни эти заключаются в св. иконах, присланных в Кульджу на благословение новому храму от русских монастырей и соборов. Все присланные иконы освящены или у св. мощей угодников Божьих, или у св. чудотворных икон.

Мысль соединить в дальней Кульдже святыни различных обителей и храмов родной России принадлежит пишущему эти строки, нынешнему настоятелю кульджинского храма. Мысль эта есть плод глубоких дум и подчас тяжелых сердечных страданий, которые приходится испытывать там, где многое враждебно нам, где на опыт познается вся горечь жизни в чужом краю, вдали от родных мест и от родных святынь, где познается и вся сладость любви к православной отчизне. В минуты душевных томлений и тоски по родине как-то невольно обращается верующее сердце, прежде всего, к святыням родной земли, и хочется молиться перед ними, излить перед ними свою скорбь и свои думы... Но далеки они, эти вожделенные места святыне, и не многим из нас придется в жизни видеть их... Пусть же их заменит нам благословение от них – все иконы, присланные со св. мест. Перед этими иконами мы станем молиться, как перед самою святынею: они будут непрестанно напоминать нам святую Русь, во благоухании ее многочисленных святынь. <...> Благодетельно может действовать собрание святынь русских и на сердца язычников и магометан, которые, особенно первые (китайцы, калмыки, сибинцы²), очень часто приходят в церковь и рассматривают св. иконы, причем я, по возможности, делаю им, через переводчика, нужные объяснения.

Движимый этими мыслями, я, в половине 1876 года, обратился письменно к многим достопочтеннейшим настоятелям русских монастырей и соборов, а также к некоторым настоятельницам женских иноческих обителей, с просьбою благословить нашу новую церковь святыми иконами, которые были бы или копии с чудотворных икон, или изображения угодников Божиих, коими прославлено то или другое св. место. Благодарение Господу Богу! Сердечное желание мое исполнилось:

преподобные предстоятели и предстоятельницы обителей и настоятели соборов, к коим и обращался со своими просьбами, все с особенным сочувствием и истинно христианскою, братскою о Христе любовью, откликнулись на голос своего далекого собрата и выслали св. иконы, по большей части весьма хорошей живописи, и не только для храма нашего, но особо и для моего недостойнства. В этом сочувствии отцов настоятелей и матерей настоятельниц вполне сказалось то братское единокровие и любовь, которыми может, по справедливости, гордиться наше Православное русское духовенство.

Считаю священным долгом перечислить здесь всех жертвователей и жертвовательниц св. икон для нашего храма, с указанием и самых их жертв, в полной уверенности, что достопочтенная редакция «Странника» не откажется уделить для этого место в своем журнале.

В кульджинский новоустроенный храм присланы в благословение следующие св. иконы:

1) От духовного собора Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, по благословению высокопреосвященнейшего Исидора, митрополита новгородского и Санкт-Петербургского, превосходной живописи икона св. благоверного князя Александра Невского. Икона эта поставлена в числе местных икон.

2) От духовного собора Киево-Печерской лавры 6 аналогичных икон³ преподобных Печерских: Антония, Феодосия, Варлаама, Агапита врача, Никона, Василия и Феодора.

3) От духовного собора Свято-Троицкой Сергиевой лавры, аналогичная икона преподобного Сергия Радонежского Чудотворца.

4) От духовного собора Почаевской Успенской лавры две иконы большого размера, на холсте а) Божией Матери Почаевской, и б) Преподобного Иова Почаевского Чудотворца. Кроме того, для раздачи ученикам школы и новопросвещенным христианам: 1 икона на дереве, 20 литографированных св. изображений, 60 брошюр духовно-нравственного содержания, 100 крестиков и 50 медальончиков. Большие иконы Богоматери и преподобного Иова прекрасной живописи. Они поставлены за левым клиросом.

5) От настоятеля Путивльского Молчанского Печерского монастыря Курской епархии, о. архимандрита Иоасафа, копия с чудотворной иконы Божией Матери Молчанской, в богатой серебро-позлащенной ризе и в венце с камнями. Икона эта, в изящном киоте, пожертвованном кульджинским купцом П.И. Сомовым, находится на аналогии у левого клироса. К иконе этой кульджинские православные имеют особенное благоговейное уважение, выражающееся частым служением пред нею усердствующими молебнов, обильным возжжением свеч и т.п. Икона эта есть точная копия с находящейся в Путивльском Молчанском Печерском монастыре чудотворной иконы Богоматери Молчанской. Сперва икона эта, писанная одним молодым жителем Путивля, была келейною о. архимандрита Иоасафа, который, украсив ее богатою ризою, благоволил пожертвовать в кульджинский храм. Вот что, между прочим, пишет ко мне по этому поводу достоуважаемый о. архимандрит Иоасаф, от 14 марта сего года: «Когда получена была мною ваша бумага о

высылке нам для храма иконы сей, то, по прочтении оной, душа моя до того взволновалась и сердце возгорелось желанием поскорее удовлетворить вашей просьбе, что я с той минуты до самой отсылки иконы к вам был преследуем каким-то особенным побуждением к скорейшему исполнению моего желания. И когда все было готово к отсылке, то все знавшие о сем моем желании, как братия нашей путивль-ской обители, так и посторонние, все чрезвычайно радовались таковому событию и молились пред нею с большим усердием».

6) От настоятеля Соловецкого Ставропигиального монастыря, о. архимандрита Феодосия – икона преподобных Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев, изящной живописи.

7) От о. игумена Валаамского монастыря Дамаскина богатая аналогичная икона преподобных валаамских Сергия и Германа.

8) От настоятеля задонского Богородицкого монастыря, о. архимандрита Дмитрия, большая икона святителя Тихона, замечательно-художественной живописи: святитель, изображенный в полном архиерейском облачении, как живой выделяется из иконы и священным ликом своим производит на молящихся глубокое благоговейное впечатление.

9) От наместника воронежского кафедрального Благовещенского монастыря, о. архимандрита Амвросия, иконы: святителя Митрофана Воронежского и св. Тихона Задонского.

10) От настоятеля иркутского Вознесенского первоклассного монастыря, о. архимандрита Вениамина, икона св. Иннокентия иркутского чудотворца, который при жизни своей имел первоначальное назначение миссионерствовать «в хинском государстве», т.е. в Китае, и лик которого теперь принесен сюда, в Кульджу – одну из бывших провинций китайской империи.

11) От настоятеля курской Коренной пустыни о. игумена Иоанникия, точная по изображению и мере копия с чудотворной иконы Богоматери Кореннокурской.

12) От настоятеля Гжатского Колочского монастыря, Смоленской губернии, о. архимандрита Агания – точная копия с явленной чудотворной иконы Божией Матери, именуемой Колочскою.

13) От настоятеля Красногорского Богородицкого монастыря, Архангельской епархии, о. Ювеналия, два снимка с чудотворных икон Божией Матери Грузинской и Владимирской.

14) От настоятеля боровского Пафнутиева монастыря, Калужской губернии, о. архимандрита Савватия – образ преподобного Александра Свирского.

16) От настоятеля Ниловой пустыни, Тверской губернии, о. архимандрита Арсения – большая икона преподобного Нила Столобенского.

17) От настоятеля Борисоглебского Новоторжского монастыря, Тверской губернии, о. архимандрита Антония – икона преподобных новоторжских Ефрема и Аркадия.

18) От настоятеля Верхотурского Николаевского монастыря, Пермской губернии, о. архимандрита Гавриила – икона св. праведного Симеона Верхотурского.

19) От настоятеля Переяславского Никитского монастыря, о. архимандрита Наума 3 образа преподобного Никиты столпника переяславского.

20) От настоятеля Пешношского монастыря, Московской губернии, о. игумена Дионисия – большой образ преподобного Мефодия Пешношского.

21) От его преосвященства, преосвященнейшего Иакова епископа Муромского, викария Владимирского, управляющего Муромским Благовещенским монастырем – большая и превосходной работы икона св. муромских чудотворцев и просветителей, благоверных князей Константина, Михаила и Федора.

22) От кафедрального протоиерея Новгородского Софийского собора, о. Василия Орнатского – богатый и прекрасно исполненный на большой кипарисной доске образ Софии Премудрости Божией со всеми новгородскими угодниками Божиими.

23) От настоятеля Московского Покровского собора, о. протоиерея Н.И. Надеждина – большой, на кипарисе, образ св. Василия блаженного московского чудотворца, весьма художественной живописи. Замечательно, что иконописец, к которому о. протоиерей Надеждин обратился с заказом иконы для кульджинского храма, узнав куда и для чего назначается икона, с охотой и усердиями взялся за исполнение этого дела, а по исполнении отказался от всякого вознаграждения и за труд свой и даже за материал: он пожелал только, чтобы о его здравии и спасении помолились в кульджинском храме. С благодарностью и удовольствием исполнено желание благочестивого живописца и имя его (Василий) внесено, для поминовения, в церковный наш синодик.

24) От настоятеля Новгородского Клопского монастыря, о. архимандрита Антония – образ преподобного Михаила Клопского.

25) От настоятеля Иосифо-Волоколамского монастыря Московской губернии, о. архимандрита Гедеона – икона преподобного Иосифа Волоколамского.

26) От настоятеля Махрицкого монастыря Московской губернии, о. иеромонаха Саввы – икона преподобного Стефана махрицкого чудотворца.

27) От настоятеля Кирилло-Новодерского монастыря, о. архимандрита Никанора, – икона преподобного Кирилла Новодерского.

28) От настоятеля Макариевского, что на Унже, монастыря, о. архимандрита Иова – образ преподобного Макария унженского и желтоводского чудотворца.

29) От настоятельницы Санкт-Петербургского Воскресенского первоклассного женского монастыря, матери игуменьи Евстолии – большая икона Воскресения Христова с двенадцатыми праздниками. Икона эта писана инокинями означенной обители и послана в Кульджу по благословию его высокопреосвященства, высокопреосвященнейшего Иннокентия, митрополита московского, через совет православного миссионерского общества. Кроме того, достоуважаемая мать игуменьи выразила желание пожертвовать в нашу церковь хоругви с рисованными золочеными украшениями по шелковой материи, работы сестер Воскресенского монастыря.

30) От настоятельницы Спасо-Бородинского общежительного женского монастыря, матери игуменьи Алексии – список с чудотворной иконы нерукотворенно-

го Спасителя, покровителя обители Спасо-Бородинской, работы бородинских отшельниц.

31) От настоятельницы Александровского Успенского женского монастыря, Владимирской губернии, матери игуменьи Елисаветы, три иконы: а) Пресвятой Богородицы «Живоносного источника», в серебряной ризе, с 3 вызолоченными венчиками; б) св. Николая Мирликийского, с изображением, по сторонам, чудес сего святителя; и в) Успения Божией Матери, на кипарисной доске. Все эти иконы довольно древней, но хорошо сохранившейся живописи.

32) От настоятеля Пошехонского Адрианова монастыря, Ярославской губернии, о. игумена Паисия – икона преподобного мученика Адриана, пошехонского чудотворца.

Все эти св. иконы уже получены и, принятые с подобающею святыне честью, размещены частью в алтаре, и главным образом по стенам и колоннам храма. Иконы эти составляют драгоценнейшее украшение кульджинской церкви, ее святыню и святыню русских православных кульджинцев.

Кроме полученных уже св. икон, ожидаются еще две иконы, пожертвованные его высокопреподобием, протопресвитером Московского Успенского собора, о. Дмитрием Новским: а) точная копия с находящейся в Успенском соборе и чтимой всею Россией иконы Божией Матери, именуемой Владимирскою, написанной, по преданию, св. евангелистом Лукою. Икона эта, с находящимися вокруг нее изображениями двенадцати праздников, будет иметь в высоту 1 арш. 7 вершк., а в ширину 15 1/4 вершк.; и б) аналогичная икона святителей московских: Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, коих мощи первого и двух последних почивают в Успенском соборе, а святителя Алексия в очень близком к собору Чудове монастыре. Многие отцы настоятели, кроме святых икон, прислали описания своих обителей, сказания о св. угодниках и чудотворных иконах, акафисты и другие книги, которые вошли в состав библиотеки кульджинской церкви.

Не получены ответы на письма мои от отцов настоятелей монастырей: Ростовского Яковлевского, Тихвинского Большого, Иверского Валдайского, Абалацкого Знаменского, что близ Тобольска, Свяжского Богородицкого, Сергиевой пустыни и некоторых других.

Все мы, кульджинские христиане, приносим вышеименованным жертвователям и жертвовательницам глубокую сердечную благодарность за их драгоценные для нас пожертвования. Имена их внесены, для поминовения о здравии и спасении, в церковный синодик. О пожертвованиях их мною, в бытность мою недавно в г. Верном, донесено туркестанскому архипастырю.

Но следует заметить, что наш русский православный храм есть не единственный в Кульдже дом молитвы верующих в Господа Иисуса Христа: в китайской части города находится часовня китайцев католиков. Считаю не безынтересным сообщить читателям «Странника» несколько сведений о здешних китайцах, исповедующих католическую веру. Но о сем скажу в следующем письме.

Протоиерей М. Путинцев
г. Кульджа. 20 сентября 1877 г.

Письмо 2-е

Китайцы-католики живут в Кульдже с давних времен, именно, как сами они утверждают, с конца XVI или XVII столетия, и вышли, или, точнее сказать, высланы сюда из Пекина. Есть некоторое основание предполагать, что нынешние кульджинские китайцы-католики суть потомки тех русских пленников, которые в 1675 году взяты китайцами в пограничном русском городе Албазине, и, отведенные в Пекин, вместе с русским священником Димитрием, – составили в столице Китая особое предместье, называвшееся русскою сотнею⁴.

Поводом к такому предположению я имею следующее. Бывший настоятель Гуслицкого монастыря Московской епархии, о. игумен Парфений, известный автор «Сказаний о странствии по св. местам»⁵ и других сочинений, – сообщил мне⁶, что в бытность его в Томске, в 1850 году, он случайно познакомился там с молодым русским торговцем Порфирием Глебовичем Уфимцевым, который, состоя приказчиком у семипалатинского купца Самсонова, в сороковых годах изъездил с товарами почти всю киргизскую степь, был в Бухарии и даже в китайских владениях, именно в Кульдже. Рассказывая о. Парфению о своих странствованиях, Уфимцев, между прочим, передал ему, что в бытность его, Уфимцева, в Кульдже, встретился он там с китайцами-христианами, которые узнавши, что он русский, весьма ему обрадовались, и затем сообщили ему, что они тоже русские по происхождению и вере, именно потомки албазинских пленников. В Кульджу же попали по следующему случаю: предки их, албазинцы, живя в Пекине, имели свою церковь и священника, увезенного китайцами из Албазина; когда же священник тот умер, русские обратились к китайскому правительству с просьбою вытребовать из России нового священника, но получили отказ, и, оскорбленные этим отказом, резко высказались пред важными китайскими сановниками. За это 50 семейств русских, как виновных в дерзости против правительства, сослано было в отдаленную Кульджу. По словам Уфимцева, виденные им в Кульдже китайцы-христиане, называвшие себя русскими, – русский язык давно уже позабыли, но мотивы христианские на китайском языке знали и умели ограждать себя крестным знаменем, только крестились по-римски, т.е. полагая знамение креста на левое, а потом уже на правое плечо⁷.

Происхождение нынешних кульджинских китайцев-католиков от русских албазинских пленников, указываемое торговцем Уфимцевым, весьма вероятно, ибо отдаленная Кульджа служила для центрального Китая территорией ссылки. Русские пленники сосланы были в Кульджу в конце XVII столетия, и за это время без пастыря, а следовательно без наставления в законе Божиим, они и их потомки постепенно утратили чистоту учения православной веры, хотя и сохранили за собою имя христиан, а за тем весьма легко могли они сблизиться с китайцами-католиками, которых по всему Китаю, так же как и в Кульдже, было немало. Сблизившись с католиками, потомки русских пленников могли, наконец, незаметно смешаться с ними, как посредством взаимных брачных связей, так в особенности вследствие того, что в Кульдже до инсurreкции⁸ 1860-х годов у китайцев-католиков были свои священники, в последнее время даже природные китайцы, воспитанники иезуит-

ской коллегии в Пекине, которые, конечно, по свойственному иезуитам искусству в деле пропаганды, не оставляли без внимания одиноких, лишенных православного пастыря, потомков русских пленников и без затруднения могли обратить их всех в католичество.

В настоящее время в Кульдже китайцев-католиков насчитывается не более 86 душ обоего пола. Прежде их было несколько сотен семейств, но большая часть их погибла во время возмущения дунган и таранчей в 1860-х годах, когда эти инсургенты, разбивши императорские войска и завладев городами и крепостями западного Китая, бесчеловечно и почти поголовно истребили китайцев. Тогда же был убит в Кульдже католический священник, итальянец по происхождению, а помощник его, младший священник, природный китаец, пропал без вести⁹. Кульджинские китайцы-католики, сколько я заметил и как единодушно отзываются о них все, и русские, и магометане, и язычники, отличаются пред прочими своими соотечественниками чистотою нравов, честностью и трудолюбием. Китайцы-язычники называют их – Тен дзи-джоу, т.е. единобожники, а они китайцев-язычников называют Пу-джоу, т.е. безбожники, считая многобожие однозначим с безбожием. Распрей между теми и другими не бывает, ибо китайцы-христиане кротки и уступчивы.

У китайцев-католиков, как уже сказано, есть в Кульдже молитвенный дом в том квартале китайского города, где все они живут, сгруппировавшись вместе. Дом этот не велик и не богат, украшен изображением распятия Спасителя и Богоматери, в ризах апплике. В этой часовне своей китайцы по воскресным и праздничным дням собираются для совершения молитв, которые частью читаются, а частью поются. На молениях этих я много раз присутствовал. Молитвы у них на китайском языке, а св. Евангелие они читают по-латыни, вовсе не понимая читаемого, да и читают по латыни не многие, и плохо.

При взятии Кульджи русскими все они явились к генерал-лейтенанту Г.А. Колпаковскому с крестами на персях и с выражением радости по поводу прибытия к ним русских. Через месяц после того, они, с крестами же на груди и с выражением тех же чувств, встретили прибывшего в Кульджу туркестанского генерал-губернатора К.П. фон-Кауфмана. Оба генерала оказали милостивое внимание к ним.

С самого занятия русскими Кульджи, на присоединение к православию здешних китайцев-католиков обращено было внимание как духовного, так и светского начальства, ибо покойный преосвященный <епископ Томский> Платон, как сказано выше, тогда же командировал в Кульджу миссионера, а г[осподин] главный начальник Туркестанского края, принимая китайцев-католиков, советовал им не чуждаться нашей Церкви и посещать ее, при чем бывшему тут отрядному священнику, потом миссионерствовавшему в Кульдже, о. Седачеву, особо рекомендовал заниматься обращением китайцев в православие. Но с того времени и донныне (т.е. в продолжение 6 лет) из них присоединено к православию только 3 человека. Между тем, по отзывам самих китайцев-католиков и русских офицеров, бывших при взятии Кульджи и живущих в ней с того времени и до ныне, – тогда католики здешние почти все единодушно желали и искали соединения с русскою, по их вы-

ражению, верою, и <...> даже в 1872 и 1873 годах еще заметно было движение их в пользу Православия.

Какие же причины удерживали и удерживают китайцев-католиков от присоединения к Православной церкви, – если в среде их было уже движение в ее пользу?

Главная причина та, что первый русский миссионер, покойный иеромонах С., вследствие своей несчастной слабости, не мог повести надлежащим образом миссионерского дела. Целыми десятками китайцы толпились у его квартиры, желая побеседовать с ним о вере, приглашали его к себе в дома, но видели только один соблазн, тем более для них тяжкий, что, по рассказам их самих, у них были католические священники весьма трезвой и строго-благочестивой жизни. При иеромонахе С. по целым месяцам, даже на великие праздники, не было церковной службы. Все это поражало католиков, а азиаты вообще подозрительны, недоверчивы, китайцы же в особенности, и вот у них невольно и весьма естественно зародился такого рода вопрос: если уже у русских таковы священники, то истинна ли их вера?.. Вслед за тем они совершенно отшатнулись от нашего иеромонаха, который по прибытии на вновь открытую туркестанскую кафедру преосвященного Софонии был удален из Кульджи и вскоре умер.

Таким образом упущено было самое дорогое для обращения здешних китайцев-католиков время – время их горячего движения в пользу Православия, а коль скоро упущено время, то потеряно многое, и возратить это потерянное не легко. Однако, при чрезвычайных усилиях, терпении и благодатной помощи Божией, сделано уже кое-что относительно обращения китайцев-католиков в Православие. С самого поступления моего на службу в Кульджу (в ноябре 1875 г.) я поставил себе целью сблизиться с китайцами-католиками и, не начиная пока миссионерских бесед с ними, старался уничтожить то недоверие, которое они начали питать к нашему духовенству. Не без труда, но, однако, через пять месяцев по прибытии моем в Кульджу, я с радостью увидел, что китайцы уже не только не чуждаются меня, но и сами стараются поближе сойтись со мною. В то же время они начали приглашать меня исповедовать их больных, петь литии над усопшими, посещать дома их в праздники Пасхи и Рождества Христова со Св. Крестом, что продолжается и до ныне. Но в то время на предложения мои присоединиться к Православию, они отвечали уклончиво и видимо избегали прямого объяснения по этому вопросу.

Видя, что еще не пришел час обращения этих людей в лоно Православия, я решил тогда воздержаться пока от разговоров с ними о перемене веры и ограничился тем, что в беседах своих старался ознакомиться со степенью познаний их в исповедуемой религии. Догматические понятия здешних католиков оказались весьма и весьма смутны. Так, например, хотя они 8-й член Символа веры и читают с прибавлением: «и от Сына», но не придают этому тезису особенного значения, соглашаясь, без всяких возражений, и с православным учением об этом догмате. Учение о главенстве папы им, как видно, было особенно сильно внушаемо западными миссионерами: они представляют римского первосвященника каким-то полубогом и вместе могущественным земным царем, в роде, если еще не выше, богдыхана китайского, – и называют папу главою христианства,

Божиим наместником (Хуан-джоу). О новом догмате папской непогрешимости, о беспорочном зачатии Богоматери, об индульгенциях – не имеют почти никакого понятия, общие же христианские догматы и Св[ященная] история им достаточно знакомы.

О святых римской церкви они почти ничего не знают и, если и призывают в своих молитвах святых, то преимущественно св. апостолов Петра и Павла. Однажды я передал им литографированное изображение преподобного Иова Почаевского, рассказал о его жизни, не скрывши при том, что католики не считают его святым, – и что же? Китайцы поставили это изображение в рамке в свою часовню, вместе с другими иконами, и теперь молятся пред ним, возжигают пред ним свечи. Обрядность их, как я заметил, не чужда и языческого элемента: вероятно, это навеяно к ним от соседства соплеменных язычников.

В таком положении дела китайцев-католиков застал приезд в Кульджу, в конце мая 1876 года, преосвященного Софонии, епископа Туркестанского. Владыка был в часовне китайцев, но не имел времени, а главное, не случилось тогда налицо переводчика, чтобы побеседовать с ними. Однако архипастырь подробно расспрашивал меня о миссионерстве, как среди католиков, так и среди других иноверцев (магометан и язычников) Кульджинского района. Словесно, а потом официальным рапортом от 23 мая 1876 года я подробно донес его преосвященству как о результате моих беседований с католиками, так и о способах усиления миссионерства в среде магометан и язычников. При этом, на основании фактических данных, я докладывал владыке о необходимости назначения в Кульджу особого, кроме приходского священника, миссионера, ибо, для того, чтобы иметь успех в евангельской проповеди, миссионер должен исключительно и усиленно заняться этим делом, не отвлекаясь, как отвлекается теперь, посторонними многосложными обязанностями и трудами, как-то: исполнением треб среди двухтысячного населения прихода, ежедневными занятиями в местном народном училище, беседами с нижними чинами войск и т.п.

Тогда рапорт мой не получил движения. Но вот в конце июня нынешнего года я получил от архипастыря извещение о намерении его преосвященства открыть в Кульдже миссионерство отдельно от приходского священника, о чем преосвященный Софония вошел уже в сношение с г[осподином] главным начальником Туркестанского края. Вместе с этим извещением владыка предписал мне представить сведения о том, сколько насчитывается в Кульдже и во всем районе христиан католического исповедания, и сколько за тем населения иноверного, языческого и магометанского, где лучше поселиться между ними особому миссионеру, чтобы удобнее ему действовать на всю среду туземцев, и что будет стоить в год прожить ему безбедно, с разъездами по всему району и с содержанием при себе переводчика по найму. В исполнение этого архипастырского предписания я, при рапорте своем от 2 июля сего года за № 115-м, представил владыке проект миссионерства в Кульдже, на совершенно новых основаниях, который, в извлечении, предлагаю вниманию достопочтенных читателей «Странника». Вот что, между прочим, я донес нашему высококочтимому архипастырю.

По полученным мною от начальников участков Кульджинского района офи-

циальным сведениям, китайцев католического исповедания насчитывается: а) в *Кульдже* – 60 человек мужского пола и 26 женского, а всего 86 человек, б) *вне Кульджи*, в окрестных деревнях, – 84 человека мужского пола. Всего же в *Кульдже* и районе китайцев-католиков 170 человек обоего пола.

Язычников в *Кульдже* и районе считается: 28 612 человек мужского пола и 22 625 человек женского пола, а обоего пола 51 237 человек.

Магометан в *Кульдже* и районе: 44 603 человека женского пола, а обоего 84 622.

Язычники принадлежат к племенам китайскому, калмыцкому и сибинскому, а магометанство исповедуют таранчинцы, сарты, киргизы, дунгане, немало есть казанских и уфимских татар.

Проповедь Евангелия магометанам здешнего края в настоящее время невозможна <...>. Еще надолго нужно оставить здешних магометан в покое, пока они совершенно свыкнутся с русскими <...>¹⁰. Идти теперь в среду здешних магометан с проповедью Евангелия небезопасно даже в политическом отношении, ибо миссионерская проповедь может послужить поводом к возмущению магометанского населения.

Поэтому деятельность будущего миссионера должна быть обращена только на китайских католиков и на язычников, т.е. китайцев, сибинцев и калмыков. В особенности последние (калмыки) обещают обильную жатву для делателя, которого изведет Господь на святое делание. Калмыки народ по большей части чрезвычайно бедный, нуждающийся в материальной помощи, и если эта помощь явится со стороны христианского миссионера прежде проповеди Евангелия, то с самого начала и навсегда расположит к нему сердца этих добрых и доверчивых людей, а затем и сама проповедь ими будет принята без недоверия, с охотою, тем более, что религиозные убеждения калмыков весьма не тверды. В последнюю Св. Пасху я заметил, что в нашу церковь, и к Богослужению и вне его, как храм был открыт, стали приходить десятки калмыков обоего пола, преимущественно бедняков из ближайших к *Кульдже* деревень. Все они внимательно рассматривали церковь и молились в ней по своему обряду, стоя на коленях и падая ниц, в особенности пред большою, рисованною на полотне, иконою распятия Спасителя.

Из разговоров моих с этими людьми я узнал, что им весьма нравится наша церковь и совершаемое в ней Богослужение, – почему они и стали ходить в наш храм. За тем в конце мая месяца этого года я с разных сторон получил сведения, что калмыки, живущие в деревнях по левому берегу реки Или, охотно бы приняли к себе христианского миссионера. Дело обращения в православие и китайцев-католиков в настоящее время может увенчаться благим успехом.

В мае месяце прошлого 1876 года я, как сказано выше, доносил туркестанскому преосвященному о моих беседах со здешними католиками, результатом которых было некоторое сближение мое с ними. Более ничего тогда, в полгода моего служения в *Кульдже*, я не мог сделать. С того же времени и до ныне, т.е. в продолжение года, сближение мое с китайцами-католиками достигло той степени, какой я сердечно желал: сколько могу видеть, теперь то недоверие, которое поселилось было у них к русскому духовенству, – совершенно исчезло. Дай Бог, что-

бы коренные русские и православные были так же почтительны и доверчивы к своему духовному отцу, как эти иноверные и иноплеменные христиане к чуждому им по вере пастырю. Теперь я уже мог, через переводчика, вести миссионерские беседы с ними, и замечаю, что они, исключая немногих стариков, пока еще твердо держащихся своей религии, начинают склоняться в пользу нашей святой православной веры, в особенности женщины.

К сожалению, с началом Великого Поста нынешнего года я вынужден был если не совсем прекратить свои посещения католиков, то приостановить миссионерские беседы с ними, во-первых потому, что служивший мне переводчиком молодой семиреченский казак Михаил Сташков, хорошо знающий разговорный язык и грамоту китайцев, отослан из Кульджи, по воле военного начальства, в одно из заграничных китайских селений, в распоряжение купца Каменского, доставляющего хлеб китайским войскам. Без переводчика же я не могу вести с китайцами систематических бесед о вере, и хотя продолжаю бывать у них часто, чтобы они, так сказать, не отвыкли от меня, но разговоры мои с ними не заходят далее того, что можно сказать пантомимами и не многими китайскими словами, известными мне, и – русскими, известными моим собеседникам.

Во-вторых, каждодневная церковная служба в продолжение всего Великого Поста и Пасхи, требоисправления, ежедневные занятия в школе, хлопоты по приготовлению к освящению нового храма, затем поездка моя в Верный, а по возвращении оттуда экзамены в училище и частые поездки в укр[епление] Борохудаир (за 144 версты от Кульджи), для исполнения треб, – все это совершенно отнимало у меня время для бесед с католиками.

Таким образом, факты сами красноречиво говорят в пользу необходимости скорейшего назначения в Кульджу особого, никакою постороннею должностью не занятого, миссионера. Месяц непрерывных ежедневных собеседований с католиками, через посредство хорошего переводчика, – и я вполне уверен, что почти все католики здешние изъявляют желание присоединиться к Православию.

Чтобы удобнее действовать на среду туземного иноверного населения, миссионер, по мнению моему, непременно должен поселиться в самой Кульдже, так как в ней находится и большинство китайцев-католиков (8 душ обоого пола) и не малое число язычников (до 3000 душ обоого пола), а прочие язычники, и в частности калмыки, более других способные к восприятию евангельского учения, во множестве живут в ближайших окрестностях города, по деревням. Да и вообще туземное население района разных народностей, за покупками и на работу, в значительном числе во всякое время года съезжается в Кульджу. Проповедь веры Христовой необходимо, по всему этому, начать с самой Кульджи и ее ближайших окрестностей, предоставив затем углубление ее внутрь района времени и воле Того, святейшее имя Которого будет проповедано здешним народам.

Во всякое время в Кульдже можно найти, недалеко от китайского города, где живут католики, приличную квартиру для миссионера. А всего лучше немедленно же, если предоставлены будут на то достаточные средства, приступить к постройке особого для миссионера дома, со всеми необходимыми в нем приспособлениями для нужд миссии. Для постройки дома есть здесь прекрасное и сво-

бодное место на низовье Или, на самом (правом) берегу ее, на юге от крепости, в одной версте от последней. Тут может быть разведен сад и огороды. Тут же, вокруг миссионерского дома, могут селиться и новообращенные, как это принято во всех наших миссиях. Для постройки миссионерского дома, в котором помещались бы, кроме миссионера и переводчика, домовая церковь и школа, со всеми при том хозяйственными службами, достаточно было бы 2000 рублей, если произвести постройку посредством частного порядка. Без хорошего материального обеспечения, при постепенно увеличивающейся дороговизне на жизненные потребности в Кульджинском районе¹¹, невозможно назначение особого миссионера, ибо и здесь, как везде, недостаточность материального обеспечения миссионера со всею силою должна отразиться и на самом миссионерском деле: не до апостольских трудов тому священнику, которого день и ночь гнетут заботы о пропитании себя и семейства, убивая в нем всякую энергию и парализуя всякую другую деятельность, кроме деятельности для приобретения хлеба насущного. Мир душевный и возможное отсутствие, или, по крайней мере, уменьшение, тяжелых житейских забот, необходимы в великом и святом деле служения вообще и миссионерского – в особенности.

Поэтому, ради успеха самого миссионерства, не должно жалеть денег на обеспечение миссионера. Из собственного, в продолжение полутора лет жизни в Кульдже, опыта я нахожу необходимым назначить собственно миссионеру содержания в год 1200 рублей, как и получает ныне миссионер сарканский, да впредь до постройки дома, ему же квартирных 300 рублей в год. Я в настоящее время получаю всего содержания от казны 1200 рублей в год при казенном доме, отоплении и денщике, имея, кроме того, и доходы за требы, – но всего этого, при всей умеренности моей жизни, только лишь достает на безбедное, без нужды, существование. Между тем и семейство мое не большое. Поэтому 1200 рублей содержания для миссии в Кульдже должно быть minimum.

Квартиры здесь вообще очень дороги, и хорошая квартира в четыре и пять комнат отдается не менее как за 20 или 25 рублей в месяц. А миссионеру, для помещения, кроме себя, переводчиков, псаломщика и небольшой школы, необходимо иметь не менее пяти комнат.

Имея в виду проповедь среди китайцев и калмыков, миссионер должен держать непременно двух переводчиков: одного для китайского языка, а другого для калмыцкого, так как трудно и даже невозможно найти здесь такого переводчика, который одинаково хорошо знал <бы> оба языка, а если бы и нашелся такой, то ему придется платить усиленное жалованье. Поэтому и полагаю необходимым отпускать миссионеру на наем переводчиков по 300 рублей в год.

На разъезды миссионера по всему району следует положить также не менее 300 рублей в год.

Кроме того, у каждой миссии вообще, а в частности у каждого отдельного миссионера, есть особые, не частные, а так сказать общие, касающиеся собственно прозелитов, нужды и расходы, а именно: устройство школы, выписка для новообращенных книг, покупка для них икон и крестиков, приготовление для крещаемых чистого белья и одежды, на попомоществование бедным и больным, призрение пре-

старелых и убогих и т.п. На эти, неизбежные, но во всяком случае производительные расходы следует ежегодно отпускать миссионеру не менее 300 рублей в год.

Кроме того, ежегодно нужно ассигновать на церковные потребности как то: на просфоры, вино, ладан, свечи – 100 рублей. Да на наем псаломщика, без которого не возможно обойтись миссионеру, потребуется в год 300 рублей. Таким образом, всего в год на кульджинское миссионерство потребуется к отпуску сумма в 2800 рублей. Затем, тотчас по назначении в Кульджу особого миссионера, встретится надобность в устройстве походной миссионерской церкви, для чего одновременно нужно будет ассигновать не менее 600 рублей, что с двумя тысячами рублей на устройство миссионерского дома составит всего одновременно 2600 рублей.

В заключение моего донесения я представил на архипастырское воззрение следующее. Выше я упомянул о возможности в настоящее время присоединения к православию китайцев римско-католического вероисповедания и о замеченном мною движении в пользу христианства в среде живущих близ Кульджи калмыков. До назначения сюда особого миссионера может пройти довольно продолжительное время, – поэтому и просил его преосвященство, в видах доставления мне возможности продолжать начатые мною миссионерские беседы со здешними католиками, испросить у г[осподина] военного губернатора Семиреченской области разрешение теперь же командировать в мое распоряжение вышеназванного молодого казака Михаила Сташкова, состоявшего ныне при торговых операциях купца Каменского и хорошо знающего китайский язык. Казак этот, учившийся целый год закону Божию в кульджинской школе под моим руководством, и учившийся прекрасно, служивший уже мне с пользою в качестве переводчика при беседах моих с китайцами, – может быть не только переводчиком, но даже и хорошим катехизатором. При таком переводчике, как казак Сташков, можно надеяться на добрый успех проповеди среди католиков, и я с любовью готов продолжить это святое дело. Относительно калмыков я нахожу также необходимым теперь же, насколько возможно, начать среди них дело евангельской проповеди, что я также с охотою принимаю на себя.

Для этого необходимо совершить несколько поездок в ближайшие к Кульдже калмыцкие селения. Поездки эти¹² в летнее, свободное для меня от занятий в училище время, не отвлекли бы меня ни от богослужения в церкви, ни от требоисправлений, так как калмыцкие деревни находятся в очень близком расстоянии от города, и я в продолжение недели мог бы раз или два приезжать в Кульджу, затем снова выезжать. Расходов от казны на эти поездки не потребуется, так как я могу их совершить за свой счет. Я постепенно уже заготовил, для раздачи беднейшим калмыкам, чай кирпичный¹³, дешевые платки и материи для одежды. Мог бы взять с собою муки для той же цели. Этим способом можно несколько расположить в свою пользу калмыков. Переводчика я имею здесь в виду. Кроме того, бесполезен был бы мне в этом случае один из воспитанников, мой крестник, четырнадцатилетний мальчик Михаил. Он хорошо говорит по-русски и по-калмыцки, весьма смышлен, желает, при том, готовиться в духовное звание, на должность псаломщика, о чем, в бытность мою ныне в Верном, он лично заявил мне. Я официально просил уже совет семиреченского православного братства, в ведении которого находится вер-

ненская калмыцкая школа, об увольнении ко мне названного мальчика, но ответа на мою просьбу не имею. Поэтому, если бы архипастырь благословил принять участие в скорейшем увольнении ко мне означенного мальчика, то мальчик этот был бы и теперь, а в особенности впоследствии, весьма полезен для миссии. Содержание его пищей и одеждою я принял бы на себя. Докладывая о всем этом преосвященному, я испрашивал разрешения и благословения владыки на предложенные мною поездки с миссионерской целью, по калмыцким деревням. Во время этих поездок я буду вести подробный ежедневный журнал своих действий и наблюдений, который поставлю долгом в свое время представить как преосвященному, так и сообщить и редакции «Странника». Поездки эти я предполагаю совершить в последней половине августа месяца сего года. Эти поездки послужили бы началом и как бы опытом миссионерства среди здешних калмыков.

Должно надеяться, что назначение особого миссионера в Кульджу состоится, ибо г[осподин] туркестанский генерал-губернатор, от которого главным образом зависит это назначение со стороны денежных средств, всегда с горячим сочувствием относится к каждому доброму начинанию во вверенном ему крае и так же, без сомнения, отнесется и к преобразованию кульджинского миссионерства. О последующем сообщу, в свое время, редакции.

Протоиерей М. Путинцев
г. Кульджа. 12 октября 1877 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Таранчи* – устаревшее название оседлых уйгуров-земледельцев.

² *Сибо, сибицы* – тунгусско-маньчжурский народ в Китае.

³ *Аналогийная (или аналойная) икона* – особый тип небольших икон, предназначенных для положения на аналой (стол с наклонной поверхностью, используемый в православном храме в качестве подставки для икон, богослужебных книг и т.д.).

⁴ См. житие св. Иннокентия Иркутского, в ноябрьской книжке «Житий святых Русской Церкви» А.Н. Муравьева изд. 1860 года. С. 364. (Прим. авт.)

⁵ *Схиизумен Парфений* (Агеев или Андреев, 1806–1878) – настоятель Николо-Берлюковской пустыни (1856–1860) и основатель миссионерского Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря (1858–1872), духовный писатель, миссионер. Наиболее известным его сочинением является «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской инока Парфения» (1855).

⁶ Сперва в письме от 10 марта 1876 года, а потом в особой собственноручной рукописи его сочинения под заглавием: «Сказание о киргизской степи, о Бухарии и о ее городах, о Китае и о Кульдже». Сказания эти составлены о. Парфением на основании рассказов русского торговца Порфирия Уфимцева, бывшего

в 40-х годах нынешнего столетия в Кульдже, Бухарии и киргизских степях». Сказания не лишены интереса. (Прим. авт.)

⁷ Интересно в имеющейся у меня вышеупомянутой рукописи о. игумена Парфения следующее место: «Рассказ торговца Уфимцева о христианах в Кульдже (пишет о. Парфений) я велел ему описать на бумаге; он написал и принес ко мне, а я переписал своею рукою его сказание и при своем письме послал в Москву к покойному митрополиту Филарету. Владыка Филарет спросил обо мне моих друзей, молдавских старцев, живших в Гефсиманском скиту и коротко меня знавших. Потом митрополит послал мое письмо подлинником к тогдашнему обер-прокурору св. Синода, графу Протасову (это было в 1850 году); граф доложил мое письмо императору Николаю Павловичу, а Государь передал это письмо в государственный совет, где положено присоединить к России те части киргизской степи, которые ближе к Китаю, а в Кульдже и Чугучаке открыть русские консульства с церквями и причтами. Таким образом дело это (т.е. завоевание нынешней Семиреченской области и устройство церквей и консульств в Кульдже и Чугучаке) поднято монахами: сперва Афонской горы духовником, иеросхимонахом Арсением, пославшим меня в Сибирь с Афона именно с этою, как я теперь убежден, целью, а потом мною, – решившимся писать покойному святителю Филарету о среднеазиатских

степях». См. рукопись игумена Парфения: «Сказание о киргизской степи» и проч. (*Прим. авт.*)

⁸ От лат. *insurrection* – восстание, мятеж.

⁹ До того времени китайцы-католики жили главным образом в манджурской Кульдже, взятой и разрушенной инсургентами в 1865 году и теперь лежащей в развалинах; а ныне занимаемая русскими Кульджа у католиков был свой храм, который при взятии города мятежниками разрушен. Китайцы-христиане успели только спасти богатое канвовое, шитое серебром и золотом, облачение своего священника, серебряную дароносицу, форму для приготовления облаток, воздуха и мраморную доску с престола. Все эти вещи благоговейно сохраняются китайцами в их часовне. Я видел эти вещи. (*Прим. авт.*)

¹⁰ Мною, впрочем, просвещена Св. Крещением одна магометанка (таранчинка). Да предместником моим – одна киргизка и одна же таранчинка. (*Прим. авт.*)

¹¹ Так например: мука ныне стоит 50 копеек пуд, тогда как год тому назад она продавалась не дороже 20 копеек; в зерне пшеница год тому назад не превы-

шала 8 и 9 копеек, а нынче продается не менее 23 копеек. Причиною такого быстрого возвышения цен на хлеб в здешних краях были громадные закупки хлеба купцом Каменским, доставляющим провиант китайскому войску в Шихо. Впрочем, в настоящее время доставка хлеба в Китай воспрещена Высочайшим повелением. (*Прим. авт.*)

¹² До сего времени кульджинские миссионеры, присутствие которых в Кульдже постоянно необходимо по делам прихода и училища, не совершали миссионерских поездок в окрестности города; не совершали их, между прочим, и потому, что на каждую поездку нужно испрашивать особое разрешение преосвященного. Архипастырь туркестанский предписал также циркулярно миссионерам, чтобы каждый иноверец, обращенный в св. веру, подавал его преосвященству форменное прошение о желании своем креститься, без чего миссионеры не имеют права совершать над прозелитами Св. Крещения. (*Прим. авт.*)

¹³ *Кирпичный (плиточный) чай* – черный или зеленый чай, сформованный в плитки.

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Ссылное духовенство в письмах и воспоминаниях. Митрополит Арсений (Стадницкий) в Средней Азии*

ЧАСТЬ 2. Полторацк (Ашхабад)

В Красноводске митрополит Арсений находился немногим больше года, а затем место ссылки ему изменили. 28 августа 1925 года владыка прибыл в Полторацк (так с 1919 по 1927 годы назывался Ашхабад), где и находился весь оставшийся срок ссылки, а возможно и дольше, до лета 1927 года.

О самых первых днях пребывания владыки Арсения в Полторацке известно из автобиографического сочинения «История моего старообрядчества» епископа Андрея (Ухтомского)¹. Епископ Андрей вспоминал, как в Полторацке, где он отбывал ссылку, в ответ на просьбу старообрядческого архимандрита Климента (Логвинова)² он согласился стать архиереем для беглопоповских общин. 10 сентября (28 августа по ст. ст.) 1925 года он совершил над собой миропомазание «старообрядческим» миром и произнес свое исповедание веры «по-древнему, с соответствующим отречением от ересей»³. После чего объявил себя старообрядческим епископом и отрекся от «господствующей иерархии»⁴, под которую старообрядцы понимают иерархию Русской Православной Церкви. Затем он возглавил посвящение Климента во епископа для беглопоповцев. Митрополит Арсений пытался воспрепятствовать этим неканоническим действиям, по сути своей означавшим переход епископа Андрея к раскольникам. Но перспектива «воссоединения» со старообрядцами и надежда преодолеть этим раскол так увлекли епископа Андрея, что он отвергал любые увещевания. За общение с беглопоповцами и принятие от них помазания миром, за незаконные хиротонии епископ Андрей

* Продолжение. Начало в № 2 (LVI), 2021.

был запрещен в служении Патриаршим Местоблюстителем Петром (Полянским), затем – его заместителем митрополитом Сергием (Страгородским). Прещения он не признал, осуждая всех, кто пытался ему помешать, в том числе и митрополита Арсения.

Обращаясь к отрывкам из сочинения епископа Андрея за ценными сведениями, надо помнить, что оно очень тенденциозно: негативные черты в образах митрополита Арсения и многих других лиц являются следствием отрицательного отношения автора к священнослужителям *господствующей иерархии*.

Из сочинения епископа Андрея (Ухтомского) «История моего старообрядчества» (о событиях августа – сентября 1925 года)

<...> Архимандрита Климента я встретил на вокзале Асхабадском при исключительных обстоятельствах. Я встречал митрополита Новгородского Арсения, приехавшего в Асхабад из Красноводска⁵. Встретив митрополита, отказавшегося ехать ко мне на обед, я нос к носу встретился с каким-то смиренным иноком в беденьком беленьком коротком подряснике, который подошел ко мне и спросил меня: здешний ли я житель и как найти епископа Андрея. И эта встреча произошла тогда, когда всякий приехавший ко мне подвергался чрезвычайно бдительному надзору и обыскам.

Архимандрит Климент без всякого обыска оказался моим гостем и скушал митрополичий обед (состоявший из картошки вареной и жареной).

<...> Кончились наши первые разговоры с архим[андритом] Климентом 16 августа [29 августа по н. ст.], и я повел его на ночлег к моему давнишнему – с 1902–[1]906 годов – другу, Константину Николаевичу Потатуеву, у которого и оставил о. Климента для свободного обдумывания всего того, что он от меня слышал⁶.

<...> Из Красноводска переводят самого митрополита Новгородского Арсения (15 авг[уста (28 августа по н. ст.)]), а потом из Теджена (1 сент[ября (14 сентября по н. ст.)]) епископа Льва⁷, которые и стали ревностными богомольцами попа Димитрия⁸ и опорой его пастырского авторитета.

<...> Но, поддерживая попа Димитрия, митр[ополит] Арсений иногда заходил помолиться в молитвенный дом отца Матфея⁹; а снисходительность митрополита к Димитрию дошла до того, что он допустил даже такой инцидент. Однажды митр[ополит] Арсений был в храме и стоял в алтаре. Говорил проповедь старый священник Павел Успенский¹⁰ о безбожии вообще и в частности о безбожии пионеров. Вдруг «настоятель» Димитрий перебивает проповедника, запрещает ему продолжать проповедь и вслух произносит многозначительные слова: «Мы дали подписку об этом проповедей не говорить».

Митр[ополит] Арсений и после этого находит, что «православие» попа Димитрия безусловно, а игумен Матфей и его «православие» были уже под сомнением, ибо он не был согласен с «самим» митрополитом, ибо митрополичье снисхождение к подлости было уж очень противно отцу Матфею, и он стал после этого нигде не зарегистрированным, в некотором роде «беглым» попом.

<...> Когда уже все мои переговоры с архим[андритом] Климентом были окончены и мы условились обо всех подробностях чина «воссоединения», то я не считал возможным скрыть от митр[ополита] Арсения наши планы. Митрополит меня отговаривал от «рискованного шага», говорил, что мои намерения неканоничны, что я должен отправить архим[андрита] Климента к митрополиту Крутицкому¹¹ и т.п. Я возразил, что канонично все, что полезно для церкви и что делается во славу Божию; напротив, неканонично то, что на основании

буквы канонов делается во вред церкви. Я просил митрополита Арсения разделить наше убогое по обстановке торжество первой молитвы со старообрядцами, бывшими раскольниками. Но митрополит Новгородский наконец мне признался, что «в вопросе о расколе он недостаточно компетентен». На этом наши разговоры об архим[андрите] Клименте и прервались.

Но митр[ополит] Арсений на этом не успокоился и послал [в] дом К.Н. Потатуева, где жил архим[андрит] Климент, архим[андрита] Евгения Кобранова¹² уговорить Климента не связываться со мною, а прийти к митр[ополиту] Арсению для соответствующих переговоров. Архим[андрит] Климент на это сказал мне: «Зачем я к нему пойду? <...>». Я не имел основания настаивать на этом вполне ненужном визите¹³.

<...> [М]оему воссоединению со старообрядцами можно было только радоваться и благодарить за это Бога. Но грехи и страсти человеческие испортили и это святое дело. И как всегда, во главе всякого раскольнического движения стоит и стояла иерархия всех степеней: против молитвенного объединения со старообрядцами прежде всего выступил митрополит Новгородский Арсений, который по всему Асхабаду, а потом и по всей России оповестил, что я ушел в раскол и что он прервал со мной молитвенное общение <...>¹⁴

Не только из этого сочинения епископа Андрея, но и из других источников известно, что в ссылке митрополит Арсений находился в переписке с митрополитами Петром (Полянским) и Сергием (Страгородским). Скорее всего, он не прекращал и многолетнее общение со своим ставленником – тогда еще архиепископом Алексием (Симанским), который в его отсутствие управлял Новгородской епархией. Переписывался владыка Арсений также со многими другими архиереями и священнослужителями, сообщая им о ближайших к нему событиях церковной жизни. К великому сожалению, до тех пор, пока не обнаружены и остаются недоступными многие фонды, где хранятся эти письма, об их содержании приходится лишь догадываться по немногим опубликованным цитатам. О том, каким образом митрополит Арсений «по всей России оповещал» о событиях, которые произошли 28 августа (10 сентября по н. ст.) 1925 года в Полторацке, можно судить по отрывку из его письма клирику Новгородской епархии о. Николаю Чернышеву:

Еп[ископ] Андрей, конечно, пребывает в нашем городе, но скоро, в начале февраля, за исполнением курорта лечения¹⁵, выбывает, неизвестно, куда; вероятно, в свою бывшую Уфимскую епархию, но не к православным, а к беглопоповцам, к которым он здесь перешел чрез второе миропомазание дониконовским миром. Теперь мы с ним не имеем молитвенного общения, как расколовшимся с нами¹⁶.

Епископ Андрей совершенно напрасно упрекал митрополита Арсения в доносительстве и в «мелкой, дрянной клевете»¹⁷. Можно с уверенностью утверждать, что и другие сообщения митрополита о полторацких событиях были такого же рода, как в письме Чернышеву: владыка всегда писал по существу, правдиво, с достоинством, не опускаясь до оскорблений и страстных обличений.

В Полторацке владыка Арсений продолжал также переписываться с Анатолием Фёдоровичем Кони¹⁸.

Переписка митрополита Арсения и Анатолия Федоровича Кони (о событиях сентября 1925 – января 1927 годов)

6. Письмо от 1 октября 1925 года¹⁹

18 сент[ября]/1 окт[ября] – [19]25 г.

Глубокоуважаемый
Анатолий Федорович!

Получил Ваш «Чеховский» дар²⁰, переадресованный на новое место моего преселения в Полторацк (он же Асхабад), столицу новой Туркменской республики. О причинах такого преселения не ведаю, конечно, по воле Божией и по высшим соображениям власти, в которые проникать нам не дано. С внешней стороны как будто лучше, п[отому] ч[то] как никак это стольный град с культурными учреждениями. Но мне грустно за Красноводском, этим ласточкиным гнездом, прилепившимся у подножия диких гор и при Каспии. И своею пустынною он больше всего соответствует настроению подобных мне изгоев. Кроме того, мне жаль было расставаться с нашею коммуною, где, несмотря на некоторые отрицательные стороны такого совместного жития, мы в течение 1½ годичного пребывания сроднились друг с другом. А затем, там квартирные условия, особенно в последнее время, были прекрасны. Здесь же теперь, с возвышением города в столичный ранг, жилищный кризис, и приходится ютиться в клетушке-келье в одно окно. Впрочем, за все благодарение Богу, устрояющему нашу жизнь по Его благой и спасительной воле.

Благодарю Вас за внимание, которым Вы дарите меня; не оставляйте им и на новом месте моего обитания.

Читал об юбилейных академических торжествах²¹. Как бывший Россиянин, я гордился процветанием науки в моем отечестве (слово, правда, теперь неупотребительное); но почему-то мне грустно было при чтении всех этих выпретенных речей. Чувствовалось, что чего-то не достает. Замечательно, что на всем обширном пространстве хвалебных и благодарных речей, только один раз было употреблено слово «Бог», и то вызвавшее «снисходительную» улыбку. И это «мужественное» слово произнесено было индийским ученым, 90-летним старцем, Мад²². А между тем в числе деятелей Академии были многие религиозные и церковные люди. Ломоносов, напр[имер], был весьма религиозен. В числе членов Академии состояли некоторые иерархи, напр[имер], митрополит Филарет, Макарий и пр. А сколько было и есть научных деятелей Академии из духовного сословия! Теперь о них и не вспомнили. Инии трудишася, а инии внидоша в славу их²³, по слову Спасителя. Видал и Ваш портрет, но, конечно, если бы не было под ним подписи, то не признал бы. Может быть есть у Вас позднейший портрет, а то и ранний, – был бы рад иметь его.

Будьте здоровы и Господом хранимы.

Душевно преданный
Арсений Стадницкий,
М[итрополит] Новгородский.
Полторацк,
Туркменск[ая] респ[ублика].
Журавлевская ул. д. № 14²⁴.

Среди писем, полученных Анатолием Федоровичем, хранится одно его письмо к владыке Арсению. Это – черновик или беловой вариант ответного письма, по каким-то причинам недописанного и не отправленного.

Письмо Анатолия Федоровича Кони митрополиту Арсению от 23 декабря 1925 года

Архиеп[ископу] Арсению

23 декабря 1925 г.

Высокочтимый
Арсений Георгиевич!

Я очень виноват перед Вами в том, что долго не подавал весточки о себе. Причина тому – постоянное нездоровье, которое преследует меня с лета, заставляя страдать ревматизмом, крайнею тяжестью походки [нрзб], бессонницей с разными нервными болями. К этому присоединилось еще обширное количество работы, отнимающее немногие сравнительно здоровые часы. Читаю лекции врачебной этики в клиническом Институте для усовершенствования врачей и об ораторском искусстве слова в Институте техники речи. Кроме того, не имею возможности отказываться от докладов в разных ученых обществах, коих состою членом, а все это отнимает массу времени и вызывает такую усталость, что настоящее письмо я не пишу, а диктую. Но мысль моя часто обращается к Вам в молчаливой беседе по многим вопросам, кот[орые] тревожат совесть и по которым так хотелось бы слышать Ваше важное мнение.

С тех пор как прекратилась наша общая деятельность в Верхней Палате, прошло много времени, и жизнь создала ряд новых наслоений, но «vivit sub pectore vulnus». (Живет под сердцем рана).

Нередко думаю о смерти, которая уже летает около меня и начинает задевать меня своим крылом. Я не страшусь ее, и думаю, что Господь в своей благодати не встретит меня грозным упреком: «Раб ленивый и лукавый, что ты сделал с данным тебе талантом?» – Но грустно уйти, когда кругом такая тревожная жизнь и подвергаются такому колебанию [такие] устои общежития, как брак и семья.

Последнее время здесь некоторую сенсацию производят выступления еп[ископа] Антонина²⁵ по вопросу, был ли Христос, и митр[ополита] красной церкви Введенского²⁶ по вопросу о том, есть ли Бог. Они не отрицают ни того, ни другого, но самое внесение такого вопроса на суд толпы со стороны лиц, считающих себя носящими духовное звание, мне представляется крайне недостойным, чтобы не сказать более. Жозеф де Местр говорит в одном из своих сочинений: «Вера есть, прежде всего, результат личного опыта». Но возможна ли беседа о таком результате перед жадной до зрелищ массой людей, пришедших с праздным любопытством?

Надеюсь, что Вы устроились по возможности удобно и что местный климат Вам не вреден. Вы очень обяжете меня, дав о себе сведения.

10 февраля²⁷ будущего года мне исполняется 82 года (а 14 октября исполнилось 60 лет моей служебной деятельности). Не ропщу на жизнь, но вспоминая некоторые ее периоды, могу сказать: «Вкусная, мало меду вкусих и се аз умираю»²⁸. Помолитесь за меня в этот день со свойственной Вам добротой и участием.

Шлю Вам приветствия с празднеством Рождества Христова²⁹.

7. Письмо от 2 января 1926 года

20-XII-[19]25

2-I-[19]26

Глубокоуважаемый
Анатолий Федорович!

Следуя доброму, исконному христианскому обычаю, а также повинуюсь непрестающему чувству глубокого уважения к Вам, поздравляю Вас с великим Праздником Рождества Христова, с молитвенным пожеланием всех милостей Господних, которыми существуем и движимы есмы.

Желаю, чтобы праздничная радость озаряла еще долгие-долгие дни жизни Вашей в добром здравии души и тела.

Что касается меня, то в общем я здоров, свыкся уже с новым местом преселения и возлагаю все упование на волю Божию, всегда благую и спасительную.

Читаю «Падение Царского Режима» (по материалам Чрезвычайной комиссии)³⁰, и страшно тяжело, как жалки и ничтожны были люди, стоявшие во главе государственного управления. Мне отищение и Аз воздам³¹...

С чувством глубокого уважения и благодарной памяти

Арсений Стадницкий
(М[итрополит] Н[овгородс]кий)
Полторацк (Асхабад)
Туркменск[ая] респ[ублика]
[ул.] Журавлевская, [д.]14³².

8. Письмо от 19 мая 1926 года

6/19-V-[19]26

Воистину воскрес,
Глубокочтимый Анатолий Феодорович!

Взаимно поздравляю Вас с великим Праздником и молитвенно желаю, чтобы Пасхальная радость о Воскресшем Жизнодавце долго-долго была неизменным спутником на «Вашем жизненном пути»³³, среди тех испытаний и скорбей, которые выпадают на долю каждого смертного.

Да! Одно письмо Ваше, к сожалению, не дошло до меня. Но я очень благодарен за то, что Вы сделали во исполнение моей просьбы. Меня только удивляет, каким образом мой архив очутился в академическом архиве и находится в распоряжении одного из академических деятелей. Полагаю, что это находится в связи с передачей Новгородского Софийского Собора, где хранился мой архив, в ведение Археологического общества охранения старины³⁴, а также вследствие правительственной инструкции о сосредоточении частных архивов в центральном³⁵. Если так, то приходится с этим помириться. У меня все равно и раньше была мысль отдать его в Академию Наук, но после предварительного просмотра и приведения в порядок. Так как теперь, как видно из письма к Вам Моласа³⁶, он уже фактически находится у одного из академиков, то я прошу оформить эту передачу с выражением следующих моих пожеланий:

а) чтобы мне дана была возможность пользоваться им во всякое время;

б) чтобы до моей смерти никто не отдавал из него ничего. Я прошу об этом, так как там есть такое, преждевременное обнародование которого мне не желательно было бы; а иное есть и такое, которое мне может быть инкриминируемо, хотя оно является только выражением настроения известного момента. Мне также интересно знать, какой это академический деятель, к которому попал мой архив. Если это Сергей Ф. Платонов³⁷, то я очень рад. Я знал его и в свое время даже говорил с ним об этом [нрзб].

Прошу Вас, дорогой Анатолий Феодорович, сделайте все это так, как только найдете лучше; и если еще как-нибудь обусловить хранение моего архива, то поступайте по своему

усмотрению, применительно к обстоятельствам времени. А мне желательно было бы получить какое-нибудь удостоверение от Академии Наук, с указанием условий хранения.

Буду ждать с нетерпением от Вас ответа, так как мысль о судьбе того, что записывалось на моем «жизненном пути», всегда являлась одной из сердечных моих забот. При этом не в целях похвальбы или чванства, так как могу похвалиться только немощами своими³⁸, а в целях «документальных», может быть и необходимых при оформлении, должен сказать, что я, в 1917 году, Всероссийским Церковным Собором, на котором я был Старшим товарищем председателя, возведен в сан митрополита Новгородского.

Всегда с грустью читаю я Ваши сообщения, как земная хранина Ваша ветшает и недугует. А Вы тем не менее не даете покоя себе.

Моя «чаша испытаний» постепенно уменьшается в количестве времени. Остается еще десять месяцев. Но ходят слухи, что в связи с печальными событиями в жизни нашей Общей Матери, предполагается и меня вызвать в качестве консультанта. Но я предпочел бы оставаться здесь до положенного срока, а там – полностью на волю Божию, всегда благую и спасительную.

Если бы слухи оправдались, тогда я скоро [нрзб] имел бы большое утешение повидаться с Вами и усладиться беседою о минувших и настоящих днях.

Да хранит Вас Господь, о чем всегда молюсь.

С душевною преданностию
Арсений Митрополит
Новгородский
Новый адрес
Крымская ул. д. № 7³⁹.

Срок ссылки – три года – заканчивался в марте 1927-го, но за 10 месяцев до этого у владыки Арсения появились сведения – слухи – о, возможно, более раннем возвращении его в центр. Говоря иносказательно *о печальных событиях в жизни нашей Общей Матери*, владыка имел в виду очередное наступление государства на Церковь. Помимо прямых репрессий, советская власть в борьбе с Церковью использовала весь арсенал оперативных приемов ГПУ: дезинформацию, вербовку, сбор агентурных данных, организацию подконтрольных органов управления и т.п. Митрополита Арсения как авторитетного архиерея могли вызвать из ссылки в Москву для того, чтобы принудить его поддержать созданный по инициативе сотрудников ГПУ григорианский Высший временный церковный совет или для того, чтобы попытаться организовать с его помощью другую раскольническую организацию. В 1924 году ему уже предлагали подобную роль через архиепископа Евдокима (Мещерского). Тогда, отказавшись от перехода в лагерь обновленцев, владыка Арсений выбрал тюремное заключение. И в 1926 году он по-прежнему был против участия в расколах и интригах, предпочитая оставаться в ссылке. Быть *консультантом*, то есть советником и помощником сотрудников ГПУ, посягающих на внутрицерковную жизнь, владыка не хотел, хотя и рвался душой в Ленинград, в Новгород – к своему утраченному архиву, к друзьям, к привычному образу жизни.

В следующих двух письмах, отправленных через полгода, о возвращении в Россию митрополит Арсений уже не писал, предвидя, что ему уготована бессрочная ссылка.

9. Письмо от 1 января 1927 года

19-XII-[19]26

1-I-[19]27

Глубокочитимый
Анатолий Феодорович!

Примите мой искренний Праздничный и новогодний привет с молитвенным пожеланием всех милостей Господних.

Последнее письмо Ваше от 5/IX истекшего года я имел утешение получить своевременно. Не отвечал в виду болезненного состояния Вашего, чтобы не беспокоить Вас. Теперь, уповая, что Господь не оставляет Вас своею милостию и Вы чувствуете себя в возможно добром здравии, пишу Вам эти приветственные строки, чтобы напомнить Вам о себе и засвидетельствовать о непрестающем моем глубоком уважении к Вам.

Что касается меня, то я, благодарение Богу, жив и здоров и обитаю на прежнем месте моего преселения и при прежних ведомых Вам условиях. Через три месяца (28 марта) истекает срок трехгодичного моего курортного лечения⁴⁰. Что дальше будет – не ведаю. Думаю, что не возвратят к прежнему месту моего служения, а продлят еще срок моего лечения, с пребыванием здесь ли, или в другом месте. Во всем полагаюсь на волю Божию, всегда благую и спасительную.

Хотя по календарю теперь должна быть зима; но у нас теперь северное лето. Пишу Вам сии строки при открытом, единственном в моей келлии, окне, при +27% (так! – Е.О.). Вообще это – зима необычная и для этого края. Прежние две зимы, прожитые мною здесь, в то время перемежались дождями и значительным понижением температуры; а теперь, с конца мая, у нас не было ни капли дождя. Но, оказывается, человек ко всему приспосабливается и со всем мирится, а в нашем положении – и подавно.

Призывая на Вас Божие благословение, с душевною преданностию остаюсь Ваш всегдашний молитвенник

Арсений (Стадницкий),
М[итрополит] Новгородский
Асхабад – Полторацк
[ул.] Крымск[ая] д. № 7⁴¹.

10. Письмо от 4 января 1927 года

22-XII-[19]26

4-I-[19]27

Глубокоуважаемый
Анатолий Феодорович!

Вчера послал я Вам праздничное письмо, а сегодня имею утешение получить Ваше, и спешу, вдогонку первому, написать и сии благодарственные строки. Прежде всего, радуюсь, что Господь милует Вас и хранит Вас в возможном здравии и благополучии при Вашем библейском возрасте⁴². Не получая долго от Вас весточки, я настроен был на тревожные думы. Теперь я несколько успокоился. А Ваши исхождения на труд и дела даже до вечера, трогательны и назидательны.

Благодарю Вас, что, не забывая меня, Вы не забыли о моем учено-литературном вопросе, которым я позволил себе утрудить Вас. Я буду спокоен, когда это дело, при Вашем содей-

ствии, будет доведено до конца, и я получу какое-нибудь письменное удостоверение. Позволю себе напомнить о главных⁴³ моих пожеланиях: а) чтобы мне дана была возможность пользоваться моим письменным достоянием по моему усмотрению⁴⁴, б) чтобы при жизни моей ничего из него не было печатаемо, а по смерти лет через десять. Остальное – по Вашему усмотрению. Интересно, разрешился ли вопрос о досрочном обнародовании Дневника Конст[антин]а Конст[антинови]ча⁴⁵.

Со вчерашнего дня ничего нового в моем житии не произошло, разве только на один день приблизился к неизбежному концу. Зато в природе произошло резкое изменение. Вчера я писал Вам о необычно теплой погоде у нас в это время. Ночью же пронесся ураган, как следствие борьбы тепла с холодом, который, оказывается, превозмог; похолодало, прошел дождь, превратившийся под конец в снег. Так что теперь все белым саваном покрыто. Правда, это покрывало тонкое, и вот теперь к полудню, когда я пишу сии строки, снег почти стаял на стогах нашего града, и только пограничные с Персией горы, окаймляющие с южной стороны наш град, величаво красуются в своей снежной белизне.

Еще раз приветствую Вас с великим Праздником, равнозначим по разумению Святых Отцов с Праздником Пасхи, как основание ея. Мы празднуем здесь по старому стилю.

О Вас же я всегда молитвенно памятую, особливо же в нарочитые дни.

Да хранит Вас Господь в добром здравии на радость и назидание нам.

Божие благословение.

Душевно преданный

А[рсений] М[итрополит] Новгородский⁴⁶

11. Письмо от 29 января 1927 года

16/29-1-[19]27. Полторацк.

Глубокоуважаемый
Анатолий Феодорович!

Получил Вашу последнюю открытку, несмотря даже на то, что на адресе не был указан город, а только «Туркменская область, Крымская 7». Приходится воздать должное почтение почтальон[у]. Теперь, конечно, Вы уже получили два моих заказных письма от 19.XII/1 [января] и от 22.XII / 4.I. Равно как и я получил Ваше заказное от 22.XII. Благодарю Вас, что Вы не забываете меня; а это так отрадно сознавать, особенно в настоящем моем положении. Имел утешение читать в газете об академическом чествовании Вас 10-го января. Но мне кажется, что там прибавлен месяц к Вашему почтенному возрасту, так как, насколько помнится, днем Вашего рождения является 27 января/9 февраля. Прошу принять и мое поздравление с тем и другим и молитвенно пожелать, чтобы тихий закат Вашей жизни еще долго-долго светил своим ласкающим светом на радость и утешение многим-многим почитающим и любящим Вас. Мне очень прискорбно, что Вы болеете, а при этом утруждаете себя собственноручным писанием. Для меня это, конечно, очень дорого. Но я был бы и очень благодарен, если бы этот труд был облегчен другим скорописцем.

И я мечтаю о нашем свидании в сей жизни. Но мечты, мечты... Хотя в конце марта и истекает срок моего курортного лечения, но, судя по подобным примерам, он биссируется, или же переменяется место «дондеже дух не изыдет»⁴⁷. Так возлюбил нас Господь, и да будет воля Его, всегда благая и спасительная.

И у нас с Рождественского Сочельника стоит зима, с небольшим снежным покровом и морозами, доходившими дня три до -15%. По обыкновению говорят: «этого никогда не

бывало». Теперь легко чувствуется, при такой бодрящей погоде, которая уже начинает переходить в дождливую, сыкотную.

Я, благодарение Богу, жив и здоров, насколько это приличествует и моему почтенному возрасту, – 22-го января [ст. ст.] и мне исполнилось 65 лет, – догоняю Вас.

Да хранит Вас Господь еще на многие-многие годы, о чем я всегда молюсь.

С душевною преданностию

А[рсений] М[итрополит] Н[овгородский]⁴⁸.

Письмо от 29 января 1927 года – последнее из сохранившихся в фонде Кони. Возможно, переписка оборвалась из-за переезда митрополита Арсения в Ташкент – по окончании срока ссылки 28 февраля (или, по другим источникам, в марте) 1927 года ему было разрешено свободное проживание в пределах Средней Азии.

Интересные сведения об этом периоде жизни владыки Арсения сохранились в воспоминаниях протоиерея Владимира Тимакова. Они несколько мифологизированы, но, тем не менее, заслуживают внимания историков Церкви.

В 1944–1946 годах, в Ташкенте, будучи молодым иподиаконом епископа Ташкентского и Среднеазиатского Кирилла (Поспелова), протоиерей Владимир слышал рассказы протоиерея Александра Щербова⁴⁹ о его встречах с некоторыми выдающимися архиереями. Затем, в 2000-х годах, эти рассказы Щербова, дополненные личными впечатлениями отца Владимира Тимакова, записал Николай Бульчук, опубликовав эту часть интервью с подзаголовком «В Ташкенте». Однако есть сомнения, что все приводимые в этой публикации факты относятся к Ташкенту, полагаем, что некоторые из описанных случаев связаны с Полторацком. Прочитав все те места из воспоминаний, в которых речь идет о митрополите Арсении, а затем попробуем разобраться, где и когда могли происходить описываемые события.

Рассказы протоиерея Владимира Тимакова

<...> – О Ташкенте мне хотелось бы повспоминать еще – и не столько, пожалуй, о владыке Кирилле (Поспелове), сколько о различных жизненных обстоятельствах и личностях, которые с этими обстоятельствами были связаны. В Ташкенте в 1930-е годы пребывали в ссылке такие известнейшие иерархи нашей Церкви, как митрополит Арсений (Стадницкий) и архиепископ Никандр (Феноменов). <...>. В то время был в Ташкенте настоятелем крохотной часовенки – настолько маленького здания, что там можно было лишь престол поставить – протоиерей Александр Щербов. Это практически было все, только престол, там даже повернуться было буквально негде! А еще был другой храм в Ташкенте – тоже часовенка, но без алтаря. Маленькая, но можно было туда утолкать до 150 человек, хотя, как я уже сказал, алтаря там не было. Настоятелем там был протоиерей Брицкий. Положение этого второго храма было очень выгодным: паперть во много ступеней и широченная аллея, длиною чуть ли не в полкилометра, – метров 400 уж точно. А кругом красивое кладбище, где можно было вполне свободно расположиться православному люду. Но, хотя первый храм был и небольшим, на службах вся эта церковка полностью наполнялась народом. И его настоятель, протоиерей Александр Щербов, был заслуженным протоиереем. Это был умнейший и достойнейший человек, которому, как я считаю, вполне полагались в качестве награды несколько крестов, по его заслугам... Близ него был отец Венедикт⁵⁰ – священник с

семинарским образованием. И вот, они там вдвоем иногда служили. И служба у них шла так, что явно было заметно отличие: где собрались православные, а где – обновленцы.

Впоследствии я узнал, что еще до войны в Ташкент прислали отбывать ссылку Преосвященного митрополита Арсения (Стадницкого). И одновременно с этим тут же оказался и архиепископ⁵¹ Никандр (Феноменов): в 1930-е годы он управлял Ташкентской епархией. И получилось так, что ни митрополиту Арсению, ни архиепископу Никандру в то время в Ташкенте не было даже просто где главу приклонить!.. Я сказал о настоятеле крохотного храма, отце Александре Щербове. У него была в городе какая-то комната, небольшая келлия, которую я сам не видел, но, по его собственным словам, это была какая-то совершенно небольшая комнатуха. В ней стояла кровать, около кровати – небольшое место, еще тумбочка маленькая, чтобы на ней что-то можно было приготовить... <...>

И вот, когда владыки прибыли в ссылку, у них не было тут никакого угла. Тогда протоиерей Александр Щербов с любовью распротер им свои объятия и говорит: «Что у меня есть – могу вам предложить... Постель, конечно, не Бог вещь какая, но придется вам, двум митрополитам, на нее и водрузиться! А я около ваших ног, здесь вот, на полу, буду сидеть». Так они и жили какое-то время <...> Случилось же однажды так, что отец Александр Щербов заболел. Ведь все это время он спал на полу, может быть, и простудился... Тогда два митрополита проявили свою власть: уложили его на кровать, а сами улеглись на полу.

Об этом выдающемся случае я слышал из уст самого отца Александра. Владыки не стали слушать никаких его возражений и сами за ним ухаживали. Ранее он за ними ухаживал, а тут они за ним стали ухаживать в его болезни! Этот момент, я считаю, очень интересен... И оба этих митрополита были впоследствии похоронены как раз возле этой самой часовенки. <...> Причем, хотя Арсений (Стадницкий) и был на Соборе кандидатом в Патриархи, правящим архиереем был Никандр (Феноменов). Насколько мне рассказывали, их общение проходило в подлинной любви, просто в необыкновенной любви.

– Нам тем более сегодня это интересно, потому что мы знаем о том, что митрополит Арсений (Стадницкий) был некогда духовным наставником Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского).

– Точно, именно так: это были учитель и ученик, причем существует и опубликована сейчас и их переписка великолепнейшая. Патриарх Алексей (Симанский) был необыкновенным почитателем митрополита Арсения (Стадницкого). Он во всем ему отчитывался, на все спрашивал и советов его, и благословения, буквально на все!

– Интересно, они не общались, когда митрополит Арсений отбывал свою ссылку?

– Никаких сведений о том, что туда, в Ташкент, в это время приезжал митрополит Алексей (Симанский), нет. Но говорили, что связь между ними все равно поддерживалась постоянно. <...>⁵².

Самая интересная для нас часть воспоминаний протоиерея Владимира Тимакова – уникальное сообщение о пребывании двух митрополитов в доме протоиерея Александра Щербова.

Полагаем, однако, что эти события вряд ли могли произойти в Ташкенте. Во-первых, митрополиты Арсений и Никандр прибыли в Ташкент не одновременно. Митрополит Арсений приехал в Ташкент по окончании ссылки весной-летом 1927 года. Митрополит Никандр, получив 17 сентября 1927 года назначение на Ташкентскую кафедру, появился в своем кафедральном городе только в первой половине 1928 года. До этого, с августа 1927 года, он проживал в Ашхабаде. Александр Щербов в это время находился там же. Из его послужного списка, составленного 29 января 1929 года, следует, что с 1922 по 1923 год он служил в Полторацке, затем в Краснодарске (как раз тогда он был запечатлен на снимке с четырьмя архи-

ереями, о котором упоминалось в первой части этой публикации); «а в 1926 году снова переведен в Ашхабад к Кладбищенской церкви»⁵³. Этот послужной список с резолюцией правящего митрополита Никандра от 12 февраля 1929 года отправлен был из Ашхабада, возможно, для оформления нового назначения. В 1929 году отец Александр уже служил в Сергиевском храме, бывшем тогда кафедральным собором патриаршей Туркестанской епархии и единственным храмом «старо-церковной» общины Ташкента. И только после того как в декабре 1930-го власти отобрали этот храм, стал настоятелем Скорбященской часовни на кладбище по ул. Боткина, той самой, о которой вспоминал протоиерей Владимир Тимаков.

Во-вторых, нет сведений о том, что в Ташкенте митрополиты Арсений и Никандр нуждались настолько, чтобы не иметь возможности снять жилье. К моменту прибытия протоиерея Александра Щербова митрополит Никандр уже организовал управление епархией, вел делопроизводство, получал взносы от приходских храмов⁵⁴, с 1931 года, став постоянным членом Временного Св. Синода, он регулярно посещал Москву. Судя по всему, у митрополита Никандра в Ташкенте было жилье и некоторый достаток. То же самое можно сказать и о митрополите Арсении, который, давно зная епископа Луку (Войно-Ясенецкого), в Ташкенте был к нему близок, служил с правящими архиереями в кафедральном соборе и хотя бы поэтому не нуждался.

О предыдущем месте пребывания сведения такие есть. В конце 1925 года он получил материальную помощь от общественной организации «Помощь политическим заключенным» (Помполит). Эта организация, во главе которой стояла первая жена Горького Екатерина Пешкова, посылала деньги репрессированным по их собственному заявлению или по просьбе их близких. Скорее всего, кто-то, зная о бедственном положении митрополита Арсения, написал в Помполит письмо, и деньги были высланы. В начале 1926 года владыка писал в Москву:

Уведомляю Вас, Екатерина Павловна, что посланные Вами десять (10) руб. получены мною по повестке от 22/ХП – [19]25 г. за № 6090. Приношу Вам искреннюю благодарность.

Арсений Георгиевич Стадницкий / Митрополит Новгородский
Полторацк (Асхабад) / Журавлевская ул. д. № 14
1926 г. Янв[арь] 7 дня⁵⁵

Именно в Полторацке по каким-то причинам владыке Арсению приходилось *ютиться в клетушке-келье в одно окно* и получать помощь от Помполита. Возможно, в таких же условиях оказался и ссылный владыка Никандр. События этого периода в биографии митрополита Никандра еще не выяснены, известно только, что в 1925–1927 годах он скитался по разным городам Средней Азии. Так что версия с Полторацком кажется наиболее убедительной.

Датировать рассказ протоиерея Владимира Тимакова так же непросто, как и установить город. В самих воспоминаниях все датировки приблизительны, а порой и явно ошибочны: «еще до войны в Ташкент прислали отбывать ссылку», «в 1930-е годы пребывали в ссылке». Поэтому, определяя время описанных событий, лучше ориентироваться по послужному списку протоиерея Александра Щербова.

Их пути с владыкой Арсением пересекались трижды: в Красноводске с лета 1924-го до 1925 года, в Полторацке – с начала 1926-го до весны 1927 года, в Ташкенте – с конца 1929-го до кончины владыки в 1936 году. Учитывая это, можно предложить и другую, кроме Полторацкой, локализацию истории, рассказанной протоиереем Владимиром Тимаковым. События эти могли происходить в Красноводске в 1924 году (тогда придется предположить, что митрополит Никандр (Феноменов) побывал в ссылке в Красноводске). Маловероятно, но нельзя исключать также и то, что протоиерей Александр Щербов действительно вспоминал событие из ташкентской жизни 1930-х годов, которое было связано со случайными временными жилищными проблемами.

Очевидно, что рассказ о проживании двух митрополитов у протоиерея Александра Щербова мало что дает для уточнения их биографий – он сам нуждается в дополнительных фактах для идентификации места и времени событий. Тем не менее, этот небольшой, но емкий эпизод очень важен. По сути своей он является житийной историей. Несмотря на фактические неточности и ошибки, память верующих хорошо сохранила истинный образ благородного, милосердного, сохраняющего достоинство и в нищете митрополита Арсения. При чтении писем к Анатолию Кони предстает тот же образ владыки – терпеливого, *душевно преданного* друзьям, умеющего быть внимательным к нуждам близких, благодарным, деликатным и искренним. Многие из тех, кого он встречал на своем исповедническом пути, становились ему настоящими друзьями. Среди них – и митрополит Никандр, общение с которым действительно *проходило в подлинной любви, необыкновенной любви*, и верный сослужитель протоиерея Александр Щербов, следовавший за владыкой Арсением по местам ссылки, и св. Лука (Войно-Ясенецкий), проводивший его в Ташкенте в последний путь.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Андрей, епископ Уфимский. История моего старообрядчества [Тетрадь № 1. 30 ноября 1926 г.] // Российский государственный исторический архив (РГАЛИ). Ф. 1345. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–98. Андрей (Александр Алексеевич, князь Ухтомский, 1872–1937) – епископ Уфимский, с 1918 г. – деятель автокефального движения; в 1921 г. патриархом Тихоном назначен на Томскую кафедру, назначения не принял; с 1921 г. в тюрьмах и ссылках. Расстрелян.

² Климент (Карп Дмитриевич Логвинов, 1870–1933) – деятель старообрядчества, к 1925 г. – старообрядческий архимандрит-беглопоповец. Посвящение его во епископа, совершенное еп. Андреем (Ухтомским), беглопоповцы не признали, после чего перешел в Белокриницкое согласие, где был рукоположен во епископа. В 1931 г. отказался от сана и монашества, вступил в брак. Расстрелян.

³ Андрей, епископ Уфимский. История моего старообрядчества... Л. 51.

⁴ Там же. Л. 47.

⁵ В оригинале Красноводск ошибочно назван Краснозаводском.

⁶ Андрей, епископ Уфимский. История моего старообрядчества... Л. 32–33, 36.

⁷ Лев (Леонид Всеволодович Черепанов, 1888–1937) – к 1925 г. епископ Нижнетагильский; до 1926 г. находился в ссылке в Полторацке; с 1927 г. – епископ Алма-Атинский, с 1933 г. – епископ Ставропольский. Расстрелян.

⁸ Дмитрий Алексеевич Терпигорев (1872–1937) – протоиерей, с 1921 г. клирик Туркестанской епархии, с апреля 1923 г. – в ссылке в Туркменской обл., с осени 1923 г. – настоятель Никольской кладбищенской церкви Полторацка. Расстрелян.

⁹ Матфей (в миру Леонид Трофимов или Леонтий Трифионов, 1868–?), игумен, в 1913–1923 гг. иерей, настоятель кладбищенской церкви Асхабада/Полторацка.

ка, в сентябре 1923 г. пострижен в монашество еп. Андреем (Ухтомским), тогда же возглавил автономную незарегистрированную общину в Полторацке при Никольском молитвенном доме. В этом молитвенном доме происходили события, связанные с историей старообрядчества еп. Андрея.

¹⁰ Возможно, речь идет о военном священнике Павле Васильевиче Успенском, который в нач. XX в. служил в Александро-Невском храме 1-го Таманского полка Кубанского Казачьего войска в селе Каши (ныне в черте Ашхабада).

¹¹ Митрополитом Крутицким был Петр (Полянский), принимая обязанности Патриаршего местоблюстителя. Именуя его таким образом, еп. Андрей подчеркивал, что не признает акт передачи митр. Петру высшей церковной власти после кончины патриарха Тихона.

¹² Евгений (Кобранов Евгений Яковлевич, 1892–1937) – в 1925 г. архимандрит, с 1926 г. викарный епископ Муромский, затем Балашевский, затем Ростовский; расстрелян. О своем отношении к «воссоединению со старообрядцами» еп. Андрея владыка Евгений писал в 1928 году митр. Никандру (Феноменову) в Ташкент: «его “перемазание” произошло на моих глазах в Ашхабаде. Мы его тогда осудили, но публично не позорили, ожидая суда» (Национальный архив Республики Узбекистан /НА РУз/. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 65. Л. 41).

¹³ Андрей, епископ Уфимский. История моего старообрядчества... Л. 43–47.

¹⁴ Там же. Л. 60–61.

¹⁵ «Курорт», «лечение» – так иносказательно в письмах репрессированных именовались ссылки и тюрьмы. Скорее всего, в оригинале было сокращено выражение «курорт[ное] лечение» – именно так митр. Арсений называл свою ссылку в письме к Кони от 1 января 1927 г.

¹⁶ Цит. по: Константиновский В.С. Православие и епископ Андрей, бывший князь Ухтомский. – Уфа: Октябрьский натиск, 1926. С. 20. В этом апологетическом труде уфимский священник Виктор Константиновский указывает адрес корреспондента митр. Арсения: «[Малая] Вишер[а] Новгородская губ. [ул.] 3[-я] [П]оперечная». Там же он пишет об отношении к этому событию другого ссылного архиерея, епископа Нижнетагильского Льва (Черепанова), именуя его почему-то Ашхабадским: «О переходе в раскол еп. Андрея и о прекращении с ним молитвенного общения пишет в Уфу и епископ Ашхабадский Лев, бывший его приятель...».

¹⁷ Из ответов, данных еп. Андреем на вопросы, предложенные ему на собрании благочинных 3 июля 1926 года. Цит. по: Зеленогорский М.Л. Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского). [Б. м.]: Мосты культуры, 2011. С. 159.

¹⁸ Анатолий Федорович Кони (1844–1927) – знаменитый русский юрист, государственный деятель, писатель; в 1918–1920-х гг. – профессор Петроградского университета.

¹⁹ Письма пронумерованы при публикации; предыдущие пять писем митр. Арсения к А.Ф. Кони опублико-

ваны в первой части этой статьи (см.: ВС. № 2 (LVI). 2021).

²⁰ Кони А.Ф. Воспоминания о Чехове. – Л.: Атений, 1925.

²¹ В 1925 году в Ленинграде был торжественно отмечен 200-летний юбилей Академии наук.

²² Живани Жамшиди Моду (Modi, 1854–1933) – историк, зороастрийский священник, автор многочисленных трудов по истории зороастризма, профессор Бомбейского университета.

²³ Перифраз евангельского текста *ини трудишася, и вы в труд их внидоште* (Ин. 4, 38).

²⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 1072. Л. 28–29об. Письмо от 1 октября 1925 г.

²⁵ Антонин (Грановский, 1865–1927) – идеолог и лидер обновленческого движения, именовался митрополитом Московским.

²⁶ Александр Иванович Введенский (1889–1946) – идеолог и лидер обновленческого движения, именовался митрополитом-благовестником.

²⁷ Благодаря этой переписке снимается неопределенность в дате рождения А.Ф. Кони. Во многих его официальных биографиях встречается дата 9 февраля; здесь же сам Кони называет дату 10 февраля, что соответствует 28-му января по ст. ст.

²⁸ Перефразированные слова Ионафана к Саулу: *вкушая, вкусих мало меду омочив конец жезла, иже в руку мою, и се, аз умираю* (1 Цар. 14, 43).

²⁹ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1072. Л. 45–46об.

³⁰ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П.Е. Щеголева. В 7 тт. – М.–Л., 1924–1927. К началу 1926 года были опубликованы тома 1–4.

³¹ Рим. 12:19.

³² ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1072. Л. 30–31. Письмо от 2 января 1926 г.

³³ Обыгрывается название воспоминаний Кони: *Кони А.Ф. На жизненном пути*. В 5-ти томах. Т. 1–2. – СПб.: тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1912; Т. 3–4. – Ревель–Берлин: Библиофил, 1922–1923; Т. 5. – Л.: Прибой, 1929.

³⁴ Речь идет об Обществе защиты и сохранения в России памятников искусства и старины.

³⁵ Декретом от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела» был учрежден Единый государственный архивный фонд; 30.01.1922 г. Президиум ВЦИК утвердил Положение о Центральном архиве (Центрархиве) РСФСР.

³⁶ Борис Николаевич Молас (1874–1938) – юрист, музейвед, в 1920-х гг. – заведующий секретариатом АН СССР; арестован в 1929 г. по «академическому делу». Расстрелян.

³⁷ Сергей Федорович Платонов (1860–1933) – историк, член-корреспондент Петербургской академии наук, действительный член Российской академии наук; в

1920-х гг. – заведующий Петроградским отделением Главархива, директор Библиотеки АН СССР, директор Пушкинского дома; арестован в 1929 г. по «академическому делу». Скончался в ссылке.

³⁸ Скрытая цитата из 2 Кор. 12, 9: *И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова.*

³⁹ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1072. Л. 32–33об. Письмо от 19 мая 1926 г.

⁴⁰ См. сноску 14.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1072. Л. 34–35об. Письмо от 1 января 1927 г.

⁴² Здесь и далее в этом письме все подчеркивания сделаны чернилами или химическим карандашом, отличающимися от чернил текста письма.

⁴³ Вписано над строкой.

⁴⁴ Вписано над строкой.

⁴⁵ Великий князь *Константин Константинович Романов* (1858–1915) – государственный деятель, президент Императорской академии наук, поэт (псевдоним «К.Р.»). Публикация дневников великого князя, по его распоряжению, должна была начаться с 2005 г., однако выдержки из дневников о Первой русской революции 1905–1907 гг. были опубликованы уже в 1930 г. См.: Из дневника Константина Романова. С предисл. Н. Лапина // Красный архив. 1930. Т. 43, 44, 45.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1072. Л. 36–37об. Письмо от 4 января 1927 г.

⁴⁷ Возможно, эти слова – аллюзия на библейский текст *пою Богу моему, дондеже есмь <...> Изыдетъ духъ его и возвратится въ землю свою* (Пс. 145, 2–4).

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1072. Л. 38–39об. Письмо от 29 января 1927 г.

⁴⁹ *Александр Иванович Щербов* (1868–1957) – протоиерей, клирик Ташкентской епархии, настоятель церквей Красноводска, Полторацка и Ташкента.

⁵⁰ *Венедикт Васильевич Багрянский* (1871–1938) – протоиерей, клирик Ташкентской епархии, с 1924 до 1926 гг. – в ссылке в Полторацке, где служил в Никольском кладбищенском храме; в 1930-х гг. служил в Скорбященской церкви на Боткинском кладбище г. Ташкента. Расстрелян.

⁵¹ Фактическая ошибка в воспоминаниях: к моменту прибытия в Ташкент владыка Никандр был митрополитом, как далее и говорит о нем прот. Владимир Тимаков.

⁵² Цит. по: *Бульчук Н.* Рассказы протоиерея Владимира Тимакова. В Ташкенте // Православное обозрение «Радонеж». № 2 (308) 2019 г. С. 10–11.

⁵³ НА РУз Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 34. Л. 3.

⁵⁴ См.: *Озмитель Е.Е.* Туркестанская епархия при митрополите Никандре (Феноменове) (1927–1933 гг.) // XXX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. С. 111–118.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Д. 132. Л. 54–55.

Долгое эхо «Большой игры»

Соперничество России и Великобритании в Средней Азии как исторический и геополитический феномен

17 июня 1842 года, Бухара. На одной из площадей столицы эмирата казнены двое англичан. Их имена встречаем во всех учебниках по истории Узбекистана. Это полковник Чарльз Стоддарт и капитан Артур Конноли.

Именно Конноли впервые использовал термин «Большая игра», впоследствии обнаруженный в одном из его писем. Позже в широкий оборот этот термин ввел Редьярд Киплинг в своем романе «Ким» (1901), прославлявшем британский колониализм. Так что в европейской и американской литературе этот термин используется уже давно; в ряде университетов даже читаются курсы по истории «Большой игры». Но ни в русской дореволюционной, ни в советской литературе этот термин не употреблялся. Лишь с конца 1990-х он начал входить в научный оборот среди постсоветских историков и политологов.

«Большая игра» – это долгое, длившееся фактически с самого начала XIX века противостояние Российской и Британской империй на обширных пространствах Средней Азии с целью экспансии, установления там своего доминирования. Можно, вслед за российским журналистом Михаилом Леонтьевым, назвать «Большую игру» «холодной войной XIX века»¹.

На ключевое значение этого региона указывали в те уже далекие времена и сами англичане. Так, Джордж Керзон, вице-король Индии, утверждал: «Среднеазиатский вопрос принадлежит к разряду тех, которыми никогда не устанешь заниматься»². Ему вторил в 20-е годы XX века англо-американский исследователь Оуэн Лэттимор, называвший Среднюю Азию стержнем всей Азии³.

Действительно, «Большая игра» была длительное время важнейшим компонентом всей системы международных отношений. Как начиналась «Большая игра», какие цели преследовала, какую роль играла в судьбах народов, оказавшихся в ее эпицентре?

Чтобы даже кратко ответить на эти вопросы, необходимо использовать геополитический подход, то есть рассматривать исторические факты в их связи с географической средой. Не случайно, что по мере развития «Большой игры» началось

и формирование геополитики. Геополитика отслеживает, изучает влияние географических факторов – пространств, расположения страны, климата, размера территории, количества населения, наличия природных ресурсов – на формирование экономики, политики, социальной структуры, т.е. того, что, в конечном счете, влияет на уровень жизни, объем потребления материальных благ и, как следствие, – на стабильность. Как, по воспоминаниям его друга, утверждал один из ярких проводников английской завоевательной политики Сесил Родс:

Мы должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей для сбыта товаров... Империя <...> есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами⁴.

Геополитический подход позволяет ответить на важный вопрос: как получилось, что Россия и Британия, находясь за тысячи километров друг от друга, не имея общих границ, буквально лбами столкнулись на пространствах Средней Азии? В ходе «Большой игры» были моменты, когда «холодная война» могла превратиться в «горячую». С берегов туманного Альбиона в адрес России из уст британских премьер-министров, политиков, со страниц газет постоянно неслись самые разные угрозы. Еще в 1792 году Питт в Палате общин парламента обещал превратить Петербург в развалины, разгромить российский черноморский флот и выражал надежду на то, что русские будут плавать на плотках, как дикари. Другой премьер-министр, Дизраэли, в письме королеве Виктории советовал очистить Азию от «москвитов» и скинуть их в Каспийское море. Еще один глава английского правительства, Пальмерстон, предлагал предпринять ряд боевых действий против России по всему ее сухопутному и морскому периметру⁵.

Не случайно император Александр III, по словам генерала Куропаткина, желал «побольнее укусить» англичан в Афганистане, ставшем вассалом заморской империи⁶. К середине XIX века Британия фактически остановилась за несколько сотен километров от южных границ России. От британских владений Россию отделяли лишь Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства. В которых, к тому же, активизировалась работа британской дипломатии и разведки.

Подобная активность Британии в Азии (да и в других частях света) определялась, прежде всего, ее экономической мощью и проистекавшими из этого экономическими и геополитическими амбициями. Британия обладала самой большой колониальной системой, охватившей все климатические зоны, все заселенные континенты. К середине XIX века Британия – сильнейшая промышленная держава, что со всей очевидностью продемонстрировала Всемирная промышленная выставка 1851 года. Это было следствием успешной промышленной и аграрной революций. Политика протекционизма позволила создать могучий морской флот и неоспоримое первенство в мировой торговле. В результате, как писал выдающийся британский историк и мыслитель Арнольд Тойнби, «Индия и другие колонии стали жертвами крупных английских мануфактуристов»⁷.

Схожую картину завоевания Индии дал другой, уже современный английский исследователь Фрэнк Маклинн:

Британия превратилась в коммерческую нацию, полагающуюся на заморскую торговлю. Деньги, а не земля становятся показателями богатства и власти. <...> Логика торговли и коммерции заставила Британию искать для завоевания новые земли, новые заморские рынки сбыта для избыточного капитала и экспорта. Коммерческая революция постоянно превращала британцев в нацию воинов⁸.

И моряков, добавили бы мы.

Но был еще один фактор, постепенно приобретающий в британской политике доминирующее значение, – географический. Страна располагалась в очень ограниченном пространстве со сравнительно небольшим населением. Поэтому и шел постоянный поиск источников сырья и рынков сбыта для интенсивно развивавшейся промышленности. Не последнюю роль играла необходимость завоза продуктов питания. Киплинг в стихотворении «Большие пароходы» задавал вопрос: «Куда вы плывете, Большие Пароходы, на английском угле, по соленым морям?». Те отвечают: «Мы плывем привезти вам хлеб и масло, Говядину, свинину, баранину, яйца, яблоки и сыр...»⁹.

При этом англичане проводили в отношении индусов жестокую расистскую политику. Чего стоят слова Черчилля, произнесенные в начале 1940-х в связи с возникшим в Индии голодом: «Я ненавижу индусов. Это скотский народ со скотской религией. Они сами виноваты в этом голоде, потому что расплодились, как кролики»¹⁰.

Что касается России, то к началу «Большой игры» она по всем параметрам отставала от Британии. Французский путешественник Астольф де Кюстин даже утверждал, что Россия отстает от Запада на четыре столетия¹¹. Действительно, еще к середине XIX века господствующим в стране оставалось помещичье феодальное хозяйство. Промышленный переворот только начинался. Поэтому у России не было таких потребностей во внешних рынках, источниках сырья, как у Британии. Не было и стимула завоевывать колонии в их классическом смысле, как источник обогащения.

И все же к середине XIX века Россия – крупнейшая по территории империя мира, и все земли, вошедшие в ее состав в течение нескольких столетий, располагались по ее периметру. Причину такого разрастания в советской историографии, особенно на раннем ее этапе, видели в агрессивной политике царизма. Как утверждал академик Михаил Покровский, «русские брали то, что лежало в чужих карманах». Россию он величал «тюрьмой народов» со времен Ивана Калиты, построенной «на костях инородцев»¹². Эта, господствовавшая до середины 1930-х годов, точка зрения в последующие десятилетия была забыта, но не опровергнута. Лишь в последние годы появился ряд исследований, в том числе западных, по-иному трактующих проблему расширения границ Российской империи.

Интересна в этом отношении книга итальянского политолога, бывшего депутата Европарламента Джульетто Кьеца «Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада?». Рассуждая о территориальном расширении России, он пишет:

На самом деле обширность России, ее географические очертания сложились благодаря принятию в себя географической пустоты, которая возникла на восточных рубежах ново-

го российского государства в течение столетий после отступления татарских кочевников. Это результат естественного переселения народов¹³.

На аналогичной точке зрения стоит и американский историк, профессор Йельского университета Фируз Казем-заде: расширение России было вызвано «вакуумом силы, простиравшимся от Каспийского моря до Китая, от Афганистана до Сибирской равнины»¹⁴.

Наряду «с географической пустотой», «вакуумом силы» был еще один фактор – природно-климатический, ландшафтный. Большая часть России с древности находилась в зоне рискованного земледелия, где нет гарантий урожая. Земли было много, но хлебородной – мало. Так что не борьба за рынки сбыта толкала россиян далеко за Волгу и Урал, а инстинкт выживания. Образно и верно описала эту колонизацию Екатерина Брешко-Брешковская («бабушка русской революции», как ее называли современники):

Грандиозная территориальная экспансия России была осуществлена крестьянами с их быками и плугами¹⁵.

При этом огромные колонизируемые земли были слабо заселены или не заселены вовсе, что давало возможность осуществлять бескровную, безболезненную колонизацию. Во вновь осваиваемых пространствах проживали тюркоязычные народы, народы других этнических и языковых групп. А с ними у русских издревле были самые тесные контакты. Правда, имели место и столкновения. Но не они определяли совместную жизнь.

Постепенно русские земли дошли до тех границ, за которыми экспансия не могла уже осуществляться в виде заполнения географического вакуума. Россия вышла к границам древней и великой цивилизации Средней Азии, насчитывающей не одно тысячелетие.

Но к XIX веку Средняя Азия потеряла свое прежнее величие. В этом геополитическом пространстве, ослабленном в результате застоя, бесконечных междоусобиц, долгой изоляции, и столкнулись две разнородные экспансии – России и Британии, положившие начало «Большой игре».

Подчеркнем один важный момент. В отличие от Британии, Россия сформировалась как *теллуократия*, – в отличие от *талассократической* (т.е. владычествующей на морях) Британии, она владела обширными пространствами суши, последовательно проникая вглубь материковых пространств. Разумеется, выйдя к океанским пространствам и создав свой флот, Россия тоже отчасти становилась талассократией. Но у нее не было главного признака талассократии – обширных заморских владений.

Не вдаваясь в детали завоевания нашего региона Россией, – здесь накоплена большая литература, – отметим главное: оно было обусловлено соперничеством с Британией. Разумеется, были и некоторые экономические интересы, но они не играли решающей роли.

Что касается нужды в хлопке, на что традиционно любят ссылаться историки, то Россия в первой половине XIX века только 5% его завозила из государств Сред-

ней Азии. И лишь в 90-е годы XIX века на повестку дня был поставлен хлопковый вопрос и Туркестан начал рассматриваться как потенциальный поставщик этого сырья¹⁶.

Как отмечает российский историк Олег Айрапетов, «экономические соображения присутствовали при завоевании Средней Азии, но не определяли ни его начала, ни его конца»¹⁷.

Был еще один фактор. Как писала Элен Каррер Д'Анкокс:

Интерес России к Средней Азии был обусловлен еще одной причиной: торговлей пленными и рабами... <Россию>, могущество и авторитет которой продолжал расти, не устраивало то, что их продают на среднеазиатских рынках и даже в Индии¹⁸.

О русских рабах в среднеазиатских ханствах еще в первой половине XIX века упоминали европейские путешественники – А. Бёрнс, А. Вамбери и многие другие. Поднимал этот острый для России вопрос и российский дипломат Иван (Ян) Виткевич в беседе с бухарским кушбеги Хаким-бием в 1836 году¹⁹. Другой дипломат, Егор Мейендорф, побывавший в 1820–1821 годах в Бухаре, призывал российские власти всеми возможными путями вернуть «на Родину, в круг родных, к своей вере тысячи людей, исторгнутых из пределов России»²⁰. Не случайно в договоры 1873 года между Российской империей, Бухарским эмиратом и Хивинским ханством была включена особая статья, запрещающая в Бухаре и Хиве «на вечные времена постыдный торг людьми»²¹.

Таким образом на просторах Центральной Азии решался один из главных вопросов «Большой игры»: кто овладеет ее землями, хотя и с разными интересами, раньше – Россия или Британия. Правда, у части российского общества в то время были еще надежды, что с Британией в Средней Азии возможно какое-то сотрудничество²². Но жизнь еще раз показала, что вопросы геополитики решаются только по принципу «или мы, или они». Как отметил современник тех событий историк Сергей Южаков: «Россия и Англия – две соперницы, и обеим не может быть места в Азии»²³. В Средней Азии победительницей вышла Россия, успевшая захватить этот край первой.

Русский этнограф Юрий Россель писал в 1878 году, что Россия застала в Средней Азии «своеобразную жизнь, понятия, общественное устройство, поземельные отношения» и с точки зрения местного населения русские оказались здесь «непрощенными цивилизаторами»²⁴. В условиях совершенно иной цивилизационной модели русские стремились проявлять особую осторожность, не нарушая ее базовые ценности.

Другой важный момент – сближение колониальной власти с местными элитами. Ее представители в целом вписались в систему российской имперской государственности. И бухарские эмиры, и хивинские ханы получили генеральские чины, высшие награды империи. Бухарский же правитель получил от российского императора титул «Ваше Высочество», приравнивавший его к великим князьям – членам царствующего дома Романовых. А когда в 1896 году в Москве состоялось коронавание нового императора Николая II, то в качестве гостей, наряду с предста-

вителями царствующих домов Европы, были приглашены «его высочество эмир Бухарский Сеид Абдул-Ахад-Хан» и «его светлость Хан Хивинский Саид-Мухаммед-Рахим Богадур-Хан»; приглашены были также наследники престолов обоих государств и их свиты²⁵. Такое трудно даже представить при дворе британской королевы Виктории, имевшей титул «Кайсари Хинд» – «императрица Индии».

Есть и другие примеры. В учебниках по истории Узбекистана упоминаются хаким Китаба Джурабек и хаким Шахрисабза Бабабек как активные противники русской армии, завоевавшей Бухарский эмират²⁶. Но ни слова не говорится об их дальнейшей судьбе. А ведь Джурабек позже дослужился до звания генерал-майора русской армии, выполнял секретные поручения российской дипломатии в Афганистане, Кашгаре. Его сын был зачислен телохранителем в конвой российского императора. А Бабабек получил звание полковника русской армии, принимал активное участие в военных действиях против Кокандского ханства²⁷.

А как относилось простое население к завоевателям? Разумеется, по-разному. Например, российский путешественник Евгений Марков, посетивший Туркестан в самом начале XX века, хотя и утверждал, что ощущал себя здесь в полной безопасности, в то же время добавлял, что чувствовал в Бухаре взгляды «сотен сердитых глаз» местных жителей, глядевших на него «с неодобрительной суровостью»²⁸. А вот солдаты русской армии, служившие в Туркестане, распевали песню, отражавшую такое отношение к ним местного населения:

Мы уж с сартами сдружились
И с киргизами сжились...
И теперь уж мирный сарт
Называет тебя «брат»²⁹.

Вряд ли подобная песня могла сложиться среди английских солдат и офицеров, служивших, как и Артур Конноли, в Бенгальском кавалерийском полку. За обращенное индусом к англичанину слово «брат» можно было получить наказание в виде битья палкой.

Прошло несколько десятков лет, менялась вся система международных отношений, сложившаяся к рубежу XIX–XX веков. В августе 1907 года была подписана «Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета». Ее целью было обеспечение «совершенной безопасности на обоюдных границах Средней Азии и поддержания в этих областях прочного и продолжительного мира»³⁰.

Данный документ фактически разделил сферы влияния в упомянутых странах. Этому также способствовало создание военно-политического союза Антанта в том же году. Британия выходила из «блестящей изоляции», которая долгое время проявлялась в отказе от каких-либо долговременных международных союзов. Это, в свою очередь, предполагало учет Британией интересов России. Фактически началось угасание «Большой игры».

В тот год никто не мог предвидеть бурных событий, которые произойдут в России всего через десять лет, в 1917 году.

После Октябрьской революции Англия решила осуществить свои давние планы по ослаблению России. Один из бывших царских министров иностранных дел

Сергей Сазонов утверждал даже, что у Британии был план расчленения России: Кавказ, балтийские государства, Туркестан должны были стать британскими протекторатами³¹. Зная о такой возможной перспективе, большевистское руководство России сочло необходимым, наряду с «экспортом революции» в Европу, найти еще один противовес политике Британии – в виде национально-освободительного движения в их колониях и зависимых странах.

Используя лексику той поры, большевики решили «вогнать стальной таран вооруженной пролетарской диктатуры в страны Востока». Прежде всего – в Бухарское и Хивинское государства и далее на юг, в зону английского влияния – Афганистан, Персию, Индию. По словам одного из видных большевиков Валериана Куйбышева, революция в Хивинском ханстве может стать «первым звеном в цепи революций и восстаний на Востоке, которые неизбежно приведут все страны Востока, ныне угнетенные и поработанные английским империализмом, к полному национальному раскрепощению и освобождению»³². Стать «лицом к Востоку» призывал и Лев Троцкий. Он считал, что для большевиков в условиях угасания революций в Европе «дорога в Индию может оказаться... в данный момент более подходящей и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию»³³. Фактически Троцкий предлагал осуществить революцию в Индии, используя для этого войска Красной армии; аналогичная перспектива предусматривалась для Афганистана и Персии. Сходных взглядов придерживался и большевистский теоретик и экономист Евгений Преображенский, отмечавший в декабре 1918 года: «Через Среднюю Азию мы сможем вступить в непосредственное соприкосновение с освобожденной Индией и оказать ей существенную поддержку». При этом он надеялся, что «ослабевший британский империализм не будет давить на Ташкентскую советскую республику» (так! – *В.Т.*)³⁴.

Так начинался новый этап «Большой игры». Но теперь он имел совершенно иной характер в силу изменившейся природы одного из главных игроков – России. Если в XIX веке «Большая игра» была для нее политикой защиты своих интересов на южных рубежах, то теперь Советская Россия выходила за пределы своей традиционной геополитики. Провозглашая мировую революцию, она не скрывала своих экспансионистских устремлений в зону традиционного и ранее признаваемого ею британского влияния. Обострению противостояния способствовала и активизация в Средней Азии англичан. Еще летом 1918 года в Ташкент из Индии прибыла миссия подполковника Бейли. Ее целью было снабжение деньгами и оружием антибольшевистских сил. Был даже подписан договор с главой белых войск в Туркестане генералом Джунковским об установлении британского протектората над этим регионом сроком на пятьдесят лет. Об этом позже поведал сам Бейли в своих мемуарах³⁵.

Туркестан превратился в плацдарм, с которого предполагалось продвижение революции на юг, а Ташкент фактически стал центром «Большой игры» и мировой революции на Востоке³⁶. Сюда приезжали бесконечные делегации революционеров из сопредельных стран. В самом Туркестане тоже появились сторонники революционных преобразований в Азии. Одним из них был Турар Рыскулов – глава Туркестанского Краевого мусульманского бюро, а в первой половине 1920 года –

председатель ЦИК Туркестанской республики. Он был за создание единой Тюркской независимой республики, считая, что это позволит успешно строить в ней социализм. Его друг и коллега председатель Центрального бюро коммунистических организаций Востока при ЦК РКП(б) Мирсаид Султан-Галиев предлагал объединить в единую Туранскую республику Башкирию, Татарстан, Среднюю Азию, часть Афганистана, Персию.

Другой активный участник событий той поры Адольф Иоффе рассказывал, что перед его отъездом в Ташкент и в письмах ему Ленин постоянно напоминал: «Туркестан – это наша мировая политика, Туркестан – это Индия»³⁷. Летом 1919 года народный комиссар по военным делам Троцкий впервые решительно поставил вопрос об активизации революционной деятельности в Азии. Этому способствовали разгром Колчака, успехи Красной армии на Восточном фронте и начало наступления ее на Туркестан. Как и в 60-х – 70-х годах XIX века, Россия торопилась с продвижением в Туркестан, чтобы опередить англичан, и это очень напоминало эпизоды «Большой игры».

К тому же еще осенью 1918 года англичане начали распространять слухи о своем готовящемся нападении на Ташкент. Англо-индийские войска заняли Мервский оазис; оттуда генерал Уилфрид Маллесон был готов двинуться на столицу советского Туркестана. Хотя приказа из Лондона не последовало, но Народный комиссариат иностранных дел РСФСР в октябре 1919 года обратился к рабочим и крестьянам Бухары и Хивы со словами о том, что Англия захватила Персию и «уже перешагнула через неприступные стены Афганистана, попирает ногами Бухару и Хиву»³⁸.

В этих условиях большевики решили использовать «турецкий фактор». Турция в годы первой мировой войны воевала на стороне Германии в составе Четвертого союза. Он потерпел поражение от Антанты, в которой Англия играла ключевую роль.

Выход России в 1917 году из войны с Германией спас турецкую армию от разгрома. Это дало возможность перегруппировать силы и отсрочить крах Османской империи на 18 месяцев. Но крах все-таки произошел, и двое турецких генералов, Энвер-паша и Джемаль-паша, активные участники войны, а самое главное – горевшие ненавистью к англичанам, оказались не у дел. Они и заинтересовали советское руководство, решившее использовать их в Средней Азии. Ленин пригласил их в Москву. Руководители Советской России, Коминтерна рассчитывали с помощью этих двух турок завоевать симпатии мусульман Востока и укрепить там свои позиции. Но с Энвер-пашой вышла осечка. Прибыв в Среднюю Азию, он встал на сторону местного повстанческого движения, увидев в нем шанс для создания панисламистского государства, во главе которого он видел Турцию. Но, несмотря на начальный успех, его армия потерпела поражение, а сам он был убит в Восточной Бухаре в 1922 году.

Более органично вписался в планы большевиков Джемаль-паша. Он был широко известен в мусульманских странах как непримиримый враг англичан и за руководство боевыми действиями против них получил прозвище «Лев ислама». В 1918 году, после капитуляции Турции, он был приговорен к смертной казни, но успел

скрыться в Германии. Оттуда начальник генштаба германской армии фон Сект переправил его и Энвер-пашу в Россию; немцы хотели подтолкнуть советское руководство к более активным действиям в Индии, ослабляя тем самым своего врага – Англию. Джемаль-паша был направлен в Афганистан, сыграл большую роль в укреплении советско-афганских отношений³⁹. Он рассматривал Афганистан как плацдарм для боевых действий против Англии в Индии. Также он был решительным сторонником советизации Средней Азии, прямо говорил командующему Туркестанским фронтом Михаилу Фрунзе:

С Бухарой надо кончать решительным ударом или уступить ей по всем направлениям, но так или иначе необходимо в полной мере обеспечить ее за собой⁴⁰.

Действия большевиков не заставили себя ждать. 2 сентября 1920 года Фрунзе телеграфировал Ленину о взятии Красной армией Бухары.

Несколькими месяцами раньше по такому же сценарию была совершена «народная» революция в Хиве, ликвидировавшая просуществовавшее 410 лет государство. Взятие Бухары и Хивы фактически означало, что с территории этих государств через Кабул открывалась дорога на Дели. На этом и сконцентрировал свои действия Джемаль-паша, посланный туда советским руководством. Он был тепло принят при дворе афганского эмира, стал его советником. И мог стать одной из ключевых фигур в «Большой игре». Но в 1922 году он был убит в Тифлисе армянским националистом, мстившим за геноцид армян.

Наряду с усилением в Афганистане советское руководство пыталось содействовать революции в Персии. 20 января 1920 года Фрунзе докладывал в Реввоенсовет о необходимости организации революционных войск на территории этой страны. Продвижением в Персию большевики надеялись решить важную задачу: революционизировать ее и этим подтолкнуть революцию на Востоке. В 1919 году в Персии была создана независимая Гилянская светская республика. Во главе ее был Мирза Кучек-Хан, давнишний противник династии Каджаров, правившей в Персии с конца XVIII века. Он установил связи с большевиками, которые даже наградили его орденом Красного Знамени. Троцкий требовал от своих подчиненных оказывать Кучек-Хану и освободительному движению в Персии помощь оружием, инструкторами, добровольцами и, самое главное, деньгами. В мае 1920 года в районе города Энзели англичане были впервые разбиты персами. Как свидетельствовала очевидица тех событий Лариса Рейснер, после этого «персидские бедняки крепко привязались к Советской России». И добавляла:

Самое трудное сделано: распалась великая вера Востока в непобедимость англичан, потеряно навсегда очарование ее золота, оружия и неслыханного высокомерия⁴¹.

Но, как и в случае с Европой, краха прежних режимов на Востоке не последовало. Правда, Фрунзе пытался разжечь очередное восстание в Хорасане летом 1920 года, поднятое старым врагом Каджаров, Ходоу Верды-ханом, курдом по национальности. Надеясь на помощь большевиков, тот прибыл в Ташкент, однако Фрунзе здесь уже не застал, а новый командующий Туркестанским фронтом Григорий

Сокольников, занятый внутренними проблемами и не доверяя пришельцу из Персии, отправил его в Москву к Троцкому. Но там к гостю отнеслись с недоверием.

Идея революций на Востоке постепенно угасала. Ее бесперспективность стала очевидной для советского руководства, все больше склонявшегося к идее построения социализма в отдельно взятой стране, к тому времени уже ставшей СССР. Троцкий с горечью констатировал в 1927 году: «На ленинском Коминтерне ставится крест»⁴².

Заканчивался очередной этап «Большой игры». Ей было суждено еще раз родиться в будущем, правда, с иными целями и с другими игроками. Прав был Клипpling, полагавший, что «Большая игра» – долгий процесс, и пророчествовавший, что она закончится только тогда, когда исчезнут все ее участники.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Леонтьев М.* «Большая игра». Британская империя против России и СССР. – М.: АСТ, 2012. С. 9.

² Цит. по: *Снесарев А.Е.* Афганские уроки. – М.: Русский путь, 2003. С. 43.

³ См.: *Абдуллаев К.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. – Душанбе: Ирфон, 2009. С. 20.

⁴ Цит. по: *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. (5-е изд.). В 55 т. Т. 27. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. С. 376.

⁵ *Леонтьев М.* Указ. соч. С.17, 103

⁶ Со слов Б.Л. Громбчевского. См.: Туркестанские странствия Бронислава Громбчевского / Предисл. и коммент. Т. Котюковой, пер. с польского И. Шестопаловой // *ВС.* 2016. № 1-2. (Вып. XL). С. 57.

⁷ *Тойнби А.* Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии. – М.: Либроком, 2011. С. 107.

⁸ *Маклинн Ф.* 1759. Год завоевания Британией мирового господства. – М.: АСТ, 2009. С. 20–21.

⁹ «Oh, where are you going to, all you Big Steamers, / With England's own coal, up and down the salt seas?» «We are going to fetch you your bread and your butter, / Your beef, pork, and mutton, eggs, apples, and cheese».

¹⁰ Цит. по: *Rees S.* Cruelty or Humanity: Challenges, Opportunities and Responsibilities. – Bristol: Policy Press, 2020. P. 16.

¹¹ См.: *Кюстин А. де.* Николаевская Россия. – М.: Политиздат, 1990. С. 55.

¹² *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. (Историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. 1. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1933. С. 284.

¹³ *Къеза Д.* Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? – М.: Издательство «Э», 2016. С. 124.

¹⁴ *Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. – М.: Центрполиграф, 2004. С. 6.

¹⁵ *Брешко-Брешковская Е.* Скрытые корни русской

революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. – М.: Центрполиграф, 2007. С. 287.

¹⁶ См.: Центральная Азия в составе Российской империи. – М.: НЛО, 2008. С. 329.

¹⁷ *Айрапетов О.* Внешняя политика Российской империи. 1801–1914. – М.: Европа, 2006. С. 289.

¹⁸ *Каррер Д'Анкокс Э.* Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 76.

¹⁹ Записки о Бухарском ханстве. (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича) / Под ред. Н.А. Халфина. – М.: Наука, 1983. С. 107.

²⁰ *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару / Предисл. Н.А. Халфина. – М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1975. С. 146.

²¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. С. 132–133, 139.

²² См. об этом: *Мартенс Ф.Ф.* Россия и Англия в Средней Азии. – СПб.: Э. Гартъе, 1880. С. 3.

²³ *Южаков С.Н.* Англо-русские распри: Небольшое предисловие к большим событиям: Полит. этюд. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1885. С. 8.

²⁴ Цит. по: Центральная Азия в составе Российской империи... С. 325.

²⁵ См.: Коронационные торжества. Альбом Священного Коронования их Императорских величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Федоровны. – М.: Типо-литография «Н.Н. Кушнерев и К^о», 1896. С. 44–45.

²⁶ См.: *Тиллабоев С., Замонов А.* История Узбекистана (втор. пол. XIX – нач. XX вв.). Учебник для 9 класса школ общего среднего образования. – Ташкент: Shaq, 2019. С. 32, 33.

²⁷ См.: *Стратонов В.* Туркестан. Главы из воспоминаний «По волнам жизни» / Публ., предисл. и прим. Т. Котюковой // *ВС.* № 4 (XLII), 2016 – № 1 (XLIII), 2017. С. 89–91.

²⁸ Марков Е. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. В 2-х тт. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901, Т. 1. С. 377–379.

²⁹ Цит. по: Центральная Азия в составе Российской империи... С. 320–321.

³⁰ Сборник договоров России с другими государствами... С. 389.

³¹ См.: Нарочницкая Н. Россия и русские в современном мире. – М.: Алгоритм, 2011. С. 202.

³² Цит. по: Абдуллаев К. Указ. соч. С. 154.

³³ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М.: Наука, 1998. С. 146.

³⁴ Преображенский Е. Архивные документы и материалы. – М.: Изд-во Главархива Москвы, 2006. С. 272.

³⁵ См.: Бейли Ф.М. Миссия в Ташкент. – М.: Языки славянской культуры, 2013.

³⁶ См.: Критический словарь русской революции / Сост.: Э. Актон, У. Розенберг, В.Ю. Черняев. – СПб.: Нестор-История, 2014. С. 673.

³⁷ Цит. по: Латышев А. Рассекреченный Ленин. – М.: Март, 1996. С. 187.

³⁸ Документы внешней политики СССР. В 24 тт. – М., 1958–2000. – Т. 2: 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. – М.: Госполитиздат, 1958. С. 258.

³⁹ См.: Тихонов Ю. Джемаль-паша в Афганистане и Советской России в 1921–1922 годы // Восточный архив. 2010. № 2.

⁴⁰ Цит. по: Генис В. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. – М.: МППИ, 2001. С. 34.

⁴¹ Рейснер Л. Избранное. – М.: Худож. лит., 1965. С. 87–89.

⁴² Архив Троцкого / Под ред. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского, М.Г. Станчева. – Харьков: Око, 1999. Т. 1. С. 270.

«...Признает себя покорным слугою Императора Всероссийского»

*Дипломатические отношения Хивинского ханства с Российской империей
(вторая половина XIX – начало XX веков)*

От редакции. В 2020 году вышла книга известного узбекистанского историка Шухрата Мухамедова «Россия и Средняя Азия: страницы истории, личности, мнения»*, в которой были подняты многие актуальные вопросы истории Туркестанского края. Чтобы познакомить с этой книгой читателей ВС, мы, с разрешения автора, публикуем, с небольшими сокращениями, одну из ее глав. Ниже помещены материалы заочного обсуждения этой монографии, организованного редакцией нашего журнала.

Во второй половине XIX века политика Российской империи в Средней Азии начинает приобретать более определенные контуры. В этом сыграло свою роль и англо-русское соперничество, которое не оставляло выбора обретающему все большее экономическое могущество Российскому государству. Многочисленные экспедиции в Среднюю Азию, последней из которых была экспедиция Николая Игнатъева в 1858 году в Хивинское ханство и Бухарский эмират, дали возможность изучить современное положение в среднеазиатских ханствах и выработать определенные рекомендации правительству Российской империи.

В январе 1859 года по итогам отчета Игнатъева и записок Оренбургского генерал-губернатора Александра Катенина в Санкт-Петербурге прошло особое межведомственное совещание. На нем присутствовали министр иностранных дел Александр Горчаков и директор Азиатского департамента Егор Ковалевский, военный министр Николай Сухозанет, министр финансов Александр Княжевич, Игнатъев, а также генерал-губернаторы – оренбургский Катенин и западносибирский Густав Госфорт.

* Мухамедов Ш.Б. Россия и Средняя Азия: страницы истории, личности, мнения. – Ташкент: Baktria press, 2020. 372 с.

Главной темой совещания стала выработка новой политики России в Средней Азии, поскольку участники единогласно согласились с тем, что позиции империи в этом регионе в настоящее время откровенно слабы. Катенин, как и ранее, в своих записках, выступил за занятие Джулека, Туркестана, Яны-Кургана и Ташкента (тем самым подрывая военное могущество Кокандского ханства), принятие в российское подданство туркмен, а потом за постепенное подчинение Бухары и Хивы влиянию России¹.

Как видно из дальнейших событий, этот план полностью осуществился.

В 1865 году был завоеван Ташкент, который через два года стал столицей Туркестанского генерал-губернаторства. Первому руководителю генерал-губернаторства Константину фон Кауфману (1867–1882) были даны неограниченные полномочия со стороны российского императора.

Государь император почел за благо снабдить туркестанского генерал-губернатора (фон Кауфмана – *Ш.М.*) политическим полномочием на ведение переговоров и заключение трактатов (т.е. договоров – *Ш.М.*) со всеми ханами и независимыми владетелями Средней Азии².

В особой инструкции пояснялось, что государь

уполномочивал туркестанского генерал-губернатора к решению всяких политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и подписанию трактатов, условий или постановлений, касающихся пользы обоюдной³.

Эти чрезвычайные полномочия, данные фон Кауфману, естественно, активно претворялись в жизнь благодаря имперским возможностям Российского государства. Большую роль в сборе информации и налаживании деятельности государственной машины в Туркестанском генерал-губернаторстве играла краевая администрация и ее канцелярия. Первый правитель канцелярии генерал-майор Александр Гейнс сделал 9 января 1868 года доклад «О распределении занятий канцелярии по делам производства (утвержденный проект структуры канцелярии)»⁴.

Согласно этому документу, в составе канцелярии было образовано четыре отделения. Вопросы отношений с соседними государствами были возложены на 3-е особое отделение, в компетенцию которого входили следующие направления:

1) народное образование: общие вопросы; 2) пограничные дела по сбору разных политических сведений и слухов, происшествия на границах края и отношения к соседним ханствам, 3) духовное ведомство, 4) распоряжения по всем просьбам и жалобам, подаваемым генерал-губернатору, 5) переписка генерал-губернатора с частными лицами⁵.

Таким образом, в этот период основные дипломатические документы и тексты договоров, подписанных Российской империей, в лице Туркестанского генерал-губернатора, и среднеазиатскими правителями, готовились в недрах 3-го отделения канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Естественно, что эти документы в свою очередь в обязательном порядке согласовывались с высшим

руководством Российской империи, Военным ведомством и Министерством иностранных дел Российского государства. На случай военных действий приказом Туркестанского краевого руководства создавалась походная канцелярия, которая сопровождала Туркестанского генерал-губернатора и готовила все необходимые бумаги, в том числе и дипломатические документы и договоры.

Завоевание Средней Азии генерал фон Кауфман решил продолжить захватом Бухарского эмирата. Военные силы эмирата, изнуренные междоусобицами с кокандским ханом, а также заметно отстававшие в техническом военном оснащении, были слабы. В 1868 году, с завоеванием Самарканда, Бухарский эмират фактически превратился в вассала Российской империи⁶.

На вновь завоеванных территориях царское правительство создало Зарафшанский округ в составе Самаркандского и Каттакурганского отделов под управлением генерала Александра Абрамова. После Зирабулакского сражения эмир Музаффар был вынужден признать свое поражение и принять условия Кауфмана о новых границах Туркестанского генерал-губернаторства. Зирабулакским сражением завершился второй этап экспансии Российской империи.

28 июня 1868 года в Самарканде был подписан договор между Кауфманом и эмиром Музаффаром, превращавший Бухарский эмират в протекторат Российской империи. В нем эмир признавал себя виновным в развязывании войны и в знак вечной дружбы обязывался выплатить контрибуцию в размере 500 тысяч рублей за военные издержки российских войск. Все завоеванные земли – от Ташкента до Самарканда, куда входили Ходжент, Уратюбе, Пенджикент, Джизак, Самарканд и Каттакурган, отходили Российской империи. Однако в правлении оставшимися землями эмиру предписывалось руководствоваться указаниями генерал-губернатора. Исходя из этого политического подчинения, историки называли правителя Бухары вассалом Российской империи. Также эмир обязывался создавать льготные условия для свободной торговли и защищать интересы русских купцов. Им разрешалось учреждать торговые агентства с щадящей пошлиной (не более 2,5% от общей стоимости товаров), а также свободно перемещаться между территорией эмирата и другими государствами.

Этот кабальный договор⁷ с его унижительными условиями приговаривал эмират к потере самостоятельности, бесправию и нищете. Подобная политика эмира привела к возникновению массовых недовольств. Отряды народного ополчения под предводительством старшего сына эмира Музаффара, Абдумалика-тюры, Джурабека и Бабабека продолжили борьбу за освобождение Самарканда. Они объявили о смещении эмира Музаффара с трона и назначении эмиром Абдумалика-тюры. Ополченцы вначале заняли Шахрисабз, затем Карши и Карману. Для предупреждения и подавления очагов сопротивления фон Кауфман направляет туда войска под командованием генерала Абрамова. Оснащенные современным оружием войска постепенно выдавили ополченцев с занятых ими территорий. В результате Абдумалик-тюра отступил к Хивинскому ханству, а затем перебрался в Афганистан. Но эмир Афганистана отказал ему в поддержке, так как рассчитывал на помощь России в предстоящей борьбе с Англией. Абдумалик-тюра уехал в Пешавар,

где и умер в 1909 году. Таким образом, второй этап захватнического похода завершился взятием Самарканда и превращением Бухарского эмирата в протекторат Российской империи.

В 1873 году с Бухарским эмиратом был подписан новый договор – Шаарский⁸, согласно которому царское правительство наделялось правом назначения своего представителя в протекторате Бухары. В соответствии с новыми условиями⁹, без согласия представителя эмир был не вправе решать какие бы то ни было внутренние или внешнеполитические вопросы. Пункт 14 договора гласил: «Правительство Бухары не имеет права принимать кого бы то ни было, кроме как с согласия Российского правительства». Согласно договору, каждое утро кушбеги предписывалось получать у представителя необходимые указания, которые доносились до эмира. Подписание бумаг эмиром носило чисто формальный характер. Первым представителем царской России в Бухаре был назначен Павел Лессар. В действительности, представителя можно было с полным основанием назвать неофициальным губернатором Бухары. Своей резиденцией он избрал город Каган, в 12 километрах от Бухары. Тем самым царское правительство предпочло не включать Бухару полностью в состав империи, а руководить ею непосредственно через эмира и его подчиненных¹⁰.

В 1869–1870 годах Министерство иностранных дел Российской империи начало переговоры с Англией о проведении пограничной линии между Афганистаном и новыми владениями царского правительства в Средней Азии. В результате переговоров была достигнута договоренность о прохождении границы в районе Пянджа по реке Амударья. А граница между Бухарским эмиратом и Ираном была обозначена в секретном договоре, подписанном российским послом в Тегеране и иранским шахом 10 декабря 1881 года. В результате переговоров, состоявшихся в 1885–1887 годах, англо-русской комиссии удалось установить пограничную линию между Афганистаном и землями Бухарского эмирата Средней Азии, но уже в составе Российской империи.

<...> Вскоре после завоевания Бухарского эмирата генерал-губернатор фон Кауфман начинает поход против Хивинского ханства. В результате боевых действий войска хана потерпели поражение, и 12 августа 1873 года между двумя странами был заключен Гендемианский мирный договор¹¹.

Для того, чтобы понять степень кабальности этого договора для Хивы, имеет смысл привести некоторые его статьи, – ведь именно этот договор на многие годы определил взаимоотношения двух стран.

Сеид Магомед Рахим-Богадур-хан признает себя покорным слугою Императора Всероссийского. Он отказывается от всяких непосредственных дружеских отношений с соседними владетелями и ханами и заключения с ними каких либо торговых и других договоров, и без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии не предпринимает никаких военных действий против них.

Границею между русскими землями и хивинскими служит Аму-Дарья...

Весь правый берег Аму-Дарья и прилегающие к нему земли, донныне считавшиеся хивинскими, отходят от хана во владение России со всеми проживающими и кочующими там

народами. Участки земель на правом берегу, составляющие ныне собственность хана и жалованные им для пользования сановникам ханства, отходят вместе с тем в собственность русского правительства, без всяких претензий со стороны прежних владельцев. Хану предоставляется вознаградить их убытки землями на левом берегу.

В случае если по воле Государя часть этого берега будет передана во владение бухарского эмира, то хивинский хан признает сего последнего законным владельцем этой части прежних своих владений и отказывается от всяких намерений восстановить там свою власть.

Русским пароходам и другим русским судам, как правительственным, так и частным, предоставляется свободное и исключительное плавание по Аму-Дарье. Этим правом могут пользоваться суда хивинские и бухарские не иначе, как с разрешения высшей русской власти в Средней Азии.

В тех местах на левом берегу, где окажется необходимым и удобным, русские имеют право устраивать свои пристани. Ханское правительство отвечает за безопасность и сохранность этих пристаней. Утверждение выбранных мест для пристаней зависит от высшей русской власти в Средней Азии.

Независимо от этих пристаней, предоставляется право русским иметь на левом берегу Аму-Дарьи свои фактории для склада и хранения своих товаров. Под эти фактории, в тех именно местах, где указано будет высшею русскою властью в Средней Азии, ханское правительство обязуется отвести свободные от населения земли в достаточном количестве для пристаней и для постройки магазинов, помещений для служащих в фактории и имеющих дела с факторией, помещений под купеческие конторы и для устройства хозяйственных форм.

Все вообще города и селения Хивинского ханства отныне открыты для русской торговли. Русские купцы и русские караваны могут свободно разъезжать по всему ханству и пользуются особенным покровительством местных властей. За безопасность караванов и складов отвечает ханское правительство.

Русские купцы, торгующие в ханстве, освобождаются от платежа закета¹² и всякого рода торговых повинностей...

Русским купцам предоставляется право беспошлинного провоза своих товаров через хивинские владения (беспошлинная транзитная торговля).

Русским купцам предоставляется право, если они пожелают, иметь в г. Хиве и в других городах ханства своих агентов (караван-башей), для сношения с местными властями и для наблюдения за правильным ходом торговых дел.

Русским подданным предоставляется право иметь в ханстве недвижимое имущество. Оно облагается поземельной податью, по соглашению с высшей русской властью в Средней Азии.

Жалобы и претензии русских подданных на хивинцев ханское правительство обязуется безотлагательно расследовать и будет немедленно удовлетворять. В случае разбора претензии со стороны русских подданных и хивинских, преимущество при уплате долгов отдается русским пред хивинцами.

Ханское правительство ни в коем случае не принимает к себе разных выходцев из России, являющихся без дозволения на то вида от русской власти, к какой бы национальности они ни принадлежали...

Объявление Сеид-Магомета Рахим-Баходир-хана, обнародованное 12 числа минувшего июня, об освобождении всех невольников в ханстве и об уничтожении на вечные времена рабства и торга людьми, остается в полной силе и ханское правительство обязуется всеми зависящими от него мерами следить за строгим и добросовестным исполнением этого дела.

На Хивинское ханство налагается пеня, в размере 2 200 000 рублей, для покрытия рас-

ходов русской казны на ведение последней войны, вызванной самим ханским правительством и хивинским народом¹³.

Как видно из договора, Российская империя ставила задачу полного покорения Хивинского ханства и использования его экономического потенциала в своих интересах.

15 августа 1873 года на правый берег переправился командующий войсками князь Евгений Романовский. Он оставался при туркестанских войсках до самого выхода их, уже с правого берега Амударьи, в обратный поход, после возведения укрепления на избранном месте. Наименование этого укрепления Петро-Александровским было предложено именно им. Как пишет в своих дневниках один из участников похода, Федор Лобысевич,

в хозяйственном отношении, позиция, выбранная для расположения Аму-Дарьинского отряда, не оставляла желать ничего лучшего. Местность здесь довольно возвышенная... и совершенно здоровая. Растительности кругом устраиваемого расположения войск – достаточно... Окрестности укрепления заселены почти сплошным населением от г. Шурухана до Аму. Большая часть предметов потребления для войск находилась у них под рукой, а в 4-х верстах от укрепления – большой шуруханский базар. Расположение близ Шурухана представляло выгоды и в других отношениях. Все население вновь занятого нами края делится на два главные элемента: оседлое и кочевое. Первое из них и часть кочевников, в том числе туркмены рода ата, группируются в шуруханском округе, начиная от урочища Ак-камыш до кишлака Зенгияба за Рахмет-бийбазаром. Расположение отряда, а также и управление населением Аму-Дарьинского отдела вблизи Шурухана, отвечало условию близости на первое время административного центра к оседлому населению; оно, по необходимости, было весьма удалено от главного средоточия кочевого населения отдела – каракалпаков и киргиз, находящегося в дельте Аму-Дарьи и на Даукаре. Хотя это последнее обстоятельство составляло важное неудобство, но приходилось жертвовать либо близостью к оседлому, либо близостью к кочевому населению.

Расположение у Шурухана было выгодно в том отношении, что на первое время нашего водворения на Аму-Дарье, очень важно было постоянно следить и своевременно знать о всем совершающемся в Хиве. Позиция у Шурухана в этом отношении наиболее удобна, так как она находится на ближайшем с правого берега пути к Хиве. Важное значение избранного места заключается еще в том, что оно удобнее и лучше другого пункта охраняет и обеспечивает – как все сообщения Аму-Дарьинского отдела с сыр-дарьинской линией, так и главный караванный путь, идущий из Казалинска, чрез Аристан-бел-кудук, в Бухару. Наконец в экономическом отношении имеет значение близость расположения от Шурухана таких торговых центров Хивинского ханства как Ханка и Новый Ургенч, находящийся на левом берегу Аму. Между обоими названными пунктами и шуруханским и шабаз-валиским районами существуют постоянные торговые сношения, и многие из ургенчских и ханкинских торговых людей имеют свои лавки и склады на шуруханском базаре; в свою очередь, многие из жителей правого берега имеют свои дома и семьи на левом берегу, так что связь отсюда с левым берегом постоянная и непрерывная¹⁴.

Как видно из этого уникального документа, царский офицер, имевший специальное поручение фиксировать в дневниках все самое главное в походе на Хиву, довольно четко, по-военному изложил основные задачи и цели Российской империи

в этом регионе. На самом деле, закрепленные в договоре положения и определили суть дипломатических отношений двух стран. Никакого дипломатического представительства, как в Бухарском эмирате, в Хивинском ханстве не предусматривалось. Все вопросы дипломатических отношений с Хивинским ханством были возложены на руководителя Аму-Дарьинского отдела. Как продолжает Лобысевич:

Оба эти ханства существуют полусамостоятельно. Бухарскому эмиру еще дозволительно иметь постоянную армию, численностью до 20 тысяч человек при 20 орудиях, хотя имеющую скорее полицейский характер. Хивинский хан лишен и этого права¹⁵.

Начальником вновь учрежденного Аму-Дарьинского отдела назначен был полковник Иванов¹⁶.

Однако фон Кауфман вошел во вкус и решил не останавливаться на достигнутом.

Представление Кауфмана об окончательном занятии Хивы однако же встретило сильный отпор в министерстве иностранных дел, которое прежде всего признало, что положение дел в ханстве «не настолько критическое», во вторых, сослалось на высочайшую волю «о непременном сохранении самостоятельности Хивы, хотя бы при помощи нашей военной силы для обуздания туркменов». Сообщая об этом в письме от 10 ноября 1874 года за № 12, военный министр генерал-адъютант Милютин пишет Кауфману еще следующее: «С своей стороны я разделяю мнение М[инистерст]ва ин[остранных] дел. Я не могу не обратить прежде всего внимания на тот факт, что собственно в пределах нашего Аму-Дарьинского отдела беспорядков почти совершенно не происходит. Возникающие же волнения внутри Хивинского ханства не имели до сих пор характер общего восстания против хана или такого междуусобия среди хивинцев, в котором были бы затронуты наши непосредственные интересы. Таким образом, во многих случаях для нас возможно было держаться более нейтрального положения относительно Хивы». Далее Милютин приводит соображение, что даже «временные походы наши на левый берег Аму-Дарьи все-таки для нас будут менее обременительны, нежели присоединение Хивы к пределам империи, что, как Вашему Пр[евосходительст]ву известно, противоречило бы видам правительства¹⁷.

Таким образом, полное завоевание Хивы не состоялось благодаря политическим соображениям, а точнее англо-русскому соперничеству, так как мировые державы внимательно следили за действиями Российской империи в Средней Азии. Однако вмешательство во внутренние дела ханства со стороны Аму-Дарьинского отдела продолжалось до 1917 года. Одной из причин были взаимоотношения Хивинского хана и туркменских родоплеменных вождей.

Итак, хивинского хана отстояли два министра: Горчаков и Милютин, предоставив Иванову только наказывать туркмен... Мы видели, что Иванов уже не преминул воспользоваться этим разрешением и положительно без всякого основательного повода произвел набег в январе 1875 года «на ту сторону» (т.е. на территорию Хивинского ханства. – Ш.М.), не встретив ни малейшего сопротивления. Туркмены очевидно осознали, что бороться с русскими им не под силу. И присмирели... Военный министр на представление Кауфманом соображений Иванова о необходимости вмешательства во внутренние дела текинцев за-

метил, что мелкие грабежи не представляют чего-либо исключительного и что «нам нет никакой» надобности принимать на себя роль полицмейстеров среди соседнего нам кочевого населения, что могло повести к нескончаемым столкновениям, которые в настоящее время правительство желает избегнуть¹⁸.

В награду за свои заботы о Хиве Иванов был произведен 4 апреля 1876 года в генералы, но в мае получил запрещение сношаться с текинцами даже через хивинского хана¹⁹.

Однако Иванов не успокаивался и неоднократно обращался к фон Кауфману с предложением завоевать территорию Хивинского ханства. Это в свою очередь решило его участь.

На предложение Кауфмана о полном завоевании Хивы военный министр дал ему такое предписание от 19 мая 1876 года № 185:

Содержание рапорта вашего превосходительства от 23 марта за № 2, 469, о мерах, принятых в Аму-дарьинском отделе к обеспечению спокойствия в крае и в пределах Хивинского ханства, доложено государю императору. При этом, в виду представленного бывшим начальником отдела генерал-майором Ивановым соображения относительно занятия нами всего Хивинского ханства, его величество соизволил повелеть подтвердить тому лицу, которое заместит его в звании начальника отдела, прежнее положительное высочайшее повеление, чтобы не допускать никаких действий или распоряжений, которые могли бы привести к необходимости занятия Хивы, так как подобное действие было бы совершенно противно видам государя императора в настоящее время²⁰.

Как видно, Иванов «перешел рубикон», за что и был отозван. Автор многотомного труда о завоевании Средней Азии генерал Михаил Терентьев не без иронии пишет о произошедших событиях:

После такого окрика: «руки прочь», а главное, после смены Иванова, аппетиты сразу исчезли и невозможное будто бы существование Хивы тянется благополучно вот уже третий десяток лет, даже без походов по льду на ту сторону!

С отозванием Иванова и дела в ханстве поправились, так как власть хана, подавляемого высокомерием сары-сакала (желтобородого – так звали Иванова туземцы), опиравшегося на обширные полномочия и доверие Кауфмана, – тотчас выросла. Преемники Иванова, в виду непреложной воли Государя, не позволяли уже себе прежнего повелительного тона с ханом, что, конечно, тотчас было замечено сановниками и перешло в народ²¹.

После установления протектората Российской империи над Хивой жизнь ханства продолжается по своим внутренним законам. Междоусобицы и борьба за власть между различными группировками переходят на новый уровень и становятся предметом регулирования со стороны руководства Аму-Дарьинского отдела. Однако это тема отдельного исследования. Нужно указать на стремление ряда представителей правящих кругов Хивинского ханства, с учетом российского опыта, провести в ханстве прогрессивные реформы. Для этого было отправлено в Петербург и Ташкент – столицу Туркестанского генерал-губернаторства – несколько специальных делегаций.

В 1900 году в Петербург прибыла посольская делегация во главе с сыном Хивинского хана Мухаммада Рахимхана II – Саидом Асфандиером Турой²². В составе делегации были следующие сановники: Хусаинбек, Мухаммад Вафо, Ислон Ходжа и Омонкельды²³. Саид Асфандиер был «удостоен чести» встретиться с императором Николаем II, которому и было передано личное послание Хивинского хана. Саид Асфандиер Тура был награжден орденом Святой Анны первой степени. Делегация получила возможность посетить различные достопримечательности, производственные и военные объекты Петербурга: мануфактуры, театры и военные учения. Все объекты произвели на членов делегации огромное впечатление²⁴.

В 1901 году делегация Хивинского ханства во главе с Асфандиером Турой прибыла в Ташкент, чтобы поздравить назначенного на должность Туркестанского генерал-губернатора Иванова²⁵.

Интересно, что руководство Российской империи, несмотря на статус двух ханств как протекторатов, соблюдало дипломатический протокол и встречало послов Хивинского ханства и Бухарского эмирата в соответствии с международными требованиями.

Так, 24 июня 1910 года главный визирь Хивинского ханства Ислон ходжа, во главе посольской делегации, прибыл в Ташкент для встречи с Туркестанским генерал-губернатором Самсоновым. Посольская делегация прибыла в Ташкент в отдельном вагоне; делегацию встречали на вокзале члены Туркестанского краевого руководства: представитель начальника штаба военного округа Михайлов, дипломатический чиновник Калмыков, градоначальник Ташкента, главный полицмейстер города и др. Встреча делегации происходила под звуки военного оркестра. Послы были размещены в «Гранд-отеле».

28 июня Туркестанский генерал-губернатор Самсонов пригласил членов делегации на торжественный завтрак в свою резиденцию. На завтраке присутствовали: командующий 1-м туркестанским корпусом, начальник канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, представители дипломатических миссий и другие высокопоставленные чиновники²⁶. Члены делегации были награждены ценными подарками.

Основной целью хивинской делегации было информирование руководства Туркестанского генерал-губернаторства о реформах, которые предполагалось осуществить в Хиве: построении промышленных предприятий, укреплении торговых связей с Россией и т.д. Требовалось также решить вопрос о восхождении Саида Асфандияра на престол. Членам делегации было сообщено, что его кандидатура одобрена высшим руководством Российской империи.

Тем не менее, идея полного присоединения Хивинского ханства к Российской империи вновь начинает обсуждаться на высшем уровне в начале XX века, в связи с «пробуждением Востока» и усилением антиколониального движения в Индии, Египте, Иране и других странах. Страх царского правительства перед этим движением привел к многочисленным обсуждениям статуса Хивинского ханства и Бухарского эмирата на различных уровнях, в том числе в Министерстве иностранных дел, Военном ведомстве и Туркестанском краевом управлении.

Как уже было сказано, еще в 1870-х годах начальник Амударьинского отдела Иванов несколько раз ставил вопрос перед туркестанским генерал-губернатором о ликвидации фиктивной независимости Хивинского ханства. Но эти предложения отклонялись МИДом России, который считал более выгодным для русской буржуазии сохранение создавшегося положения в Хиве. Однако военная администрация Туркестана никак не хотела мириться с вассальным положением Хивы; она добивалась присоединения ее к России.

Один факт. В 1892 году подполковник Бронислав Стеткевич в своей записке «О современном положении Хивинского ханства в экономическом и политическом отношении», адресованной туркестанскому генерал-губернатору, без обиняков поставил вопрос о необходимости включения Хивы в состав Российской империи.

Если бы присоединили Хиву к России, то особенного сопротивления и антирусского движения не было бы, ибо мусульманский фанатизм сравнительно слаб во всех классах хивинского населения, враждебности к русским совершенно не заметно²⁷.

Однако генерал-губернатор Вревский категорически отверг эти и подобные предложения. Дело в том, что царские власти в Петербурге, в том числе и военный министр, смотрели на Хивинское ханство как на губернию Российской империи, а на хана как на губернатора.

Но туркестанские военные власти не отказывались от мысли о присоединении Хивы. Так, 2 декабря 1904 года состоялся совет у туркестанского генерал-губернатора, на котором было принято решение возбудить перед центральным правительством вопрос о присоединении Хивы и Бухары к России²⁸. Но МИД и на этот раз высказался против, что, помимо прочего, объяснялось, по-видимому, еще и военными неудачами на Дальнем Востоке.

Повторно этот вопрос был обсужден в 1909 году на двух совещаниях: 2 и 3 февраля – генерал-губернатором Мищенко и 10–11 августа – новым генерал-губернатором Самсоновым. На августовском совещании было решено учредить должность русского представителя в Хивинском ханстве «на правах помощника начальника Амударьинского отдела»²⁹.

Сообщая 14 сентября 1909 года об указанном решении начальнику Главного штаба Военного министерства, Самсонов писал:

Такой мерой (учреждением названной должности) вполне ясно намечался бы характер деятельности нашего представителя, предназначенного лишь содействовать общему управлению края, а отнюдь не играть роль дипломатического представителя при независимом владетеле... Мне представляется, что подобный план не может встретить возражений, так как при этих условиях вполне правильно освещается положение хана, к которому назначается руководитель, вполне подчиненный действующей в крае власти. Представитель наш, надзирая за русскими подданными, пребывающими на территории ханства, конечно, мог бы сообщать вполне точные сведения и об общем положении и, таким образом, вполне заменил бы те малонадежные источники, из которых в настоящее время черпаются известия³⁰.

В ответ на указанные решения августовского совещания в Ташкенте МИД 19 января 1910 года подготовил специальный документ, где говорилось:

В вопросе о Хивинском ханстве, положение которого <...> в значительной степени отличается от положения Бухары, МИД вполне присоединяется к принятому в Ташкенте решению (об учреждении должности русского представителя в Хивинском ханстве. – Ш.М.) и считает лишь нужным высказать, что со своей стороны оно полагало бы в отношении этого среднеазиатского ханства возможно долее сохранять статус-кво³¹.

Иными словами – на определенный отрезок времени воздержаться от его захвата. Решение ташкентских совещаний и официальное отношение к ним МИДа показывало, что «хивинскому вопросу» придается большое политическое значение, и его требовалось безотлагательно решить. 28 января 1910 года при Совете министров состоялось Особое совещание под председательством Петра Столыпина. Это совещание обсудило решение ташкентских совещаний и документ МИДа. В результате оживленной дискуссии Самсонова никто не поддержал. С большой речью на совещании выступил председатель Совета министров Столыпин, который в принципе согласился с мнением о необходимости присоединения Хивы к России. Однако он заявил, что в данное время возбуждение этого вопроса преждевременно, что до присоединения необходимо провести в обоих ханствах реформы и тем самым подготовить их к включению в состав империи. В противном случае, заявил Столыпин, реформы должно будет провести в них царское правительство, что потребовало бы значительных расходов. В общем, Столыпин призывал участников совещания избавить Россию от «неминуемых больших жертв» и предлагал отложить на неопределенное время присоединение ханств к России³².

Материалы Особого совещания свидетельствуют, что в принципе и генерал-губернатор, и министры со Столыпиным во главе стояли за ликвидацию фиктивной независимости Хивинского ханства. Расхождение между ними по этому вопросу было лишь во времени. Туркестанский генерал-губернатор требовал чуть ли не немедленного захвата, а царские министры, в том числе и Столыпин, ратовали за выжидательную тактику. На уровне высшего руководства страны эти решения, одобренные Николаем II, значили, что в отношении Хивы и Бухары был взят курс на временное сохранение их фиктивной независимости.

Возвращаясь к ташкентским совещаниям 1909 года, следует отметить, что они также рассмотрели вопрос о так называемых подарках. Дело в том, что еще в 1870-х годах был установлен обычай «поднесения бухарским и хивинским владельцами подарков лицам русской администрации»³³. Совещание приняло единогласное постановление о запрещении принимать русским офицерам и чиновникам подарки от владельцев Хивы и Бухары и их сановников, так как этот обычай облегчал подкуп того или царского чиновника, влиял на независимость суждений и действий и порочил его в глазах общественного мнения.

<...> Сохранение протектората над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством и отказ от полного завоевания этих территорий со стороны Российской империи были вынужденными и связаны с англо-русским соперничеством в регионе. По-

сольские делегации от этих ханств в Ташкент и Санкт-Петербург, вплоть до 1917 года, являлись индикатором «налаженных дипломатических отношений» с этими странами и давали Российской империи возможность сохранить лицо в глазах мирового сообщества. Естественно, что все было гораздо сложнее. Однако приоритетное значение в этом для Российской империи имел имидж цивилизованной державы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Почкаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии. XVIII – начало XX вв. – М.: Высшая школа экономики, 2017. С. 264–265.

² Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб.: Тип. П.П. Меркулева, 1875. С. 20.

³ Пален К.К. Краевое управление. – СПб.: Сенат. тип., 1910. С. 12.

⁴ См.: Эргашев Б. Делопроизводственная деятельность канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. (историко-источниковедческий анализ). – Ташкент: Фан, 2015. С. 93.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Русско-бухарский договор 1868 г. – прелиминарный мирный договор между Российской империей и Бухарским эмиратом. Заключен 23 июня 1868 г. после поражения бухарских войск в результате Бухарских походов российских войск 1866–1868 гг.

⁷ Договор не был ратифицирован императором Александром II, но в значительной степени определял отношения Российской империи с Бухарским эмиратом вплоть до подписания Шаарского договора 1873 г. Он сыграл необходимую роль в становлении системы российских протекторатов в Средней Азии и в установлении мира в регионе. Для обеспечения выплаты контрибуции эмиратом правительство Российской империи объявило о временной оккупации Самарканда и Каттакуртана. На оккупированных и присоединенных к России землях в 1868 году был создан Зарафшанский округ с административным центром в Самарканде.

⁸ Шаарский договор 1873 г. – соглашение о дружбе между Российской империей и Бухарским эмиратом. Подписан 17 октября 1873 г. Традиционно считается, что в результате заключения Шаарского договора Бухарский эмират фактически стал протекторатом Российской империи.

⁹ В договоре прописаны 18 статей. В них предусмотрены передача Бухарскому эмирату части территории Хивинского ханства, занятого русской армией. Разрешались свободные проезды граждан Российской империи по территории эмирата и плавание по Амударье российских судов с возможностью устраивать склады и пристани. Купцы Российской империи получили право на беспошлинный провоз товаров в третьи страны по его территории, свободную торговлю в эмирате. Также российским купцам разрешалось

иметь торговых агентов и караван-сарай в эмирате, а купцам Бухарского эмирата на территории Туркестанского генерал-губернаторства. Граждане России и эмирата могли заниматься ремеслами и владеть недвижимостью на территории обоих государств. Эмир обязался прекратить работоторговлю на территории эмирата и не принимать российских преступников. В Ташкент назначался постоянный посол эмира, российское правительство также могло назначить своего политического агента в эмирате.

¹⁰ Со стороны Бухарского эмирата был признан захват и вхождение в состав Российской империи части территории с городами Джизак, Ура-Гюбе и Ходжент. Эмир обязывался выплатить контрибуцию в размере 125000 золотых тилля (500000 рублей). Гражданам Российской империи без различия веры предоставлялось право свободной торговли на территории эмирата; власти эмирата принимали на себя защиту их имущества и личной безопасности, а также предоставляли право свободного проезда через земли Бухарского эмирата в соседние государства. Купцам Российской империи разрешалось учреждать торговые агентства во всех пунктах эмирата. Пошлина с ввозимых в эмират российских товаров устанавливалась в размере 2,5% от их стоимости.

¹¹ Гендемианский договор – мирный договор между Россией и Хивинским ханством, подписанный 12 августа 1873 г., после Хивинского похода и занятия русскими войсками Хивы в июне этого года. Название договор получил по месту подписания – летней резиденции хивинского хана – Сада Гендемиан.

¹² *Закят (закет) (араб.)* – в исламском праве обязательный ежегодный налог, выплачиваемый с различного вида доходов и имущества (движимого и недвижимого) всеми самостоятельными, свободными, дееспособными и взрослыми мусульманами в пользу нуждающихся единоверцев.

¹³ Лобысевич Ф.И. Описание Хивинского похода 1873 г. // По материалам особой комиссии, учрежденной тотчас после похода, под председательством Начальника Полевого Штаба. – СПб.: Тип. Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Пльза», 1898. С. 268–270.

¹⁴ Там же. С. 271–272.

¹⁵ Там же. С. 277.

¹⁶ См.: Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1906. С. 289.

¹⁷ Там же. С. 307.

¹⁸ Там же. С. 307–308.

¹⁹ Там же. С. 308.

²⁰ Там же. С. 315.

²¹ Там же.

²² *Тюра (тура)* – буквально: принц или наследник престола.

²³ См.: *Гулбоев Н.Н.* XIX аср охири – XX аср бошларида Хива хонлигида элчилик муносабатлари // *Узбекистонда элчилик хизмати тарихидан: Талқин ва таҳлил республика илмий-амалий конференция материаллари тўплами.* – Тошкент: Адабиёт, 2016. 213 б.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. 214 б.

²⁶ Там же. 214–215 бб.

²⁷ НА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 256. Л. 48.

²⁸ НА РУз. Ф. И-3. Оп. 1 Д. 256. Л. 49.

²⁹ Там же.

³⁰ НА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 256. Л. 49.

³¹ НА РУз. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 136. Л. 60.

³² Там же. Л. 71.

³³ НА РУз. Ф. И-3. Оп. 1 Д. 256. Л. 50.

ДИСКУССИЯ

Тема: Колониализм: pro et contra

Обсуждение книги Шухрата Мухамедова «Россия и Средняя Азия: страницы истории, личности, мнения»

В обсуждении приняли участие: аспирант Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Даниил МЕЛЕНТЬЕВ (Москва); историк, преподаватель Ташкентской духовной семинарии Юрий ФЛЫГИН (Ташкент) и историк-искусствовед, кандидат искусствоведения Александр ДЖУМАЕВ (Ташкент).

Даниил МЕЛЕНТЬЕВ

История политического и экономического развития Туркестанского края уже довольно хорошо изучена советскими, современными российскими, среднеазиатскими, а также западными учеными. Тем не менее, книга ташкентского историка Шухрата Мухамедова «Россия и Средняя Азия: страницы истории, личности, мнения» дает дополнительную информацию для оценки этого периода.

Автор предлагает пересмотр некоторых политико-экономических сюжетов, связанных с пребыванием Средней Азии в границах Российской империи. В основе этого пересмотра лежат неизвестные и недостаточно введенные в научный оборот делопроизводственные материалы канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства из архивохранилищ Узбекистана; в этом, на наш взгляд, состоит главная ценность книги.

Особо хочется отметить неоднократное обращение к жизни выдающихся личностей, связанных с Туркестаном: например, российского государственного и военного деятеля Алексея Николаевича Куропаткина (1848–1925) или востоковеда Николая Петровича Остроумова (1846–1930), чьи неизвестные ранее документы без купюр публикуются в книге. Автор также дает возможность читателю уловить между строк отсылки ко дню сегодняшнему, понять, как и что связывает современный Узбекистан с Российской Федерацией.

Первая глава книги сфокусирована на дипломатических контактах и договорах о подчинении Бухарского эмирата и Хивинского ханства Российской империи. Причины превращения Бухары и Хивы в протектораты объясняются автором исключительно невозможностью для двух этих государств сопротивляться более технологически совершенной российской армии.

Несколько сомнительным представляется утверждение, что Российская империя отказалась полностью подчинять Бухарский эмират (как известный религиозный центр), поскольку опасалась возможного возмущения исламского мира (с. 20). На практике Бухарский эмират не имел политической и экономической самостоятельности (хотя юридически это нигде закреплено не было), что создавало атмосферу неопределенности, выгодную как для колониальной администрации, так и местных элит¹. Бухара и Хива находились под постоянным надзором Императорского русского политического агентства, сохраняя независимость лишь в сфере религии и культуры.

Что касается опасения реакции исламского мира, то в конце XIX – начале XX веков мусульманский Восток переживал времена политического упадка и был почти полностью подчинен европейским державам. Даже Османская империя оказалась под контролем Франции, Великобритании и Германии, что *de facto* означало потерю суверенитета². Султан Великолепной Порты носил титул *халифа*, однако его *фетвы* игнорировались мусульманским духовенством внутреннего Востока России³. Так что, говоря о возможном протесте мусульманского мира в случае прямого подчинения Бухары, автор, как нам представляется, переносит на то время реалии современного миропорядка.

Кроме того, сам мусульманский мир также не представлял собой идеологического единства. Значительная часть интеллектуальной и творческой элиты мусульманских стран старалась модернизировать их с оглядкой на Европу, в которой торжествовали идеи эпохи Просвещения: республиканская форма государства, борьба за эмансипацию женщин и др.

Также замечу, что в целом доводы Ш.Б. Мухамедова смотрелись бы выигрышнее, если бы больше внимания было уделено анализу «политики невмешательства» в дела мусульман Туркестана⁴. Именно эта политика позволяет объяснить многие действия Российской империи и лучше понять пределы колониальной экспансии. Например, то, почему Бухарский эмират и Хивинское ханство под протекторатом России продолжали жить по своим внутренним законам (*шариату* и *адату*), а не по законодательству империи. Перспективной для анализа этой проблемы представляется модель «внутренней колонизации», предложенная историком Александром Эткиндо, который охарактеризовал нахождение Российской империи в Туркестане как доминирование без гегемонии. Чиновники контролировали политическую, экономическую и дипломатическую сферу, однако в плане культуры влияние имперской администрации было минимальным⁵.

Автор неоднократно и зачастую справедливо подвергает критике действия колониальных чиновников. Но можно ли говорить в целом о «некомпетентности [колониальных] властей в центре и на местах» (с. 106)? Тогда встает закономерный вопрос: как такая власть продержалась более полувека? Только на подавлении свободы и насилии? Как сочетается утверждение Ш.Б. Мухамедова о «непознании туземного населения» колониальными властями Туркестанского края (с. 112) с множеством этнографических очерков, травелогов, фотоальбомов, авторами которых были чиновники имперской администрации и путешественники?

Во второй главе автор изучает практики административного регулирования

земле- и водопользования. Совершенно верно отмечается, что российская власть в Туркестане желала регламентировать передачу земли и имущества в вакуф*. К сожалению, автор не исследует вопрос, *почему* колониальные власти заинтересовались вакуфами. Потому ли, что вакуф служил легальным способом ухода от уплаты налогов в казну? Или вакуф был прикрытием противников модернизации землепользования в регионе? Связано ли массовое открытие вакуфов с боязнью со стороны мусульман переселения на плодородные земли русских крестьян? Являлся ли вакуф тактикой сопротивления усиливавшемуся влиянию социально-политических и экономических институтов Российской империи? Вопросы эти, на наш взгляд, важны, поскольку по всей книге рефреном проходит противостояние/дихотомия христианского государства, вобравшего в себя часть *дар аль-ислам*, с его подданными.

Заслуживает интереса предпринятый в книге сравнительный анализ административного управления в Алжире и Туркестане. Во-первых, в Северную Африку были направлены люди, напрямую связанные с Туркестаном, во-вторых, Россия и Франция использовали метод прямого управления аннексированными территориями. Была, однако, и существенная разница. В отличие от Франции, поощрявшей переселение французов в колонии, Российская империя не способствовала миграции русских крестьян в Туркестанский край (крестьяне переселялись добровольно и хаотично)⁶ и не поддерживала миссионерства среди коренного (мусульманского) населения⁷.

К третьей главе, посвященной Туркестанскому восстанию 1916 года, можно отнести известные слова Михаила Покровского: «История – это опрокинутая в прошлое политика». В 2016 году, в столетнюю годовщину восстания, было проведено множество конференций с участием российского и среднеазиатского научного сообщества⁸. И, как оказалось, до сих пор интерпретации восстания крайне политизированы, как будто оно произошло не столетие назад, а вчера. Обсуждение этого, безусловно, трагического как для европейцев, так и для мусульман Туркестана события требует отхода от прежних идеологических клише и применения современных подходов, лежащих в плоскости культурной антропологии; например, теории культурных поворотов⁹.

Вообще, хотя автор делает оговорку, что по историографии российской колонизации Туркестана готовится отдельная работа (с. 10), остается сожалеть, что в данной книге мировая историография колониализма в целом, и колониального Туркестана – в частности, никак не затронута¹⁰. Например, красной нитью в монографии «Россия и Средняя Азия: страницы истории, личности, мнения» проходит мысль об ориенталистском отношении имперских чиновников к «туземцам», однако отсылка к классической работе на эту тему – «Ориентализм» Эдварда Саида – в книге нет¹¹.

В «Заключении» автор формулирует задачи для дальнейшего развития изучения истории Туркестана в составе Российской империи: подготовка фундаментального издания по истории Узбекистана, прежде всего – колониального периода,

* «Вакуфные земли – это земли, жертвуемые частными лицами и правительством на различные богоугодные учреждения» (с. 44).

публикация архивных материалов и т.д. (с. 361). Можно добавить к этому перевод на узбекский и русский язык книг европейских и американских ученых (а в случае узбекского языка – и российских), а также возможность более свободного доступа для иностранных исследователей в архивы Узбекистана и других среднеазиатских государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Абдурасулов У, Сартори П.* Неопределенность как политика: Размышляя о природе Российского протектората в Средней Азии // *Ab Imperio*. 2016. № 3. С. 118–164; *Почекаев Р.Ю.* Политико-правовые реалии Бухары в период установления российского протектората // *Восточный архив*. 2017. № 1 (35). С. 21–30; *Он же.* Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 72–96.

² См., например: *Киреев Н.Г.* История Турции. XX век. – М.: ИВ РАН, 2007; *Гудвин Дж.* Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов / Пер. с англ. М. Шарова. – М.: Азбука-Аттикус, 2013. С. 370–393.

³ См.: *Васильев А.Д.* «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). – М.: ИВ РАН, 2014. С. 295; *Круз Р.* За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии / Пер. с англ. Р. Ибатуллина. – М.: Новое литературное обозрение, 2020.

⁴ См., например: *Васильев Д.В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. – М.: Политическая энциклопедия, 2018; *Бобровников В.О.* Имперская интеграция или колониальная сегрегация в управлении восточными инородцами? (Военно-народное управление на Кавказе и в Туркестане в 1860-х – 1917 гг.) / Центральная Евразия. Территория межкультурных коммуникаций: коллективная монография / Отв. ред. и сост. А.К. Аликберов. – М.: ИВ РАН, 2020. С. 110–141.

⁵ См.: *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 343.

⁶ *Глуценко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. – М.: Центрполиграф, 2010. С. 352, 356–357, 361.

⁷ С христианизацией туркестанских мусульман были проблемы, которые озвучил Н.П. Остроумов на Всероссийском съезде миссионеров в Казани в 1910 году; см.: *Джераси Р.* Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / Пер. с англ. В. Гончарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 371.

⁸ Например, см.: *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении. Туркестан в преддверии драмы. – М.: Научно-политическая книга, 2016; *Восстание 1916 года в Туркестане: Сб. документов и материалов / Сост., предисл. и вступ. ст. Т.В. Котюковой.* – М.: Фонд Марджани, 2016; *Туркестанское восстание 1916 г. Факты и интерпретации: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 23–26 мая 2016 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров.* – М.: ИРИ РАН, 2016.

⁹ См.: *Брахман-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017.

¹⁰ Кстати, аналогичные замечания об игнорировании (вероятно, сознательном) зарубежной историографии по данному вопросу высказывали ранее Орэль Бейлинсон и Себастьян Римстад в рецензиях на работы Ш.Б. Мухамедова, опубликованных в журнале «Ab imperio» (См.: *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 586–589; 2018. № 1. С. 351–356).

¹¹ Дискурс Э. Саида созвучен идеям Ш.Б. Мухамедова о колониальных механизмах контроля. См.: *Саид Э.В.* Ориентализм: западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Русский Мир, 2016.

Юрий ФЛЫГИН

Тема российско-среднеазиатских, российско-узбекских отношений, роли и места России в Средней Азии в имперский период неизменно находится в центре внимания современных узбекских исследователей. И столь же неизменен интерес к публикациям на эту тему.

В прошлом году список этих публикаций пополнился монографией известного ташкентского историка Шухрата Мухамедова «Россия и Средняя Азия: страницы

истории, личности, мнения». Особую актуальность работе придает предпринятая в ней попытка осветить ряд проблем, которые, как указано в аннотации, дают возможность найти ответ на современные и перспективные взаимоотношения стран Среднеазиатского региона с Российской Федерацией.

Монография содержит новый материал: прежде всего не публиковавшиеся раньше дневниковые записи, служебные записки, мемуарные произведения, газетные памфлеты. Среди их авторов – Н.П. Остроумов, А.М. Бонч-Богдановский, Г.П. Федоров, В.Ф. Духовская и другие. Хотя не обнаруживается достаточной связи прилагаемых источников с авторским текстом монографии, саму публикацию этих материалов можно только приветствовать. Это, действительно, дает возможность читателю «услышать голоса современников происходящих событий» (с. 2).

Тем не менее, хотелось бы обратить внимание и на некоторые недостаточно проработанные места в этом, в целом, незаурядном исследовании.

Например, приведя оценку К.К. Паленом в его отчете 1910 года о деятельности туркестанских администраторов: «Три личности из числа покорителей Туркестана оставили след в деле его устройства: генералы Колпаковский, Кауфман и Куропаткин», – автор называет это утверждение Палена спорным: «Колпаковский генерал-губернатором Туркестана фактически не был. Куропаткин был генерал-губернатором всего лишь в течение одного года» (с. 95, сноска 184). Однако генерал-губернатором Куропаткин был только спустя несколько лет *после* написания Паленом своего отчета. А Колпаковский был, и не один раз, исполняющим должность генерал-губернатора.

Но дело даже не в этом. Пален и не говорил о генерал-губернаторстве, – он говорит о личностях, сделавших много для благоустройства Туркестанского края или его отдельных частей. И действительно, если Кауфмана современники называли «устроителем Туркестанского края», то подобный эпитет прилагался и к имени Колпаковского, которого называли «устроителем Семиреченской области». Столь же положительно оценивались и заслуги Куропаткина, когда он был начальником Закаспийской области.

Далее, в книге говорится, что Николай Остроумов «после 1921 года вновь преподавал в Ташкенте» (с. 9). Где и что мог преподавать 75-летний педагог, находившийся в опале у новой власти? Неточно названо и место смерти этого выдающегося исследователя Туркестана: Остроумов умер не в селе Луначарском, а в самом Ташкенте, на его восточной окраине, на так называемых «Никифоровых землях». Об этом, в частности, сообщает нам дочь Н.П. Остроумова в своих воспоминаниях¹.

Автор упоминает М. Ерофеева как «исполняющего должность генерал-губернатора от инфантерии». Генералы от инфантерии (генералы пехоты) в российской армии действительно были, а вот генерал-губернаторы от инфантерии – такого не было.

Не совсем точен автор порой и в изложении исторических документов. Так, излагая содержание Шаарского договора между Российской империей и Бухарским эмиратом (1873), Мухамедов утверждает, что «согласно договору, каждое утро кушбеги предписывалось получать у представителя [Политического агентства –

Ю.Ф.] необходимые указания, которые доносились до эмира» (с. 15). Однако в договоре на этот счет нет ничего подобного.

Или, например, согласно автору, статья 14 Договора гласит: «Правительство Бухары не имеет права принимать кого бы то ни было кроме как с согласия Российского правительства» (с. 15). А теперь посмотрим на «настоящую» статью 14 Договора: «Правительство бухарское ни в каком случае не принимает к себе разных выходцев из России, являющихся без дозвоительного на то вида от русской власти, к какой бы национальности они ни принадлежали. Если кто из преступников, русских подданных, будет скрываться от преследования закона в пределах бухарских, то таковой изловится бухарскими властями и доставится ближайшему русскому начальству»². Как говорится, почувствуйте разницу.

Договоры Российской империи с Бухарским эмиратом 1868 и 1873 годов, с Хивинским ханством 1873 года регламентировали, в частности, права российских купцов в названных странах. Мухамедов представляет права, полученные российскими купцами по упомянутым договорам, как нечто исключительное и крайне обременительное для среднеазиатских ханств. Русские купцы-де платили теперь «щадящую пошлину – 2,5% от стоимости товара». Но автор умалчивает, что в таких нормах ничего особого, щадящего нет и в помине – российские купцы были лишь освобождены наконец от дискриминации. Указанный размер пошлины в 2,5% платили в среднеазиатских государствах *все* купцы, кроме российских, с которых пошлина была гораздо выше. И это притом, что среднеазиатские купцы в России облагались минимальной пошлиной и могли свободно ездить по стране, чего были лишены российские купцы в Средней Азии.

Некоторая невнятность заметна и в отношении трактовки положения Бухарского эмирата и Хивинского ханства в статусе протекторатов Российской империи. На странице 34 автор пишет, что «царские власти в Петербурге, в том числе и военный министр, смотрели на Хивинское ханство как на *губернию Российской империи*, а на хана как на губернатора» (курсив наш – Ю.Ф.). Аналогичные оценки Мухамедова в отношении Бухарского эмирата я уже упоминал выше.

Но это входит в противоречие с утверждением самого же автора, что после установления российского протектората над Хивой жизнь «ханства продолжалась по своим внутренним законам» (с. 31) и что «руководство Российской империи... соблюдало дипломатический протокол и встречало послов Хивинского ханства и Бухарского эмирата в соответствии с этими международными требованиями» (с. 32). Все это вряд ли бы имело место, если бы Хива и Бухара воспринимались Петербургом как губернии.

Значительное место в монографии уделено антиправительственным выступлениям в Средней Азии в 1916 году. Но здесь, как и выше, заметна некоторая односторонность в оценках и недостаточная обоснованность.

«Туркестанская администрация, – пишет Ш. Мухамедов, – жестоко наказала киргиз за эти действия. Карательные отряды русской армии сжигали поселки киргиз и уничтожили большое количество “туземного населения”. Но об этом в российской исторической науке не принято говорить» (с. 61–62).

Почему же? В последние годы в Российской Федерации издано несколько круп-

ных трудов – сборников научных статей, архивных документов, посвященных этой теме³. В них отражены различные точки зрения, авторы представляют научное сообщество и Российской Федерации, и Средней Азии и Казахстана. В этих трудах делается попытка рассмотреть проблему антиправительственного движения 1916 года насколько возможно объективно.

А вот в книге Мухамедова этой объективности зачастую не хватает. Отмечая жестокость колониальной администрации в подавлении восстания, автор ни единым словом не обмолвился о тех зверствах – убийствах, изнасилованиях, грабежах, поджогах, которые были совершены восставшими по отношению к женщинам, старикам, детям европейского населения, оставшегося беззащитным, поскольку большинство мужчин-европейцев было призвано на фронты Первой мировой войны⁴.

Стоит также учесть, что, среди прочих факторов, недовольство местного населения было вызвано действиями низовой «туземной» администрации – аксакалов, волостных старшин. Они, злоупотребляя своими полномочиями и преследуя зачастую собственные корыстные интересы, извращали положения царского указа о привлечении туркестанцев к работе в тылу. В частности, это выражалось в игнорировании уважительных причин непризыва отдельных категорий населения, если это касалось бедноты, и освобождении состоятельных, подлежащих призыву. Однако тут вина колониальной власти была не столь уж великой; ей приходилось работать с той низовой администрацией, которую выбрало само местное население. Красноречиво говорят о продажности низовой «туземной» администрации приводимые Мухамедовым свидетельства А.Н. Куропаткина и А.Ф. Керенского (с. 70, 99). К сожалению, автор оставил их без анализа, который здесь как раз был бы необходим.

Однако, несмотря на отмеченные недостатки, труд Шухрата Мухамедова, безусловно, заслуживает внимания. Да и вряд ли возможно сегодня написать абсолютно безупречную работу по столь сложной, многогранной и довольно болезненной теме, которую попытался осветить автор. Старые советские подходы, интерпретации в освещении колониального периода истории Средней Азии справедливо отринуты. В научный оборот вовлекается огромный корпус новых источников, ранее неизвестных, а чаще просто игнорированных. Можно утверждать, что в основном преодолена наиболее болезненная стадия первых двух десятилетий развития исторической науки в Узбекистане, когда зачастую в тех или иных исторических оценках на первый план выходили эмоции, не имеющие никакого отношения к объективному анализу.

Труд Мухамедова дает повод для научной полемики, и это хорошо, ибо помогает исследователям продвигаться в дальнейшем осмыслении колониального периода истории Средней Азии. Путь сей не лёгок, поскольку, как справедливо замечает автор монографии, «прошлое трактуется историками различных стран, исходя из национального менталитета и, в немалой степени, политических факторов, сложившихся в этих странах» (с. 10). Однако будем помнить, что объективность не должна зависеть от национального менталитета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Национальный архив Узбекистана. Ф. Р-2231. Оп. 1. Д. 266.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. С. 138.

³ См. в частности: Восстание 1916 года...; Туркестанское восстание 1916 г. ...; Восстания 1916 г. в Азиат-

ской России: неизвестное об известном. (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.) / [Ред.-сост. Т.В. Котюкова]. – М.: Русский импульс, 2017.

⁴ См.: *Флыгин Ю.С.* Семиреченские события 1916 г.: ради достижения правды надо видеть проблему со всех сторон // Восстания 1916 г. в Азиатской России... С. 513–523.

Александр ДЖУМАЕВ

Новая книга Шухрата Мухамедова делится на две почти равные части: авторское исследование и приложение с документальными материалами. Последнее особенно ценно: в оборот вводятся неизданные, неизвестные и малоизвестные архивные источники, а также опубликованные, но забытые и затерянные воспоминания современников и публикации в периодической печати. Автору удалось представить новые и «хорошо забытые старые» материалы и источники как самоценные для науки документальные свидетельства той бурной эпохи, соединить в одной книге собственный исследовательский взгляд и корпус сопутствующих документальных материалов.

Такая структура не нова и достаточно хорошо апробирована. Но она вызывает естественный вопрос: а как соотносятся эти документы с исследовательскими статьями-разделами? Образуют ли они вместе единое проблемно-тематическое целое? Или каждая часть выстроена сама по себе, и здесь (во второй части) представлен случайный подбор источников, иллюстрирующих ситуацию как бы в целом?

Возникают и другие вопросы: почему именно эти материалы (воспоминания, публикации) отобраны для книги? Ведь общеизвестно, – и это признает сам автор (с. 361), – что подобных, до сих пор не исследованных источников, в различных архивах и, в первую очередь, в Национальном архиве Республики Узбекистан хранится огромное количество. Каковы были критерии отбора?

Источники, опубликованные во второй части книги, сами по себе чрезвычайно интересны. С неослабевающим вниманием читаются воспоминания выдающегося деятеля царской администрации в Туркестане Н.П. Остроумова, человека разностороннего и яркого, проявившего свой талант и на ниве просвещения, и в культуре, и в науке. Или воспоминания Г.П. Федорова о его службе в Туркестанском крае, богатые оригинальными мыслями и тонкими наблюдениями, выразительно нарисованными портретами современников – крупных государственных деятелей империи. Вновь и вновь поражаешься острым и нелюбезным публикациям в прессе той эпохи о «деяниях» властей предрежающих, невежестве и самодурстве некоторых из них, по стечению обстоятельств заправлявших судьбами целого региона, – и благородстве, деятельной энергии и порядочности других.

Менее интересной и, в известной мере, вторичной воспринимается «Записка

военного инженера полковника А.М. Бонч-Богдановского. Мысли и впечатления о Бухарском ханстве и Туркестане, после девятилетнего пребывания в крае (1898–1904 и 1906–1909 годов)» (с. 227–253). Но так как она публикуется впервые, то остановимся на ней несколько подробнее. Ценность ее заключается в наличии колоритных деталей и наблюдений над типами местных народов («типичными бухарцами», таджиками, узбеками, туркменами и др.), мусульманскими чиновниками; нравами, обычаями, социальными отношениями и другими «элементами» жизнедеятельности административной системы эмирата и повседневной жизни мусульман той эпохи. Но есть и другое: «Записка» дает срез типичного обывательского сознания крупного российского специалиста-чиновника, позволяющего себе «поразмышлять» о проблемах колониальной политики Российской империи в Туркестане.

Немалая часть «Записки» Бонч-Богдановского тематически связана с обстоятельной работой выдающегося военного востоковеда, этнографа, публициста, генерал-майора Дмитрия Николаевича Логофета «Страна бесправия»¹, что отмечает и Ш. Мухамедов². Бонч-Богдановский следует за отдельными главами труда Логофета, дает к нему прямые отсылки. Книга Логофета, очевидно, вышла в преддверии написания Бонч-Богдановским его «Записки». Она произвела сильное впечатление на просвещенное общество Российской империи, что, собственно, и подтверждает факт обращения к ней Бонч-Богдановского. Логофет задал, или точнее – усилил некий вектор отношения к Бухарскому эмирату как к «стране бесправия». После выхода его книги и других публикаций из этой «серии» стало чуть ли не модным беспощадно критиковать ситуацию в эмирате. Возможно, что критика находилась в контексте политического противоборства в российской правящей элите того времени по вопросу о будущем Бухары – сохранения ее под протекторатом или включения в состав империи на общих основаниях. Неслучайно книга Логофета содержит красноречивое посвящение: «Посвящается Высокому Вниманию Государственной Думы».

Интересно, что книга Д.Н. Логофета оказала влияние и на правящую элиту Бухарского ханства. Она была переведена на персидский язык, по-видимому, специально для эмира Сайида Абд ал-Ахад-хана и его сына Алим-хана (рукопись перевода имеется в собрании Института востоковедения АН Республики Узбекистан). И что примечательно, в этом же (1909) году Бухарский эмират подвергает сокрушительной критике уже и непосредственно бухарский писатель и революционер Абдурауф Фитрат в своей книге «Муназара», опубликованной на персидском языке в Стамбуле. В то же время известны и положительные оценки состояния отдельных общественных институтов Бухары, исходившие, в частности, от некоторых просвещенных татарских деятелей. Как видим, спектр мнений о Бухаре весьма широк.

Итак, публикуемые Ш. Мухамедовым во второй части книги источники безусловно интересны, – и тем более странно, что они почти никак не связаны с теми вопросами, которым посвящена первая часть монографии (дипломатические отношения Бухарского эмирата и Хивинского ханства с Российской империей;

особенности землевладения и водопользования в Средней Азии и Алжире в XIX веке; восстание «туземного населения» 1916 года). В них, в лучшем случае, можно найти отдельные «иллюстрации» к рассмотренным в первой части темам, но не более того.

Не совсем понятно, по каким принципам осуществлено издание и переиздание документальных источников? По принципам строгой академической публикации или же, скажем так, «популярной», рассчитанной на массового читателя? Судя по всему, по вторым, поскольку автор не следует в этом вопросе строгим академическим правилам издания документов. Удивляет и огорчает большое количество допущенных опечаток, неправильно прочитанных и искаженных слов, пропусков и нарушений пунктуации, отсутствие в отдельных фрагментах внутренней логики изложения, некоторая неряшливость в подаче источников и исходных данных о них, манера их комментирования – непоследовательная, крайне скудная, неполная, и т.п.³ В книге отсутствуют необходимые для подобного рода публикаций указатели. Такие оплошности, которые можно было бы понять при издании обычной книги, вряд ли допустимы при обращении с архивными материалами. Примеров достаточно много, и потому нет смысла их перечислять. Не придется ли исследователям перепроверять эти документальные тексты по архивам и первоначальным изданиям?

Что касается авторской позиции в отношении столь непростой и для многих болезненной темы, как колонизация Российской империей Средней Азии, то автор, в целом, стремится быть объективным. Лишь в отдельных случаях его неожиданно жесткие и односторонние выводы «повисают в воздухе» (например, о событиях 1916 года, – см. с. 61–62).

В целом, вопрос об отражении в современных публикациях по Средней Азии разных точек зрения с обеих сторон – и со стороны Российской империи, и изнутри – со стороны местных просвещенных интеллектуальных и правящих элит, – остается открытым.

Ш. Мухамедов в начале книги (с. 10) сообщает, что «представленный материал дает нам возможность составить просопографию, или коллективный портрет эпохи». В «Заключении» он возвращается к этому вопросу (с. 362), но уже как к задаче на перспективу («Необходимо создать коллективный портрет эпохи (просопография)»). Для создания такого портрета он считает необходимым дальнейшее изучение биографий видных людей того периода, туркестанских генерал-губернаторов и их окружения. Признается и необходимость исследования большого пласта «источников и исторической литературы на национальных языках авторов по исследуемому нами периоду» (с. 362).

Однако совершенно очевидно, что создать полноценный коллективный портрет эпохи невозможно без учета всего спектра мнений, оценок и суждений, исходящих из самых разных источников и от разных заинтересованных и задействованных в историческом процессе «сторон». Мы лишь на пути к этому. И книга Ш. Мухамедова подтверждает эту очевидную истину, впрочем, хорошо осознаваемую и самим автором.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Логофет Д.И. Страна безправия. Бухарское ханство и его современное состояние. Издал В. Березовский, комиссионер военно-учебных заведений. – С.-Пб.: [Рус. скоропечатня], 1909.

² В публикации фамилия автора книги дается без инициалов и в искаженном написании – «Лагофет»,

а название – в неполном виде (с. 231, 237 и далее).

³ Кроме отмеченного выше (примечание 15) примера с Д.Н. Логофетом и его книгой, см., в частности, на страницах: 144, 149, 157, 159, 160, 162, 164, 168, 186, 188, 237, 238, 241, 244, 346, 348, 349, 355, 356 и др.

О священстве. Об иконах

О священстве

Кто желает настоятельствовать, тот прежде пусть учится этому на себе самом, ибо кто умеет управлять собою, тот способен править и другими.

Прп. Ефрем Сирин (ок. 306–373)

<Иерей,> наставляй глупых, принимая во внимание их способности; тогда, может быть, сверх чаяния, сделаешь их благоразумными.

Свт. Григорий Богослов (ок. 325–389)

Священство настолько выше всякой мирской власти, насколько дух превосходит плоти.

Не думаю, чтобы в среде священников было много спасающихся; напротив – гораздо больше погибающих, и именно потому, что это дело требует великой души.

Получил ли ты дар слова? Не гордись и не надмевайся – это не твой дар; не будь непризнателен за дары Господни, но разделяй их с подобными тебе рабами, не превозносись ими как своими и не жалея разделять их с другими.

Хотя бы священник был нечестив, но Бог, видя, что ты из благоговения к Нему считаешь даже недостойного чести, Сам воздаст тебе награду.

Свт. Иоанн Златоуст (347–407)

Страшно, крайне страшно вступать ныне в священство. Одно из двух приключится с вступающим: или, живя по древним и апостольским правилам, будет ненавидим и злокозненно преследуем <...>; или сам <...> соблазнит других многих, за которых понесет жестокие наказания.

Прп. Исидор Пелусиот (ум. ок. 449 г.)

Ночью демоны сами домогаются смущать духовного учителя, а днем через людей окружают его бедами, клеветами и опасностями.

Прп. Нил Синайский (ум. в 450 г.)

Когда овцы пасутся, пастырь да не перестает употреблять свирель слова, и особенно когда они преклоняются ко сну; ибо волк ничего так не боится, как гласа пастырской свирели.

Прп. Иоанн Лествичник (VI-VII вв.)

<Иерей,> не будь ни слишком добр, ни через меру строг, но того и другого при-
мешивая во всем, тем и другим действуй во благо; болящим соболезнай, скорбя-
щим соскорби, трудящимся помогай.

Прп. Феодор Студит (759-826)

...Как если кто возжжет от одного светильника другой, а от другого еще третий и, передачей от одного к другому сохраняя, имеет всегда постоянный свет, так и через рукоположение апостолов на их преемников, и от них, в свою очередь, на иных и затем последующих, переданная благодать Божественного Духа протекает через все поколения и просвещает всех вверяющих себя духовным пастырям и учителям.

Прп. Григорий Палама (1296-1359)

О. А. доброго дела желает – священства. Но никто не приемлет эту честь, только званый. Пусть подождет звания. Когда оно будет, хорошо, а если не будет, тем лучше. Смирение прибыльнее. Пусть держится мирного правила святого Дорофея: «Хочу, как будет».

Прп. Моисей Оптинский (Путилов, 1782-1862)

Что это за высокое лицо – священник? Постоянно у него речь с Господом и постоянно отвечает на его речь Господь; что ни треба, что ни молитва – то речь с Господом; что ни треба, что ни молитва – то ответ на нее Господа... *Священник – ангел, не человек.*

...Богатые священники, получающие щедрое вознаграждение за свои труды молитвенные, также должны подавать богатую милостыню, да не осуждены будут с Иудею предателем, продавшим за сребреники Господа славы.

Блг. Иоанн Кронштадтский (1829-1909)

Господь Иисус Христос, молящийся в саду Гефсиманском, есть до некоторой степени образ всякому духовнику в отношении духовных чад его, ибо и он берет на себя грехи их. Какое это великое дело и что только ему приходится переживать!

Как человек я – ничто, но как иерей – имею на себе благодать священства и действую так, как дает мне это благодать эта.

Прп. Никон Оптинский (Беляев, 1888-1931)

Священник окружен тайнами. Как осторожно надо ступать священнику. Тайна рождения, брака, посвящения себя Богу, тайна восстания, прощения, Богоприобщения, Богоблагодарения... Как чутко надо священнику жить...

Свт. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской, 1902-1989)

Никого не могут принудить ни к священству, ни к великой схиме. Однако если человек от послушания и со смирением примет то, что ему предлагают, если он приложит к этому чуточку любочестия и чуточку любви, то Бог восполнит все... Надо, чтобы тебя принуждали к священству, надо, чтобы этого хотели другие, чтобы этого хотела Церковь. Тогда тебя будет покрывать Христос, и если ты окажешься в нелегком положении, на твою защиту встанут другие.

...Священник, даже не находясь в духовно высоком состоянии, все равно помогает людям той властью священства, которая ему дана. Он помогает им, совершая Таинства, служа молебны, требы, исполняя другие священнические обязанности. Даже если священник убьет человека, Таинства, совершаемые им, все равно будут действительными, до тех пор, пока его не запретят в священнослужении. Однако если священник находится в высоком духовном состоянии, то он настоящий священник и помогает другим больше.

Прп. Паусий Святогорец (Эзнепидис, 1924–1994)

Об иконах

Кто не исповедует, что Господа нашего Иисуса Христа можно изображать живописью, тот не исповедует, что Он был видим во плоти...

Прп. Феодор Студит

<Некоторые иконы бывают чудотворными>, потому что Богу так угодно... Сила тут не в иконах, и не в людях, прибегающих <к ним>, а в Божией милости.

Свт. Феофан Затворник (1815–1894)

Иконы требуются нашею природою... Может ли природа наша обойтись без образа? Можно ли вспомнить об отсутствующем, не вообразив его? Не Сам ли Бог дал нам способность воображения? Иконы – ответ Церкви на вопиющую потребность нашей природы.

Блг. Иоанн Кронштадтский

Какую же цель ставит себе фотограф, художник и иконописец, и есть ли эта цель одна и та же у всех троих?

Если мы хотим изобразить человека в том состоянии, в каком он находится в данный момент, то можем сделать это через фотографию. ...Фотография очень точно схватывает внешность человека, но часто бывает непохожа на него, так что мы еле узнаем, чье это изображение. Фотография дает нам «личину» человека, а личина меняется в зависимости от настроения, состояния здоровья и т.д. <...>

Художник старается передать в портрете и вашу душу... Если фотография давала нам личину, то портрет дает большее – он показывает *лицо* человека, но не всегда способен отразить человека внутреннего.

Когда же вы стоите в церкви и видите, как священник кадит сначала иконам, а потом вам, то должны знать, что он кадит не *личине* и не *лицу*, но *лику*, образу Божию в вас, который, хотя и покрыт язвами прегрешений, заключает в себе всю нашу духовность, всю нашу духовную сущность. Иконописец изображает не личину, не лицо, а именно лик того, кого он пишет.

Сщмч. Сергей Мечёв (1892–1942)

Икона является святым завершением неокончательно поврежденных человеческих усилий создать образ-изображение. Икона стремится возглавить всякое чистое усилие, выраженное в искусстве. Усилие запечатлеть, сохранить для жизни все, что дорого, и, думается, – в первую очередь черты человеческого лица, человеческого облика. Потому что святая икона, положенная в основу всех изображений, – это икона вочеловечения Божия, Нерукотворный Лик Христа.

Инок Григорий (Круг, 1906/1907–1969)

Каждый человек – это <потемневшая> икона, которую нужно отреставрировать, чтобы увидеть Лик Божий.

Митр. Антоний Сурожский (Блум, 1914–2003)

...Если благодатью Св. Духа сам мир и его материя могут быть освящены и, питая наше тело, питать наш дух, или, вернее, «всего» человека, в целостном замысле Бога о нем, как о воплощенном духе; если вода крещения дарует нам прощение грехов, если хлеб и вино Евхаристии причащают нас Телу и Крови Христа, то и изображение Христа – плод человеческого искусства – может быть наполнено благодатью Его присутствия и Его силы, может стать не только «образом», но и духовной реальностью.

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

Таинства Церкви: Покаяние

Кто кем побежден, тот тому и раб (2 Пет. 2, 19).

Как хочется иногда начать свою жизнь сначала, с чистого листа. Использовать богатство житейского и духовного опыта и не наступать на те же грабли...

Невозможно? Да. Но лишь наполовину. Потому что существует возможность освободить человека от гнета совершенных им грехов.

Но почему же тогда только «наполовину»?

Перемена ума

Начнем с самого начала. Мы зародились в материнской утробе. Мамин организм щедро делится с нами всем, что потребляет сам. Мама курит и выпивает? Вот мы и познали на практике, что «вино веселит сердце человека» (Пс. 103, 15). В 18-20 недель пребывания и формирования в утробе мы начинаем слышать звуки. Дома постоянно кричат и скандалят? Еще одна черта характера сформирована.

Появившись на свет, мы начинаем, как губка, впитывать в себя всю информацию, которой окружены. День за днем границы нашей вселенной расширяются. Родители – наши проводники в этом бескрайнем мире; мы полностью им доверяем. Все, что они дают нам, становится образцом наших собственных действий. Родители гуляют с нами в парке, рассказывают о травинках и цветочках? Вырастем – будем делать так же. Папа «живет» в компьютере, мама, не отрываясь, смотрит ток-шоу? Вырастем – будем делать так же.

Детский сад, где мы узнаем, чем отличаются мальчики от девочек... Школа, где все усваивается впервые... Институт – глоток свободы после домашнего «инкубатора»... Друзья, интересы...

Человек с самого первого дня своей жизни не живет в стерильной среде. Мы находимся в постоянном контакте с окружающим миром, и этот контакт формирует наше мировоззрение. Под влиянием сменяющихся друг друга авторитетов, идеалов и кумиров складывается наша собственная модель поведения, отношение к обществу, политической ситуации. И нет никакой гарантии, что мы не заразимся злом. *Мир лежит во зле* (1 Ин. 5, 19), и зло является результатом свободного выбо-

ра разумных существ. Выбора между исполнением дел, угодных Богу, и дел, имеющих противоположные цели.

Каждая прочитанная нами книга, просмотренный фильм или ролик, каждая встреча с людьми вносят коррективы в мировоззрение. Наша система ценностей – «что такое хорошо и что такое плохо» – непрерывно дополняется все новой информацией. Когда в жизнь человека приходит Бог, а сознания касается Евангелие, происходит радикальная переоценка жизненных ценностей. Многие вещи, изначально воспринимаемые как само собой разумеющиеся, оказываются *вне* евангельского закона жизни. Многие явления, воспеваемые массовой культурой, оказываются, на поверку, отнюдь не имеющими отношения к культуре. Так, перебить всех обидевших меня или мою семью врагов, как это нередко бывает в боевиках, – вовсе не выход из ситуации, ведь убийство человека никогда не приносит облегчения. Свободное сожительство не позволяет «узнать друг друга», а приводит лишь к растрате любви, внебрачной беременности и т.д. (конечно, кто-то бросится мне возражать, но подождите, до Таинства Брака мы еще дойдем).

Совесть – «она моя»

Если спросить у верующих, что такое совесть, то в большинстве случаев они скажут, что это голос Божий в человеке. И будут правы – но, опять же, лишь наполовину. Совесть присутствует в человеке, поскольку он сотворен *по образу и подобию Божию* (Быт. 1, 27). Но критерии, которые будут определять праведность или греховность того или иного действия, не «установлены по умолчанию». Эти критерии формируются под влиянием общества и постоянно корректируются. Все, что является авторитетом для нас, вносит поправки в закон нашей совести. И для того, чтобы она стала голосом Божиим, нужно обновить ее Евангелием.

Но как быть, если и стар, и млад грешат каждый день и жить праведно очень сложно? И рано или поздно наступает кризисный момент, когда человек вынужден решать: идти дальше по жизни с Христом – или оставить это на потом и, как пел Галич, «еще чуток погрешить». И если выбор сделан в пользу греха, то возникает вопрос, что делать с совестью? Ее же теперь не переделаешь, хоть все статьи про пьяных попов на «мерседесах» прочитай в интернете! Выход – заглушить голос совести в себе. Развлечениями, работой, активным общением – всем, что исключает возможность остаться один на один с самим собой. Совести просто некогда будет «прорваться в эфир», ее голос становится все тише. Человек слышит ее все реже, в основном после совершения совсем уж неприглядных поступков. Поэтому встречаются и бессовестные христиане – те, кто усыпил свою совесть, чтобы она не мешала спокойно грешить.

Но рано или поздно наступает время, когда и работа, и развлечения, и активное общение исчезают из нашей жизни. И тогда притихшая было совесть выступает на первый план, выполняя возложенную на нее Богом роль. Хорошо, если человек послушается ее голоса и очистит свою душу от накопленного зла. Беда, если смерть не предварена покаянием. В этом случае обличения совести становятся бесконечными.

Черти со сковородками

Ад. Место, в которое ни один здравомыслящий человек не стремится попасть. Мучение душ грешников в «геенне огненной», в «огненном озере», на сковородках или, наоборот, в месте лютого холода сопряжено в нашем сознании с тем, что все это бесы будут проделывать с несчастными грешниками.

Но в Евангелии не говорится о том, что темные духи будут мучить людей. Ад не предназначен для человека, он уготован «диаволу и ангелам его» (Мф. 25, 41). Бесы, добровольно выбравшие путь противления Богу, знают, что после Второго пришествия Иисуса Христа они будут помещены в ад. Но до Второго пришествия остается какое-то количество времени, в течение которого можно успеть еще как-то досадить Богу. Человек создан по образу и подобию Божию, обладает даром творчества, способен преображать материальный мир, и Сын Божий ради его спасения воплотился, победил смерть и дал возможность войти в Небесное Царство. А потому именно человек является тем субъектом, воздействием на который можно в наибольшей мере досадить его Творцу.

Отсюда – столь пристальное внимание падших духов к людям. Старательно обучая их совершению дел, идущих вразрез с волей Бога, делая грех привычкой и повседневной потребностью, бесы приводят человека либо к невозможности отказать от греха, либо к сознательному противлению своему Создателю. В итоге «подопечный» злых духов оказывается отдалён от Бога, часто даже не сознавая, какую игру с ним вели.

Эта изоляция от Божественной любви Творца к Своему творению и есть адские муки. Став рабом греха, человек оказывается один. Почти один. Наедине с незримым обличителем, коим становится совесть. И с невозможностью что-либо исправить. Эти бесконечные обличения совести, осознание того, что виновником своих бед являешься ты сам, сделавший сознательный выбор, и оказываются адскими мучениями.

Лекарство от ада

Этим лекарством является Таинство Покаяния. Оно состоит из нескольких частей: осознания своей греховности, исповеди, обещания добродетельной жизни и «работы над ошибками». Каждый этап важен и необходим. Мы грешим зачастую добровольно и осознанно, потому и излечение от греха возможно только добровольно и осознанно. Отсюда невозможно покаяние «один на один с Богом», потому что нередко человек не видит ситуацию со стороны, в свете Евангелия. Нужен врач, духовный врач, способный назначить лечение. Нас учат, лечат, воспитывают люди. А значит, до тех пор, пока мы находимся на этой земле, духовно-телесные болезни, вызванные грехом, должен лечить священник – человек, имеющий знания и дар священства для исцеления от этих недугов.

Грех является действием, имеющим негативный характер. И просто огласить список совершённых злых дел – еще не значит избавиться от вероятности повторных злодеяний. Предстоит борьба с остающейся после исповеди тягой ко греху,

зависимостью от него. Нередко одна зависимость человека при борьбе с ней перетекает в другую зависимость, а потому для христианина мудрым решением будет перенести зависимость от греха в зависимость от Иисуса Христа.

Это решение приведет в действие следующую цепь событий: грешник осознает свою беспомощность в борьбе с грехом без посторонней помощи, – следует возникновение зависимости от Христа, Спасителя и Бога, без Которого человек сам не может бороться со своими духовными недугами, – возникает *синергия*, содействие Бога и человека в деле спасения человеческой души, – совершаются добродетели, дела, противоположные злым поступкам, – человек исцеляется от тяги ко греху.

Поход к врачу всегда неприятен. Обстановка больницы, ожидание диагноза и лечебных процедур делают это учреждение малоприятным. Пока у нас ничего не болит, мы игнорируем врача, хотя и знаем о необходимости профилактики, и обращаемся за медицинской помощью лишь тогда, когда это становится неизбежно. К сожалению, таково же наше отношение к духовной жизни. Несмотря на все призывы Церкви к своевременной профилактике греха, чаще всего приходят сюда люди с серьезными, трудноизлечимыми духовными недугами. А ведь легче чистить зубы, чем их удалять; легче залечить рану, чем ампутировать руку или ногу. И так же легче своевременно обнаружить в себе возникающую тягу ко греху или проявление злобы, чем потом долго и мучительно избавляться от греховной зависимости.

Лекарство от ада: есть ли рецепты?

Существует множество вопросов, связанных с Таинством Покаяния. Так же, как и прием лекарств, исповедь строго индивидуальна для каждого человека. Рассмотрим основные, чаще всего возникающие недоумения.

Как часто необходимо исповедоваться?

Для тех, кто решил бороться со своими страстями и немощами и вступил в эту борьбу, – по возможности, еженедельно. Ведь в таком случае нужна высокая степень контроля над своими мыслями, словами и поступками. Исповедь становится тем, чем она и должна быть, – анализом прожитого отрезка жизни. Если же мы еще не доросли до этого, то исповедоваться желательно не реже чем раз в три недели или раз в месяц. И совершенно недопустима практика, существовавшая в Синодальный период и в советское время: исповедь раз в год.

Почему когда только воцерковлялись, после исповеди как будто гора падала с плеч, а теперь вроде ничего подобного нет?

Яркость эмоций и ощущений на первых исповедях связана с несколькими факторами: неопитство (эйфория новоначального христианина); радость от того, что хватило решимости рассказать о тяжком грехе; освобождение ума от приносящих боль и беспокойство мыслей. Но проходит время... Мы привыкаем к постоянному ощущению близости Бога, оно становится как бы само собой разумеющимся, и реагируем мы теперь лишь на его отсутствие. Перестаем, как правило,

совершать тяжкие грехи, а обилие мелких, постоянно сопровождающих нас, становится «привычным». Где уж тут быть эйфории после исповеди? Нужно иметь в виду эти неизбежно происходящие с нами процессы и не искать, а тем более искусственно не создавать эмоции или «благодатные ощущения» («Минздрав предупреждает»: подобные эксперименты могут плохо закончиться). Исповедь очищает душу от греховной скверны, и изменения, происходящие с душой, не обязательно должны тут же отражаться на эмоциональном фоне. Не следует и унывать от невозможности побороть мелкие грехи. В данном случае борьба сначала идет с количеством, частотой совершаемых грехов, с последующим сведением их на нет. И, что самое главное, никогда нельзя считать, что, перестав совершать какой-то грех, мы теперь полностью свободны от него: рецидив возможен всегда!

Что делать, если во время исповеди мы забыли о каком-то грехе?

В Таинстве Покаяния важна работа над собой, а не доскональность в перечислении грехов. Нет смысла в стремлении назвать абсолютно всё, в чем согрешили. Это порождает грустное явление, когда в последний момент к священнику подбегает человек, горящий желанием доисповедоваться во вспомнившемся «злодеянии». Если после исповеди внезапно что-то вспомнилось, то, если это не какой-то особенно тяжкий грех, можно легко отложить исповедь в нем на следующий раз.

Можно ли записывать грехи на листочек? Нужно ли проговаривать записанные на листочек грехи или священник сам должен их читать?

Запись грехов на листочек полезна: она помогает не забыть все то, о чем болит душа. Сейчас существует практика использовать вместо листка записные книжки в планшетах. Но лучше этого не делать, так как всегда существует опасность «утечки информации».

Записанные на листочек грехи лучше проговаривать. Так вы избавите священника от необходимости разбирать почерк, расшифровывать сокращения, угадывать символы... Многие не пишут обозначение самого греха, стесняясь его и обозначая каким-нибудь другим, более безобидным понятием. Поэтому лучше проговаривать. Не спеша. Не пытайтесь тихо или невнятно произнести что-то уж совсем постыдное. В случае необходимости священник сам попросит уточнить или пояснить ситуацию.

Исповедоваться лучше у одного и того же или у разных священников?

Приступая к Таинству Покаяния, желательно поискать среди священнослужителей самого близкого по духу и затем уже исповедоваться у одного и того же. Да, он будет знать нас, что называется, «от А до Я». Да, порой перед ним будет жутко стыдно. Но именно хорошо зная нас, священник сможет более успешно помогать нам в борьбе с грехом.

Не всегда получается подробно поговорить со священником во время исповеди.

Действительно, нередко священник очень быстро исповедует людей, а в некоторых случаях и вообще сразу читает разрешительную молитву, сказав: «Просите прощения у Бога за все свои грехи». Причины тому могут быть самые разные: большое количество людей, плохое самочувствие, испорченное кем-то настроение, семейные или служебные проблемы, необходимость в скором времени выехать по неотложному делу... Человек, становясь священником, не перестает быть человеком. Поэтому, встретившись с подобной ситуацией, не спешите осуждать. И, если позволяют жизненные обстоятельства, исповедуйтесь и причащайтесь в будние, непраздничные дни. Благодать, снисходящая на молящихся в храме, одинакова и в праздник, и в будни. Зато в непраздничные дни меньше народа, меньше шума и суеты. Больше возможностей не спеша проанализировать период жизни, прошедший с момента последней исповеди...

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Освящение храма можно сравнить с Крещением

Слово на освящение храма св. Александра Невского на ташкентском Боткинском кладбище

Христос воскрес! Свершилось!

Этот возглас, конечно же, нужно отнести в первую очередь к величайшему событию в истории – Воскресению Христову. Действительно, свершилось величайшее дело спасения человека и человечества от греха, проклятия и смерти!

Но Воскресение Христово на всем протяжении нашей истории постоянно отражается в отдельных событиях, через которые мы, люди и Церковь, получаем силы к возрождению, восстанию из небытия силою Всевышнего Бога.

Вот и в жизни нашего храма произошло событие, которое своим прообразом в каком-то смысле имеет воскресение Спасителя.

4 мая 2021 года по новому стилю, во вторник Светлой Седмицы, правящим архиереем, Высокопреосвященнейшим Викентием, митрополитом Ташкентским и Узбекистанским, в сослужении духовенства Узбекистанской епархии, проведен чин Великого освящения храма святого Александра Невского.

Это первое в истории нашего храма освящение полным, архиерейским чином. До этого его престолы освящались так называемым предстательским чином, когда освящение производит не епископ, а священник, а епископ присылает антиминс для служения. Но в этом случае храм не обретает полноту святости. И только архиерейский чин позволяет освятить храм во всей возможной насыщенности благодати.

Можно лишь предполагать, почему престол не был освящен раньше. Возможно, владыки испытывали затруднения в связи с тем, что изначально в храме престол был мраморным. По этому поводу тоже есть отдельный чин освящения каменного престола. Но в этом случае предполагается, что он представляет собой монолит. У нас же престол при строительстве храма был сделан из пяти мраморных плит, собранных в куб, местным мастером из мусульман, по фамилии Азамов. Возможно, эта особенность не позволила ранее провести Великий чин освящения.

Столкнувшись с этой проблемой, мы решили использовать «стандартный» деревянный престол, который после освящения помещается под этот сборный мраморный куб. То есть мраморный престол должен был исполнить роль «рубашки», или внешнего облачения освященного престола. Эту мысль владыка Викентий одобрил.

Попытки провести освящение престола ранее наталкивались на технические проблемы. Это было связано и с ремонтом храма, и с моей занятостью, как настоятеля, и с материальными вопросами, и с человеческой немощью, и со многим другим. Но на совещании епархиальных отделов, которое было посвящено подготовке к отмечанию 150-летия со дня основания Туркестанской епархии, этот вопрос был уже поставлен ребром. К тому же 2021 год – еще и год 800-летия со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского. Так что затягивать с освящением не было смысла, да и совесть не позволила бы. Так была обозначена дата освящения, к которой мы и стали интенсивно готовиться.

Накануне вечером, 3 мая, было отслужено Всенощное бдение по чину обновления храма, в совмещении с пасхальными песнопениями. Особенность этой службы в том, что она проводится не в алтаре, а перед Царскими вратами. С утра отслужили водосвятный молебен, где заготавливалась святая вода для освящения. А после мы встречали владыку Викентия.

Чин освящения – довольно трудоемкий, для него мало одного или двух священников для сослужения архиерею. Мы обратились к духовенству епархии, чтобы они, по возможности, приехали и послужили, благо на следующий день было назначено соборное служение епархиального духовенства. И священники приехали – владыке Викентию сослужило шестнадцать священников и три диакона.

Во время освящения все присутствующие в алтаре почувствовали, что стало гораздо жарче. Это нельзя было назвать духотой – алтарь хорошо проветривался. При выходе на крестный ход ощущение жара так и не прошло, хотя на улице не было привычной ташкентской жары. Когда освящение закончилось и в алтарь на Литургию были приглашены священники, не задействованные в освящении, этот жар сошел, несмотря на тесноту из-за множества людей в сравнительно малом помещении. Будь это мое личное ощущение, его можно было бы списать на мою впечатлительность и волнение. Но все священники и иподиаконы, находившиеся в алтаре, отметили это. Я связываю это с присутствием Божией благодати, которая проявляется там, где освящается новая святыня.

Определенный отпечаток наложило и то, что освящение храма совершилось в пасхальные дни. Облачение престола при освящении по уставу должно быть белым. Но владыка Викентий благословил сделать его красным, поскольку мы празднуем Воскресение Христово.

И еще одна деталь. Уставом предусмотрен во время освящения крестный ход с мощами, которые затем размещаются в престоле и в антиминсе. По слову владыки в престол были вложены мощи Вифлеемских младенцев, первых мучеников, пострадавших за Христа. Но на Светлой Седмнице Устав предполагает крестный ход еще и после Литургии. Поэтому крестный ход вокруг храма мы совершили дважды!

Освящение храма можно сравнить с Крещением. Так же, как с духовной стороны для человека важен факт его Крещения, означающий рождение в жизнь вечную, так и освящение храма является его подлинным рождением. В видимом плане это относится к зданию храма, в духовном – к церковной общине, составляющей часть Тела Христова, – Церкви (Кол. 1, 24). Как свидетельствуют многие настоятели, после освящения храм начинает жить какой-то новой жизнью, чувствуется особое влияние Духа Святого на все стороны служения в нем. Надеемся, что и в нашем храме многое изменится в положительную сторону. Это касается не только клира, но и прихожан, которым мы желаем более осознанного подхода к вере, когда человек живет именно верой в Бога, а не набором суеверий. Чтобы каждый прихожанин более ответственно подходил к своей духовной жизни, усерднее участвовал в жизни нашей общины.

У нас много планов по благоустройству храма, по развитию общинной жизни. И надеемся, что, с Божией помощью, все во благо задуманное осуществится. Не случайно во дни Пасхи Господь сподобил состояться освящению. И сегодня мы просим Его, чтобы силой Своего Воскресения он помог сделать наши замыслы живой реальностью...

Воистину воскрес Господь наш Иисус Христос!

Иерей Сергей КРУГЛОВ

«Царство Божие – здесь»

*Избранные записи в Фейсбуке последних лет**

Говорят: сын за отца не отвечает. Я бы сказал точнее: не отвечает, когда он ни сном ни духом, а его призывают к ответу, извне. Но отвечает – если достаточно взросл, зрел, чтоб самому взять на себя эту ответственность.

Терпеть не могу власть, способную ради своей власти убивать и калечить людей.

Терпеть не могу революционеров. Мой пубертатный возраст, когда любимыми героями были гимнаст Тибул и оружейник Просперо, прошел. Особенно терпеть не могу профессиональных революционеров, их среда и дух, на мой взгляд, похожи на среду и дух уголовников.

Вообще, терпеть не могу тех, кто сознательно ради некой идеи способен убивать или насилловать людей, а равно манипулировать людьми и вести их на смерть или убийство других людей, будь то левые, правые, красные, белые, власть имущие, рабы, религиозные, политические, любые.

Жалею, сострадаю – всем, кого убивают, калечат и насилуют, будь то даже диктаторы или революционеры и им подобные, а не только невинные жертвы, дети, кроткие старушки и котята.

Глядя сегодня во время молебна на окропление меда св. водой, думал, благо ли для многочисленных пришедших на мед мух попадание на них капель св. воды; почему-то думал, что, вероятно, благо. И мухи веруют, и жужжат.

А я не желаю хвалиться, разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира (Гал. 6, 12–14).

Потому что, по правде говоря, любой в глубине души понимает: и впрямь, чем хвалиться-то, когда нечем... («Хвалиться» – не то чтоб «хвастаться», а типа – в чем твои козыри, и чем докажешь свою правду, чем людей в ней убедишь).

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1–4 (XLIX–LI), 2019; 1–4 (LII–LIV), 2020; 1–2 (LV–LVI), 2021. (Все примечания – ВС.)

Грехи – это примерно как глисты. Нерадеть о лечении гельминтоза, конечно, неразумно; но всю веру и все силы положить только на это, интересоваться только глистами и тонкостями их устройства и размножения, почитать гельминтологию единственно важной дисциплиной и искать в ней окончательный смысл жизни – мягко говоря, странно.

Нередко после исповеди записку с грехами отдают мне, чтоб порвал непременно священник. Не беру, говорю, вы уж сами порвите... Вижу на лицах разочарование. (Что поделать, фразу про самолетик можно сказать совсем немногим...).

Течение лет, смена поколений.

Случайно обратил внимание: слово «голимый» во дни моей юности употреблялось в значении «беспримесно чистый», например, о пересоленном супе говорилось: «Фу, голимая соль!», или: «Да ничего я не придумал, голимая правда!» и пр. Нынешние подростки говорят «голимый» в значении «отвратительный»: «Кроссовки не надену, они какие-то голимые» и пр.

Не то чтобы редок, но не так уж особо и част на просторах Руси тот диакон, который в евангельском зачале: *Речено же бысть, яко иже аще пустит жену свою, да даст ей книгу распутную** не прочтет: «да даст ей книгу распутную». («Так, я тебя пускаю, но с одним условием: книгу свою распутную – с собой забирай, и чтоб духу ее в доме не было!»).

Читаю роман-сагу Ивана Наживина «Распутин». Нравится-не нравится, как там относились к автору эмигранты, как – советские, за что его помнят, почему забыли и проч. – это уже другие вопросы... Одно несомненно: идут в России времена, сменяются поколения, гремят революции-войны-перестройки, а как оно всё было – так оно и есть, что у народа, что у интеллигенции.

Одно отрадно: и свет в окно храма Божия, в августе, в конце Успенского поста – тот же самый.

«Церковь – вне политики!»

Эти слова всегда надо расшифровывать и уточнять. А то бросаться слоганами и лозунгами всякий горазд, наслушается их человек – и последние мозги у него помутятся.

Церковь – вне политики в том смысле, что она сама не должна становиться той или иной политической партией, властью или там оппозицией и не должна подменять своё, то есть – Христово, делание – земными интересами, не ставить их на главнейшее место, и это понятно. Но Церковь – не вне жизни, а политика – тоже некая часть жизни, в ней бывают, например, насильники и страдающие, и Церковь может напомнить о милости и вступить за страдающих перед лицом насильников. Еще есть в политике и грех, и Церковь может ясно назвать грех – грехом и напомнить о заповедях Божиих. За что казнили пророка Иоанна Пред-

* Мт. 5, 31.

течу и митрополита Филиппа или сослали в ссылку святителя Иоанна Златоуста? С одной стороны – вроде как за политику: «Не приставай к царю!», а с другой-то, с настоящей стороны – только лишь за напоминание про Бога и правду Божью, каковое напоминание, сами понимаете, всегда для одних было спасительно, а других страшно раздражало, и так было всегда, и есть и будет всегда.

Осенняя ночь опустилась совершенно глухая; сплошная, безродушная. Н. помнил, что тут посёлок и поодаль – дорога, и при ней автобусная остановка, и далее везде, однако угольная астматическая тьма понудила ум топографически дрогнуть, а затем и усомниться.

Но вот зажглась в глухой тьме и горит – точка, то разгораясь поярче, то подёргиваясь сажею; кто-то вышел на крыльцо и курил папиросу. Сейчас он докурит, подумал Н., он докурит, зябко подёрнет плечами – и вернется к бытовым домашним делам, к жене и ребятишкам; или упадёт в со стоном принимающее его вес старое кресло и устанется в телевизор; или выщелкнет комковатую табачную искру с крыльца по парабольке в ночь и спустится в подвал, и продолжит там насиловать и пытаться свою немую жертву; так ли это важно – что там, кто, подумал Н.: этот утлый огонёк папиросы – единственный светлячок жизни, знак человека в глухой непроглядной осенней тьме, который и в ночь идет, и плачет, уходя.

«Великий Зверь чувствителен к престижу. Смирение – единственная добродетель, которая не имеет сходного образа в морали Великого Зверя» (Симона Вейль, «Тетради», 1942 г.)

Престиж – та же забота о власти: непременно настоять на своем, на *своей* правде, о *чем бы* эта правда ни была (с отстаиванием истины не имеет общего: отстаивание истины – не настаивание, оно не напирает и не попирает громогласно; на вопрос Пилата об истине Христос – смиренно молчал).

И в то же время те, кто думает, что смирение якобы несовместимо с активным действием, что это – нечто совместимое с ярлыками «терпила» и «лузер» (моя бабушка презрительно говорила: «нехто», «нехтуля»), – тоже ошибаются. Парадоксально?.. Да, но таков мир, в котором мы бытуем, в такой мир пришлось прийти Сыну Божию, чтоб нас спасти.

Смирение – и есть само активное действие. Вопрос о соотношении того и другого, об их единстве и несовместимости, мучает меня давно. Позволю себе здесь процитировать запись в одной из ФБ-групп – запись открытая, думаю, автор не возбранит; запись сделана на тоже болезненную тему, но как бы немного иную; но я увидел в ней – важное к вопросу о смирении как небесной вещи:

«...Нашла как-то архивные свидетельства за 1941 г., Бессарабия, не помню название городка. Румынские солдаты вторглись во двор местного мельника-иудея, изнасиловали его трех юных дочерей, отобрали скот. Возвратились на следующий день и снова надругались над девочками. И вот на третий день мельник обрядил всех троих в нарядные платья и повесил по очереди в сарае. Потом жену, а потом и сам повесился. Когда вернулись румыны, жертвы были уже неуловимы.

Что есть в этом случае самоубийство? Тоже, по общей традиции, в мирное вре-

мя хоронили бы за кладбищенской стеной? Или это было спасением и досрочным бегством к Богу, под Его крыло?»

«Кровь и слезы и прочее (Предуведомительная беседа)» (1980) Дмитрия Пригова начинается так:

ГАМЛЕТ	Убить или не убить?
МИЛИЦАНЕР	Убить, убить.
ПОЭТ	Конечно же, убить!
ГАМЛЕТ	Но почему?
МИЛИЦАНЕР	Видите ли, товарищ Гамлет, коли есть Милицанер – должен быть и убийца.

Всё это удивительным образом напомнило мне апостола Павла с его пламенными эскападами насчет Закона, писавшего в своем письме к римлянам: *Но мы знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом, так что заграждаются всякие уста, и весь мир становится виновен пред Богом, потому что делами закона не оправдывается пред Ним никакая плоть; ибо законом познается грех**.

То, что апостола Павла ненавидели (да какое там прошедшее время: сталкивался с тем, что ненавидят до сих пор) более всех – неудивительно: для иудеев он предатель закона Моисеева, отменивший обрезание (как утверждают иудеи, только лишь для того, чтоб облегчить язычникам вхождение в Церковь и приобрести побольше паствы); прочие апостолы не сказать чтоб с восторгом и полным доверием отнеслись к его яркому вхождению в их круг и утверждению, что он лично общался со Христом; в христианской среде до сих пор раздаются голоса насчет того, что именно Павел своей бурной административной деятельностью извратил «христианство Христа» с его «полной свободой» (в духе битников эта свобода им видится, что ли?..) и создал «церковную структуру» (так и говорят: «Павлово христианство»)..

С началом октября начинаются у нас занятия в воскресной школе, в том числе и у взрослых; в этом году приступим читать и обсуждать послания апостолов, и начнем именно с апостола Павла.

С самого раннего детства, имея так себе зубы, хорошо я был знаком с запахами кабинетов стоматологов; с жужжаниями допотопных бормашин; с адскими напряженными секундами псевдотишины, когда маленький бур ввинчивается в дупло, чтобы обвиться вокруг нещасного маленького нерва, приговоренного к удалению, и потом – ПРААЗЗ!! – от молнии лопается голова; с бессонными от зубной боли ночами; с флюсами и кариесами; с случайным выдиранием пломбы – ЧВВАКК!! – посредством ириски «Кис-кис» или «Золотой ключик»; и прочим таким же...

Оттого, слыша слова песенки из мультика про Фунтика: «Хорошо бродить по свету с карамелькой за щекою», испытываю почти физическую муку воображенья, прекрасно понимая, к чему эти защёчные карамельки рано или поздно приводят.

* Рим. 3, 19–20.

Пытаться знать будущее (чего хотят многие, от любителей наукообразной футурологии до клиентов гадалок) – не только бессмысленно, но еще и как-то постыдно, недостойно человека. Как-то так чувствую...

Читая книгу о Георгия Митрофанова «Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века» (спасибо издательству «Практика», Владимир Ананич и Елена Дорман), нашел восторженный отзыв архиепископа Серафима (Чичагова), будущего мученика, от 7 марта 1917 года: «Милостию Божиею, народное восстание против старых, бедственных порядков в государстве, приведших Россию на край гибели в годы тяжелой мировой войны, обошлось без многочисленных жертв и Россия легко перешла к новому государственному строю, благодаря твердому решению Государственной Думы, образовавшей Временное Правительство, и Совету рабочих депутатов. Русская революция оказалась чуть ли не самой короткой и самой бескровной из всех революций, которые знает история».

Прочел и тут же подумал: «Рано пташечка запела – как бы кошечка не съела!...».

И тут же устыдился: чего ж не злорадствовать с умным видом над человеком того времени, того дня, живя вон когда и зная и то и это... Я-то сегодня – что знаю о будущем?

Думается, знаю вот что, немногое, но вменяемое: главное – не «будущее», а вот этот день сегодняшней. Именно он проверяет меня – кто я, каков я, как я живу. Незнание будущего – где-то близко к теме кенозиса, смирения, трезвости и деятельной любви. Тот же Серафим (Чичагов) – прожил этот сегодняшний день, и остался самим собой, и стал – тем, кем должен был стать; а я?..

В ленте – реклама: «С 22 октября в прокате в кинотеатрах по всей России – культовое аниме Хаяо Миядзаки «Мой сосед Тоторо»! Представляем официальный трейлер фильма!». То есть – премьера старого, всем известного.

Поэты постят, в той же ленте, свои старые стихи, с примечаниями: «из старого».

Флешмобы на тему: «Газировка за 3 копейки», «Мои первые книжки», «Сорок лет назад в этот день» и им подобные.

Книжные хиты – старые любимые книги в новых роскошных изданиях с комментариями.

И много еще такого.

Вдруг сдавило сердце ощущение: мир стремительно катится-катится, почти уж летит, – и подсознательно человечество тормозит-тормозит, хочет – остановить, хочет – вернуться, хочет что-то важное, милое, ценное – успеть, разглядеть, запомнить, впитать, запечатлеть...

Глупое ощущение, конечно; даст Бог, пройдет.

В «Книге бытия моего», увлекательной книге записок епископа Порфирия (Успенского), весьма нравится мне старинное слово «селитва» (глава в 5 томе: «Венеция. Судьба греческой православной селитвы в этом городе, типографическая деятельность ее и живопись»).

В этой главе еп. Порфирий цитирует записки о Венеции русского путешественника Василия Барского, сделанные им в 1725 году:

«Венеция есть славна и честна, яко в ней дож или вождь всего венецкаго владения живет, на него же посмотри в ассистенции сенаторов и других вельмож и ужасно преславно есть, что аз многажды видех. Дожд ходит в порфире царской, от горностаев составленной, на голове же имеет золотый рог, его же и в церкви не слагает, сенаторы же, егда сопутствуют ему, тогда в червленых, егда же ни, то в черных, обаче всегда ходят в долгой одежде, яже именуется латински Тога, яже прознаменует покой. Венеция бо всегда сидит в покои, ибо ея не отважится никто одолети; того ради и печатается нетленною девицею, яко ни от кого же есть пораженна».

Одна из самых благоуветливых, насыщенных и содержательных моих проповедей бывает – к котам.

Раз в неделю варится для них рыба (чаще единождынедельного раза – им вредно). Едят они одного только вареного минтая, но зато и любят его всем сердцем своим и всею душою своею и всем разумением своим; для этой цели, чтоб не возиться в разных там кишках, покупаю им специально сформированное в ровный параллелепипед мороженое филе.

Едва только мысль достать брусок из холодильника посетит мою голову, а уж кот и кошка – посещают кухню, и даже мнутся от века там живущими и прямо изросшими, как некие мандрагоры, из небольшой кубатуры ее; нарезав части филе на приличные доли, поместив их в особо назначенную к тому кастрюльку, залив водою и включив плитку, говорю я котам, приняв на себя образ некоего авторитетного пастыря, типа седого пастора из любимого мною фильма «Пир Бабетты», но и чем-то похожего на старичка гнома из мультика про Нильса, а голосом – на скрипучего ворона из мультика «Как ослик счастье искал», говорящего: «Где сплетаются коряги, где медведь живет в берлоге!..», и прочее, кот же и кошка внимательно меня слушают, поводя очами за моим воздетым горЕ пальцем, тем самым как бы проникая в самое сердце проповедуемых смыслов, при том кот вылитое бывает похож округлившимися глазами на младшего Тоторо опять же из мультфильма, а кошка, чтобы лучше слышать, ловко помещается в шкаф между стенкой и микроволновкой:

– Знаю, что ждете вы и более всего на свете чаете – РЫБЫ.

Но знаете ли вы, что прежде должно ей –

ВАРИТЬСЯ!

Иными словами, – ПРИУГОТАВЛИВАТЬСЯ!

Ждите, милорд, ждите королеву!

В терпении вашем стяжите души ваша!

РЫБА –

ВА!

РИТ!!

СЯ!!!

Ну и так далее, и в том же роде, изрядно протяженное время, пока рыба не сва-

рится, не остынет и не достигнет того состояния, чтоб могла бы быть положена в миски.

Думаю же при этом о том, насколько в многословии своем могу быть услышан, а также – насколько кратко и емко говорил со властью Христос апостолам, например: – «Вставайте, идем отсюда!».

И – всё.

Братья! Не будьте детьми в размышлениях ваших. Будьте детьми по отношению ко злу, но зрелы в своих мыслях (1 Кор. 14, 20).

После некоторого перерыва, снова собрались вместе с группой взрослых при нашей воскресной школе, чтобы вместе читать послания апостола Павла. Насколько, по прошествии лет, многое – не так, как воспринималось когда-то... «Возвращение к первохристианству» – не реконструкция, типа «наденем тоги и сандалики и выбросим две тысячи лет нашей истории»; чтобы добраться до насущного и простого церковного смысла слов Павла, надо жить – вперед, дальше, еще дальше.

Предыдущие пятницу-субботу что-то я помирал: был шквальный ветер, пришел хлад, вдруг подскочило – чего почти не бывает – давление, особенно нижнее, и держалось, и тошно и нудно болела голова, никакими таблетками не мог сбить боль; я было настроился, что – конец света (говорят даже, это могло быть оттого, что в наших краях, где-то в Саянах, в эти дни было землетрясение и как-то повлияло); однако всё вдруг прошло само, примерно в воскресенье после литургии.

А сегодня утром я убедился, что нет, конца света пока нет, выпал небольшой снег, и на снегу явились во множестве скользящие в поисках пропитания синицы. Так что и кормушку мы не зря во дворе повесили (а попробуй не повесь – придет и скажет, как Шариков: «Где же я буду харчеваться?!»), и вообще, раз синицы – то конец света пока откладывается и, как говорят в Церкви, «дано нам еще время на покаяние».

Читая «Оттепель. События»*, как-то вдруг, неожиданно и остро, сегодня ночью (книга такова, что забываешь о времени и очухиваешься за полночь) почувствовал любовь к стране, в которой живу, и к ее людям (это правда, я без стеба)... Любовь и горькое сострадание. И к людям, и к себе самому тоже.

Господи, будь только с нами, не дай забыть о Тебе.

Сегодня позвонили из студии «Радио России», немного говорили про предстоящее Рождество Христово. Пожелал всем двух вещей в связи с Рождеством. Во-первых, реализма. Многие верующие так отмечают Рождество, словно оно полностью зависит от календаря, словно Христа 6-го января нигде не было-не было, а 7-го Он раз – и родился (да еще и дважды, по старому и новому стилю), и вот мы отпраздновали, потом Рождество стало понемногу утихать, бледнеть, и к концу года истончилось, прямо как в детском стишке про календарь: «Под Новый год

* Речь идет о книге Сергея Чупринина «Оттепель. События. Март 1953 – август 1968 года» (М.: Новое литературное обозрение, 2020).

пришел он в дом таким румяным толстяком...» – и исчезло, чтобы в следующем году мы опять смогли встретить его. Смех и грех!.. Или вот еще известная фраза из проповедей: «Христос пришел, чтобы родиться в твоём сердце». Красивая фраза. Всякого пиетизма и аллегоризма в наших проповедях вообще бывает через меру... Но. Вообще-то, Он родился не в «моем сердце», а в большом мире. А в моем сердце должно родиться – ответственное отношение к Нему. Реализм отношения к Рождеству Христову – это понимание, что Он родился уже давно, жил на земле, умер на кресте, воскрес, вознесся к Богу Отцу и, живой, пребывает всегда, и в таинствах Церкви, и вот здесь и сейчас, и мне надо приложить труды по осознанию: кто я вообще и кто Он – мне. И второе пожелание – радости: «радуйтесь и веселитесь» (а это очень трудно, труднее, чем горевать и тосковать), обретение радости в той именно моей жизни, которая реально и ежедневно ЕСТЬ, а не в мечтах.

Еще попросили прочитать какой-нибудь стих на тему Рождества; прочитал этот:

НА ПРИНЕСЕНИЕ В МОСКВУ ДАРОВ ВОЛХВОВ

сотрудник ДПС Иванов
этой ночью крепко спал
в патрульной машине
и не может с уверенностью показать,
не постучал ли в полночь в стекло его «Тойоты»,
украшенной мигалкой и синей полосой,
смуглый старик в тюрбане и не спросил ли
что-то гортанное про царя иудейского (а караван,
тень за тенью, ступал на мокрый грязный бесснежный асфальт
длиннящего перехода через Зубовский бульвар
прямо на красный свет), –
но на всякий случай, товарищ майор,
я бы на вашем месте послал-таки наряд
и проверил тот заброшенный гараж на окраине Бирюлёво,
над которым стоит в мутном киселе точащих январскую слизь небес,
пульсирует, как лазоревое сердце, не меркнет звезда, –
а вдруг, вдруг.

Тут, в связи с коронавирусом и карантином, беседовали про онлайн-оффлайн.

Подумалось, что общение онлайн высвечивает необходимость понимания того, как мы общаемся друг с другом вообще, – как часто говорим друг с другом, не видя и не зная друг друга, отвечая собеседнику не на его, а на свои собственные мысли, разговаривая с самими собой, с собственными проекциями и придуманными образами, и проч.

В этой связи мелькнули мысли о молитве: борьба за выведение моей молитвы из монолога с самим собой в замкнутой на себя пустоте – к диалогу с Другим, а там

и из онлайн в оффлайн; «видеть Бога как Он есть»; всесторонне и разными способами (изучить профайл, общих друзей, составить какое-то представление по фото, по словам и умолчаниям, написать в личку, изучить, какими смайликами в каких ситуациях пользуется, и так далее) – познавать и ЗНАТЬ Его.

Святитель Иоанн Златоуст – из тех, кого я немного как-то побаиваюсь. В каком смысле? В том, что он – из тех людей, рядом с которыми тут же начинаешь проверять на вшивость самого себя, из тех, кто своим существованием укоряет мою распущенность и сопливость; вероятно, слово «побаиваюсь» тут звучит не совсем точно, потому что это – хорошее побаиванье, правильное; Иоанн Златоуст не унижает меня, но как бы выпрямляет, подтягивает вверх.

Да, далеко не все, что им высказано в его проповедях, могу принять безоговорочно; но святитель Иоанн – яркий пример для меня того, что святые – именно люди, люди, что называется, и «своего времени» – но и «своей вечности», люди Христа и Церкви, а не безгрешные полубоги, и тем они и прекрасны, потому и любимы.

– Вы пост держите?

– Держу.

– А я вот не могу пост держать... А наоборот, пост меня держит.

И преходя Иисус оттуду, виде человека сидяща на мытнице, Матфея глаголема: и глагола ему: по мне гряди. И встав по нем иде (Мф. 9, 9).

Когда-то, впервые придя в храм и услышав это чтение по-церковнославянски, я, конечно, моментально представил человека, сидящего на мыльнице, древней такой мыльнице, в виде огромного камня на берегу реки, на котором стирают белье, камня мокрого и в мыльных натеках. Впоследствии, конечно, когда я узнал, что такое «мытница», эта дурацкая картинка поблекла и отвяла; но образ апостола на берегу Реки Жизни, заносающего строки в тетрадь, – где-то живет внутри...

Сегодняшнее евангельское чтение – притча о милосердном самарянине. Персонажи ее – мимопрошедшие священник и левит – вызывают неизменное порицание, и очень многие тычут пальцами, что вот де, так и устроен этот мир, от своих – добра не дождешься, свои-то и предадут, козьи фантутти*... Однако вижу в той же притче, прежде всего, не козьих фантуттьев, а повод для радости: получить поддержку, участие, благодать оттуда, откуда и не ждал – это ли не чудо! И это чудо есть и живо в людях, и оно только и живо.

Некоторые слова высокого штиля узнал я еще в раннем детстве.

Например, слово «порок». Впервые я его услышал (и каким-то образом знал, что оно означает) в песенке про зиму: «А из окон порок синий-синий». Зима озорна, забавна, но порочна и опасна, шутить с ней – чревато, понимал я.

Шли годы, и, вспоминая любимую песню, я уже был далек от младенческих

* От названия оперы Моцарта «Так поступают все» («Cosi fan tutte»).

ослышек и рассуждал вполне подростково, что, мол, какой там еще «порок», глупости какие, а просто это – «порог». «А из окон порог синий-синий». Песня ведь – про избушку, а у нее, конечно же, имеется порог; не очень понятно было, почему порог – из окон, вернее, совсем непонятно, но я принял как должное.

И лишь еще много лет спустя, во взрослом возрасте, поверите ли, будучи женат и дочерат (а может, к тому же и сынат), переслушивая песенку уже с домочадцами, был поражен прозрением: это же «парок»! Просто синий пар из окна, негерметично утепленного хозяйкой избушки.

Одно из самых увлекательных занятий моего детства – лазить. По стройке, по заброшенным сооружениям, разным местам и пр. ...

– Выйдешь? – Счас, отпрошусь... – Выходи, полазим!

Я до сих пор боюсь высоты. К счастью, Богучаны моего детства – в основном деревянные, одно- или двухэтажные... Впрочем, однажды хватило и этого: лазили по стройке с самострелами, лихо спрыгнув с лесов (не особо высоких) в кучу вроде бы опилок, приземлился аккуратно на кусок штакетины с торчащим вверх гвоздем ржавым, соткой примерно, гвоздь вонзился в подошву через кед... Возили в больницу, ставили укол от столбняка.

Помойки – прекрасные места! Там находилось множество интересных предметов. В дошкольном возрасте однажды мы сливали там остатки вина из пустых бутылок в одну и пробовали, а на помойке у больницы находили таинственные пузырьки с кровью.

Да и чего там – помойки!.. просто под ногами валялись необходимые вещи, от мотков медной или алюминиевой проволоки до кусков шифера, метаемого в костер, карбида, метаемого в воду, гудрона (вара), который жевать, Ш-образных железных пластинок от трансформатора и проч. Как-то, уже в нулевые годы, мне понадобился кусок проволоки, я вышел из подъезда, оглядел окрестности – и вспомнил, что уже не те, далеко не те времена и под ногами ничего полезного не валяется...

В таких «местах лазанья» мы любили рассказывать анекдоты и страшные истории. Вернее, по популярности – так: страшные истории и анекдоты. Там я, помню, пересказывал пацанам «Локиса» Мериме, «Собаку Баскервилей», «Семью вурдалака» А.К. Толстого...

«Лисички не безвредны, и, по мне,
они враги душевному здоровью.
Ты ценишь их?» «С любовью наравне».
«А что ты понимаешь под любовью?»
«Разлуку с одиночеством». «Вполне?»
«Возможность наклониться к изголовью
и к жизни прикоснуться в тишине
дыханием, руками или бровью...»

В первый раз Бродский попал в психушку в декабре 1963-го, в Москве (точнее, не «попал», туда его пристроили друзья, чтоб спрятать от суда в Ленинграде);

выдержал он там менее недели, вышел на волю, отправился в Ленинград, – ну и, понятное дело, что за этим последовало: «Выдержал бы – не было бы ареста, суда, ссылки», писал Лев Лосев; а второй раз попал – уже в Ленинграде в феврале 1964-го, суд отправил на Пряжку на экспертизу. О чем были главные волнения самого Бродского и его близких, сопутствующие этим событиям? Ну, как можно предположить, о том самом суде, о том, удастся-не удастся избежать и что будет дальше, обо всем таком жизненноважном и судьбоносном.

Мог ли кто провидеть тут промысл Божий? Может, кто и пытался, но смог ли. А промысл Божий явил – «Горбунова и Горчакова». Суд, ссылка и все это жизненно-важное и судьбоносное – пришло и ушло, а остался – «Горбунов и Горчаков».

Вероятно, банальности говорю, о промысле Божиим и так всем известно. К чему же тогда сейчас думаю обо всем этом?

Прежде всего, уж конечно, вовсе не к тому, чтоб вывести православную нотатку: «Вот мол ЧТО важно, прочее же ничтожно». Важнее ли поэма, чем боль и тепло, душа, ум и нервы живого человека, поэта, чем сам поэт в нетях обыденности земного его сегодня-существования?.. Нет, конечно, вовсе я не про это, такие нотатки без меня есть много любителей выводить. Да и можно ли вообще ставить такие вопросы таким образом.

А вот о чем думаю: промысл Божий мало того что – есть, про него еще и сказать-то особо нельзя ничего. Много разглагольствовать про него – точно не стоит. И нельзя промысл Божий – запрограммировать, нельзя просчитать, его нельзя пытаться «держать под контролем», тем паче нельзя его выписать кому-то как рецепт (прости, Господи, это то, чем часто согрешал и я, и другие известные мне христиане), а можно его только – прозревать, смиренно и пораженно. Так пораженно прозревал Ренсом картину Великого Танца в «Переландре»*.

По поводу читавшегося вчера на литургии евангельского зачала, оно же читаемо на благодарственных молебнах, – об исцелении десяти прокаженных и о том, как один из них, самарянин, вернулся поблагодарить Христа, – вспоминаю слова свт. Иоанна Златоуста: «Благодарность ничего не прибавляет Богу, но приближает нас к Нему».

Близость, отношения.

Как нередко моя благодарность кому-то содержит подспудный смысл ока за око: «Всё, я тебе оплатил, теперь я тебе ничего не должен, я от тебя больше не завишу, я снова сам по себе». Страх посягновения на мою свободу, самость.

Учась благодарить Бога, учусь бескорыстию (то есть подлинной свободе).

Встретилась реклама вебинара: «Вы зашли в православный храм. Куда идти первым делом? Куда нельзя ступить ноге женщины?»

Сразу пред глазами – сцена из фильма «Снежная королева», где Леонов-Король, Герда-Проклова и черта вдоль тронного зала.

* «Переландра» – роман К.С. Льюиса (1943), вторая книга из его «Космической трилогии»; главный герой ее – филолог Элвин Ренсом.

С праздником Крещения Господня!

Любители порассуждать о том, как полезно ныряние в ночную прорубь и что там смываются все грехи, нередко ссылаются на пророка Иоанна Предтечу, он же мол тоже совершал «крещение покаяния». Смывал ли Иоанн в Иордане грехи с иудеев, в буквальном смысле? Нет, конечно. Это погружение – только свидетельство того, кто пришел погрузиться, что он готов – не безгрешен, а готов с верой и смирением принять всё то, что будет дальше, и Всего Того, который будет дальше крестить – Духом Святым и огнем.

Так что если действительно хотите грехи смыть – после проруби ныряйте в огонь. И в Дух.

Если мать иль дочь какая
У начальника умрет,
Расскажи ему, вздыхая,
Подходящий анекдот;
Но смотри, чтоб ловко было,
Не рассказывай, грубя:
Например, что вот кобыла
Также пала у тебя;
Или, там, что без потерей
Мы на свете не живем
И что надо быть тетерей,
Чтоб печалиться о том...

– писал в 1870 году в стихотворении «Мудрость жизни» Алексей Константинович Толстой. Актуальные слова.

Простонародное представление о том, что каждый в жизни свой крест несет сам, на самом деле, в общем, верно.

Что я могу, неся свой крест и встретив ближнего, также несущего свой?

О том, чтоб там де взять его крест на себя, облегчить, помочь, спасти... разговоров на такие темы много, а в реальности – толку довольно мало. Побегика, ага, спаси, когда у самого – одна нога, и та переломанная... В лучшем случае сделать то, о чем церковь постоянно в ектеньях говорит: «Сами себе, и друг друга, и весь живот наш – куда деваем? – Христу Богу предадим». Как-нибудь пожалеть, пострадать ему, утешить немного, и то очень хорошо. Но и это бывает так тяжело исполнить на деле. Так, чтоб окончательно не добить жалеемого.

А вот хотя бы – не сделать больше... Воздержаться, не коснуться. Он и так весь переломанный, дышит через раз, раны гноятся, крест натер плечи – а ты его «утешать», радостно и уверенно рассказывать о том, как прекрасен мир, иллюстрируя на примере себя драгоценного... Руками-то – осторожнее маши в своем экстазе. Хоть так заденешь человека, хоть сядь – а ему только больше. От вдохновенной упоенной проповеди твоей, в общем, от любой самости твоей, назови ты ее хоть гуманной, хоть христианской, хоть какой – бывает только больше. Помни про это. Пожалей человека, не налегай на него со своим активным спасением, ему и так

тяжело. Да и себя пожалей, кстати. Твой крест – никто ведь за тебя нести не будет, и на это – не ропщи и не ной. Как там сказал кто-то, не помню, то ли богослов, то ли святой: «Никто из нас не достоин ни похвалы, ни порицания, но всякий достоин только жалости».

Некоторые почему-то считают, что слова Христа про Закхея, о том, что спасение пришло к нему потому именно, что «и сей сын Авраамль есть», вроде как подчеркивают, что вот, и он же тоже, оказывается, наш земляк, нашей национальности, из племени Авраамова. Типа такой топит за землячество, вроде тех, кто говорит: «Мы православные, потому что мы – русские!».

Но если вспомнить поведение и слова Христовы в некоторых иных ситуациях, или, например, тираду Иоанна Предтечи, обращенную к землякам: *Порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? сотворите же достойный плод покаяния и не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам», ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму**, – то вся эта картина «иудейского мира» сыплется битыми пикселями.

Речь тут не о землячестве и не о родстве по крови от общего предка. А о том, что Авраам назван «отцом всех верующих». Вера мгновенно спасла Закхея (и плод покаяния, плод этой веры, мгновенно же и был им явлен – без всяких прелюдий и объяснений: половину того, что имею, отдаю нищим). Стоит ли и напоминать, что такое непосредственная вера, какая это мощная, сотрясающая и переворачивающая всю мою жизнь и все мое нутро наружу, таинственная и рискованная вещь, и какое невероятное событие произошло с Авраамом через эту веру – с человеком, живущим «в этом мире, кишасщем богами», одним-единственным из всего окружения услышавшим голос Неведомого и принявшим его как родной, как голос Бога Единого и Истинного, и – доверившимся Ему безоговорочно.

* Мф. 3, 7.

Алексей УСТИМЕНКО

Перелистывая прежние дни...

*Отрывки из дневника, начатого 10 апреля 1962 года**

16 августа 1966 г. Вторник.

Сегодня я выпускающий. Это значит, что я должен подписать газетный оттиск, предварительно просмотрев ошибки, опечатки, соответствуют ли клише и оттиски с них подписям, и еще очень много, и в том же духе.

Весь день помогал корректорам, а когда все ушли (кроме нашего печатника), я стал ждать оттиск. Наконец оттиск был сделан, и я начал его просматривать...

Мне повезло: первый раз я выпускающий – и вот передо мной крупная ошибка, за исправление которой ответственен я. Под фотографией, опубликованной на четвертой полосе, стоит подпись – «Вьетнам борется» и еще небольшая аннотация. А на фотографии изображена площадь в Москве, кажется, перед редакцией «Известий». Вдали виден Московский университет, а посередине площади возвышается памятник.

Ответственный секретарь, очевидно, «заработался» и, спутав клише (они одинаковы по формату), одно отдал в набор, а другое засунул в один из ящиков своего стола.

Перерыв все его бумаги, – номер не ждет, – мы, наконец, нашли нужное клише и привели все в порядок. Через несколько минут я подписал номер в печать, и мы пошли на ужин в столовую вместе с Евгением Ивановичем**.

Завтра с утра пораньше редакционная машина развозит почти всех наших журналистов, и меня в том числе, по разным районам. Командировка продолжится два дня.

Выписали командировочные удостоверения.

...Петухи пели дуэтом...

17 августа 1966 г. Среда.

Выехали отлично. Машина шла легко и быстро. За окном мелькали поля и небольшие лесные островки, которые постепенно сменились теснившимся по обе стороны тракта лесом, покрытым сушняком.

* Продолжение. Начало в № 2 (LVI), 2021.

** Евгений Иванович Осипов – сотрудник колыванской газеты «Трудовая правда». Колывань – поселок городского типа, административный центр Колыванского района Новосибирской области.

Иногда мелькали мелкие одинокие деревянные домишки или небольшие поселения.

Сделали небольшой отъезд в сторону от основного тракта. Заезжали во Вьюны, оставив там Евгения Ивановича, спорили с которым всю дорогу.

Вьюны мне не удалось хорошенько рассмотреть – быстро тронулись дальше. В 1890 году здесь жил А.П. Чехов – вот пока и все, что я знаю об этой деревне.

Следующим пунктом нашего пути была Пихтовка*. Это одна из самых северных точек Новосибирской области. Там, дальше, уже тайга, болота. То, что место дальше заболочено, можно узнать, подъезжая к этому селу: кроме кочек, сочная болотная трава и гниющие стволы деревьев.

Материал для газеты нашелся сразу. Как только мы вышли из машины и подошли к столовой, а затем вошли в нее. Кругом грязь, беспорядок. В общем, большая куча необходимых данных для злободневного фельетона типа «Вилы в бок»**.

Пообедав, мы заехали в контору, договорились о месте в гостинице и расстались. Работники нашей редакции поехали по другим поселкам, а я остался один в этой скучной, неизвестной Пихтовке, в доброй сотне километров от Новосибирска.

Кривые улочки с деревянным, изгнившим тротуаром, с единственным покосившимся деревянным клубом и таким же деревянным высоким мостом, на котором сквозь разбитый настил проглядывала покрытая тиной речушка шириной не более двух метров, но в которую недавно затянуло трактор.

Побродив по селу, зайдя в библиотеку, покопавшись в изодранных книгах, я пошел дальше. Так как комсорга не было – куда-то уехал, – я направился в лесхоз. Поговорил с главным инженером, с главным инспектором лесной охраны и с одним из молодых специалистов, причем он чуть не утащил меня в тайгу на рубку и валку леса. Поехав туда на сутки, я вряд ли выбрался бы и за шесть, тайга есть тайга...

Набрав материала еще и здесь, я не очень плотно поужинал и пришел в гостиницу. Мне отвели место на одной из кроватей, плотно заставлявших центральную комнату гостиницы. Кроватей здесь было восемь, кроме этого, в проходе между ними стояла еще одна – раскладная. На ней спал заезжий комбайнер.

Кроме него – в этой же комнате – спали несколько работников аэропорта – шефов Пихтовского совхоза, приехавших на уборку (одна девушка, приехавшая вместе с ними, и несколько мужчин неизвестной специальности). Придя из кинотеа-

* Тогда я не знал, что Пихтовка недавно еще была местом «вечной» ссылки Анастасии Ивановны Цветаевой. «Село Пихтовка (ставшее потом районным центром), окруженное кедром, пересекается узенькой речкой. Широкие сибирские улицы меж домов зажиточного типа» (А.И. Цветаева, «Моя Сибирь»).

** Из поздних записей: «Пихтовская столовая. Столы заставлены грязной посудой. У окошечка раздачи очередь и за заказными блюдами, и за посудой. Под столами мусор.

– Посуды нет, что я сварю ее, что ли?!..

Когда-то столовая считалась одной из лучших.

– Да и теперь считается.

– Там (в Пихтовке) хороши пирожки с капустой.

Но какие там пирожки... В этой столовой отсутствуют даже тарелочки под хлеб. Его просто надо взять и, руками прижимая, отнести на столик... Но во время ужина, откуда-то узнав, что я из газеты:

– Подождите, пожалуйста, еще не готово.

– Вот вам, кушайте на здоровье».

тра (тот же клуб), они долго смеялись и разговаривали, втянув в эту историю и меня...

Наконец все уснули.

18 августа 1966 г. Четверг.

Завтрак всё в той же дорогой и непривлекательной столовой.

Потом час просидел, простоял и проходил в конторе, ожидая секретаря комсомольской организации и разговаривая с одним из своих коллег по ночлегу о подписании договора между СССР и концерном ФИАТ*. Во время разговора к нам присоединился молодой парень с лицом, похожим на те, которые рисуют, изображая пролетариат. Он оказался секретарем, но представиться почему-то постеснялся.

Познакомившись с ним, я сидел у него в кабинете и говорил, и слушал. Зная то, что в кабинете много не узнаешь, мы пошли бродить по селу, зашли в клуб, осмотрели его. Потом разошлись на обед, чтобы встретиться в машинно-тракторной мастерской.

Опять ходили, разговаривали с людьми, особенно с механизаторами.

Встретил вчерашнего комбайнера. Говорили с ним.

Потом осмотр тока.

В свободное время залезли в кустарник и до распухания языка наелись черемухи.

Проходив целый день по полям и по селу, мы вновь расположились в конторе, разговаривая уже совсем на отвлеченные темы.

Потом милиция. Сбор фактов о новом Указе**.

В ожидании нужного человека зашел в книжный магазин. Купил воспоминания о Викторе Кине***, истратив на них весь свой капитал.

На ужин денег не осталось.

Подошел к «гостинице» и, в ожидании редакционной машины, принялся грустить.

...Записывая все это, я обратил внимание на часто повторяющееся слово – «ожидание». Ожидание нужного человека, ожидание машины, ожидание встречи... Что ж, такова моя профессия.

Опять ушел в сторону. Но продолжу:

Около десяти часов вечера, когда уже стемнело, подошел Кирницкий – слабый и нервный человек с детским и наивным умом.

Он тоже не ужинал. Спал на стульях – хуже меня.

Он умылся, немного поговорил, поворчал и сел на стул около стола. Постепенно его голова упала на руки, и он погрузился в дремоту.

Рядом смеялись авиаторы, играя в покер; на улице стало холодно, мой нос моментально покраснел, а по коже пробежала нервная острая дрожь.

* 4 мая 1966 года в Турине был подписан договор об участии итальянской компании «Фиат» в создании автомобильного завода в СССР.

** Имелся в виду Указ Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство».

*** Всегда по эту сторону. Воспоминания о Викторе Кине. М.: Сов. писатель, 1966. Виктор Кин (1903–1938) – русский и советский писатель, журналист.

Наконец, уже около одиннадцати часов вечера, в гостиницу, задевая головой потолок, ввалился пыльный и усталый шофер.

Я разбудил Кирницкого, и мы тронулись в путь.

В машине оказался небольшой сверток с помидорами, огурцами и хлебом. Мы с соней-журналистом быстро опустошили его.

По дороге один раз что-то сломалось в машине, и мы полчаса простояли на черном и безлюдном поле, занимаясь починкой.

Бензину у нас тоже оказалось мало, и где-то на половине пути мы остались без горючего. Пришлось останавливать проходящую мимо машину. Взяли у нее немного бензина.

В той машине ехала интересная женщина. Нельзя сказать, что она красивая, но что-то экзотическое в ней было, в темноте было трудно разглядеть черты ее лица...

Выйдя из машины, она небрежно закурила сигарету. Разговаривала она мало, но по ее голосу было видно, что она привыкла командовать.

– А транспорт у вас комфортабельней нашего... – заметила она, стоя перед нашей машиной.

Ее лицо освещалось красными огоньками, словно рядом горел костер.

Тронулись дальше.

Вновь за окнами автомобиля мелькали поля и лес.

Уж насколько было черным-черно ночное небо, но и оно посветлело от той темноты, которая окружила нас, когда мы въехали на узкую дорогу в сосновом лесу.

«Москвич-408» подпрыгивал на крепких корнях, вспучивающихся поперек пути, ударяясь о них, как будто они были каменными.

О плотность лесной темноты, наверное, можно было даже разбить лоб, если б удариться об нее со всею силой.

Она зажала бы нас окончательно, раздавила и сплюснула, если б не два луча от фар впереди, подпрыгивающих вместе с машиною.

Лучи метались по гуашевой тьме, исчеркивая ее дергающимся светом.

И какой-то лисенок, не успевший ни броситься в сторону, ни отбежать, выдернутый из тьмы вспыхнувшей яркостью, понесся вдруг перед нами, метя длинным хвостом в разные стороны. Он был грязно-рыж, красновато-пепельного оттенка, длинен и не похож на юркого зверя – оранжевого рисованного красавца с хитрющей мордой, но скорее – на коротконогую плешистую таксу с перепачканными в дорожной лесной грязи мелкими лапами, у которой к тому же лезет шерсть.

Низкие лапы почти не виделись при его длинном теле.

Лисенок несся впереди машины, не забирая ни влево, ни вправо. Испуг сбил спасительные инстинкты с правильного пути. И зверь суматошно летел перед нами, не мысля, чтоб отскочить. Может быть, тоже боялся расшибить свою длинноносую морду о каменную черноту.

Он бы и не вырвался никогда: свет дурил ему голову и держал зажатым в ярко дергающихся клешнях.

Но лесные дороги не бывают прямыми. «Москвич» ударился об очередной сосновый корень, расплескал на две стороны бурую лужицу и свернул на возникшем из ничего повороте.

Лисенок бы тоже, пожалуй, свернул вслед за светом. Но поворот произошел неожиданно, и зверь по инерции вынесся за границу парализующего света, влетел в спасительную черноту, там и исчез...

Кроме него перед фарами бегущего автомобиля стрелой пронесся испуганный заяц и еще кто-то, похожий на бурундука.

Мы подъехали к Колывани в третьем часу ночи. По радио передавали музыку. Спать не хотелось. Поставили машину в гараж. Распрощались. Я пошел будить ударами кулака в окна редакции спящего Евгения Ивановича.

Командировка закончилась.

26 августа 1966 г. Пятница.

В редакции много писал. Сдал материалы о стенной печати, об учителях. Своя отпечатанные Галей рукописи, в общем – работал...

Вечером открытое партсоборание, на котором бурные споры – к вопросу о работе нашей и о плохой работе с селькорами. Попало многим, в том числе и мне (в среднем, я сдал в каждый номер 32 строки вместо 150-200). Начали искать причину, и все наконец-то пришли к выводу, что мне надо дать какое-то конкретное задание.

Выступил С.О. Никонов – как ответственный секретарь – и отказался в мою пользу от ведения отдела местной промышленности. Итак, получив разгон, я получил и повышение, а главное – весьма конкретное дело.

В завершение дня решили сходить в кино на много нашумевший фильм «Приключения Вернера Хольта».

Забегал на свою квартиру предупредить хозяйку, что приду поздно (ведь две серии). Застал выпивающего хозяина с новым начальником ремонтно-строительного участка. Начальник обладал кубинской бородкой и сверхкрасной кожей лица. Как добрые хозяева они пригласили меня к столу, и хотя я полчаса отказывался, пришлось сесть с этими интереснейшими людьми...

Немного навеселе, я зашел в редакцию за все еще живущим там Евгением Ивановичем, и мы отправились в кино.

Три часа с увлечением следили за развитием сюжета, за жизнью героев...

Решив писать рецензию, я расстался со своим спутником, и мы пошли по домам...

Около самого дома ко мне пристроилось двое пьяных мужиков, которые, оказалось, шли туда же, куда и я.

Хозяйка открыла дверь и полчаса выясняла, что им надо.

А им надо было просто переночевать (они знали хозяина, ушедшего на рыбалку).

Хозяйка дала им ворох пальто, и они, постелив все это на полу, спокойно разлеглись спать, запрятав в углы недопитые бутылки.

27 августа 1966 г. Суббота.

Первая суббота – здесь. Я не еду сегодня домой.

Встав утром, немного перекусил малосолевыми огурцами, хлебом, парой конфет, запив это стаканом воды.

В квартире я был один.

Еще ночью все куда-то уехали, предупредив меня, что будут через пару дней.

Я даже сделал зарядку. Умылся холодной водой из умывальника.

Все эти факты излагаю вне какой-либо последовательности, пусть читатель сам разберется в этом.

Придя на работу, я еще с Евгением Ивановичем сходил в столовую, чтобы лучше приступить к работе.

Целый день писал рецензию. В свободное время переподшил «Огонек». Он стал <выглядеть> аккуратнее.

В редакцию заходил шеф, Семен Андреевич*. Помогал ему делать обмер наборного цеха, где предполагается установить линотип.

Сегодня суббота, и очень-то задерживаться в редакции я не стал. Пораньше пришел домой, вскипятил чай, спокойно и в одиночку выпил его и начал читать книги. Вдоволь начитавшись, я, в отсутствие хозяев, включил телевизор и с удовольствием смотрел всю программу, не разбираясь – что для детей, а что и не для них.

Когда стало темно и сквозь оконные шторы пробилась оранжевая луна, я вышел на черную улицу, чтобы спустить <с цепи> во дворе собаку, как это делают хозяева. Но каково же было мое удивление, когда вместо пса я обнаружил пустой и даже не расстегнутый ошейник на длинной стальной цепи.

Собаки на дворе не было.

Мне стало немного жутко.

Досмотрев кинофильм «Верьте мне, люди», я опять вышел во двор – и тут увидел собаку, которая пролезала под ворота.

Я немного успокоился и сел работать: переписывать отдельные, пойманные в жизни слова, случаи, анекдоты в свою книжечку афоризмов. Эта работа продлилась за полночь.

Суббота кончилась, и я опять полез на свою постель, чтобы проспать до следующего утра.

28 августа 1966 г. Воскресенье.

Один во всей квартире. Спал, сколько хотел (а сколько хотел – разъяснить пока не собираюсь...)

Из оставленных хозяевами продуктов сделал завтрак. Он, правда, был несколько поздноват.

Используя свободное время – поработал.

Потом сидеть в квартире одному и разговаривать с собакой мне надоело, и я решил идти в так называемый центр. Одному, правда, скучновато, но что поделаешь.

Зашел в книжный магазин и рылся в книгах столь долго, что (женщина) продавец начала на меня смотреть подозрительно косо... Я поспешил ретироваться, купив от страха два томика стихов Михаила Дудина**.

* Семен Андреевич Стелюков – в 1966–1968 годах главный редактор колыванской газеты «Трудовая правда».

** Михаил Дудин (1916–1993) – советский поэт.

Зашел в столовую, пообедал и медленным шагом, прогуливаясь по пыльным колыванским улицам, по проспектам большой деревни городского типа, вернулся домой...

В квартире застал сидящего за столом и с хрустом жующего огурцы сына хозяйки моей квартиры <Юрия>.

Познакомились.

Из солидарности пришлось еще раз пообедать за компанию.

Потом немного побродили, поговорили, послонялись из угла в угол – как это часто бывает при не очень длинном знакомстве.

– На рыбалку, что ли, съездить? – пустил он пробный камешек. – Давно не был. Соскучился.

Я согласился. И мы, напихав рюкзак сетями и продуктами, захватив еще четыре удочки, бодрым шагом спустились к реке.

Открыв лодочный замок, спустили лодку на воду. Она была почти плоской и низкобортной.

Над рекой пролетал порывистый ветер, а Юрий мужественно греб одним веслом.

В середине этой утлой посуды смирно сидел хозяйский пес, который – как я понял из разговора – совершенно неожиданно уже несколько раз опрокидывал лодку, выпрыгивая из нее в реку.

Наконец мы пристали к берегу. Закинули удочки и перекусили.

Потом он поехал ставить сеть, поручив мне удерживать собаку. Добросовестно держал ее до тех пор, пока он не отплыл от берега. Как только он это сделал, я отпустил ее.

Она тотчас же бросилась за ним в воду Чауса, подплыла к лодке, намереваясь, очевидно, залезть в нее...

Отругав меня, Юрий вновь пристал к берегу и для страховки посадил в эту скорлупку еще и меня.

Мужественно борясь со страхом оказаться в воде и служа противовесом, я принялся помогать ему ставить сеть.

Мои усилия увенчались успехом – лодка почти до самой кромки борта наполнилась грязной речной водой, которая немного не доставала до наших колен.

Матеря лодку, ветер и меня, мой коллега-рыболов все же поставил сеть, чтобы периодически вытаскивать из нее мелких обитателей реки. Попались даже два относительно крупных щуренка.

Сообща, в нескольких местах изорвав сеть, но все же наловив себе на уху, мы двинулись обратно.

Дома решили поджарить пойманную рыбу, причем я давал практические советы.

Дожарить ее мы не успели – пришла (или приехала) хозяйка и захватила инициативу в свои руки.

Постепенно собралась вся семья, да еще вернулся квартирант, на месте которого я собираюсь жить.

Развернулся торжественный и веселый ужин (главное – сытный). Но, увы, жа-

реной, наловленной нами, рыбы с золотисто-красной хрустящей корочкой я так вволю и не попробовал...

29 августа 1966 г. Понедельник.

Вечером, когда возвращаюсь с работы, застаю здесь ту же компанию.

Юрию уехать в город не удалось. Мы вместе занялись перетаскиванием и складыванием заготовленных на зиму дров в поленницу.

2 сентября 1966 г. Пятница.

Утром ждал часа, когда немного просохнет дорога, – необходимо было срочно выехать на полевой стан второй бригады колхоза «Путь коммунизма».

Поехали втроем: кроме шофера еще один сотрудник редакции – заведующий сельхозотделом (Г. Кривонос).

Высадив меня на колхозном току, они уехали.

Побродил по току, понаблюдал за работой и понюхал удушливую пшеничную пыль.

На попутной машине я был «подброшен» на полевой стан. Ехал стоя, в кузове, с тремя молодыми парнями. Поговорили. Этим же занимался и на полевом стане: расспрашивал, интересовался, смотрел.

Жизнь здесь неважнецкая. Днем работают, а ночью спят или «дружат». Грязь и скука.

Материала и данных собрал столь мало, что даже не знал, что писать. Но угроза разгона от шефа и удивительная способность мыслить привели меня к критической статье.

Возвращался со стана на попутной машине. Было холодно и скучно ждать своего «лимузина». Ехал в кабине шофера. Машина везла зерно...

3 сентября 1966 г. Суббота.

– Просматриваю я вчера свежую «Молодость», – встретила меня машинистка Галя, – смотрю – твоя подпись...

Оказалось, что Галя прочитала и принесла мне небольшую полуинформационную заметку «По заслугам», о браконьерстве, которую я пару недель тому назад отослал в свою газету. Напечатали.

Главное – ни в коем случае не терять связь с моей газетой. Она интересна, красива и перспективна. Я не ограничился этой информацией. Сегодня отправил очерк о поездке в учхоз, обработанный и перепечатанный мной вчера. Специально даже опять принес на свое место жительства портативную пишущую машинку.

Когда я этим занимался, уже стояла ночь. Spidola* моего соседа создавала музыкальный рабочий колорит. Стол был завален рукописями, книгами... Матово-тускло поблескивала своим современным подтянутым телом печатная машинка. Я работал...

* «Спидола» – марка советских портативных радиоприемников, выпускавшихся с 1960 г. до начала 1990-х рижским заводом VEF.

Когда рабочий день закончился, я, подхватив принесенный в редакцию чемоданчик, сразу же отправился на тракт.

Сегодня мне положительно не везло. Простоял не менее двух часов, а машины по-прежнему проходили мимо нас. «Мимо нас» говорю потому, что был не один. Шагая по дороге в ожидании машины, я неожиданно встретил Галину Николаевну Некрасову. Ей было по пути. Она тоже в субботу, после работы, уезжает в город. Вот и сидели мы с ней, ожидая, когда остановится хоть одна из пролетающих мимо машин.

Вдруг вдалеке остановился какой-то нерейсовый автобус. До него было несколько метров, которые мы преодолели с быстротой превосходных спринтеров.

Отлично расположившись в креслах полупустого автобуса, мы, разговаривая о чем-то весьма и весьма незначительном, через два часа добрались до города.

Остановились почти у самого нашего дома.

Я вышел из автобуса и отправился домой.

5 сентября 1966 г. Понедельник.

Утро. Спокойный, немного прохладный день.

Сегодня мой путь лежал в комсомольскую организацию фабрики бытового обслуживания. Захожу. Знакомлюсь с директором. Он вызывает комсорга – молоденькую, около девятнадцати лет, девушку. Она немного перепугана. Еще бы, ведь я – из газеты...

Говорим. Дела здесь идут не очень хорошо. Из разговора я понял, что даже она сама собиралась уезжать отсюда, но потом всё же решила остаться... И, чуть ли не со слезами на глазах, просила зайти чуть позже:

– У нас обязательно будет всё хорошо...

Я решил немного подождать с этим материалом. Но ведь он уже запланирован... Пришлось искать замену, для чего с Осиповым выехали на нашей редакционной машине во Вьюны.

Несколько недель тому назад я уже упоминал о том, что там жил Антон Павлович Чехов. Было как-то приятно ходить по той земле.

С нами еще была Ганина. И вот, вдвоем с Осиповым, они повели представлять меня директору Вьюнского совхоза – Кукушкину.

– Пусть пишет, это хорошо, только пускай трепотней не занимается... – сразу же, не очень мягко, сказал он.

Ганина вступилась:

– Вы первый раз видите человека... Как вы можете так говорить?..

И тут разгорелся сыр-бор. Постепенно собралось человек семь руководителей. Кричали на всех работников редакции, хотя, по идее-то, надобно было кричать только на Дзогину, которая допустила глупейшую ошибку, извратившую весь материал, опубликованный по этому вопросу в нашей газете.

К спорящей группе подошел комсорг совхоза. Он так же, как и я, в разговор не вступал. Мы познакомились. И, тихо распроставшись, предоставив им право доругиваться самостоятельно, мы сели на мотороллер (я за его спиной, он его вел) и с ветерком помчались искать Майлова – интереснейшего старичка, как отрекомендовал мне его Евгений Иванович.

Долго мотались без результатов.

Ветер свистел в ушах от быстрой езды. Вокруг быстро и легко пролетали поля.

Наконец мы его нашли. Он был в саду. Я обратился к нему, попросив посоветовать, о ком бы можно было написать.

– Это хорошо, когда советуются, – заметил он, начиная размышлять вслух.

На время разговора мы вошли в сад, в малинник, где – если не вволю, то во всяком случае не так мало – поели сочной и пухлой красной малины. Весь день потом во рту не проходил мятный ягодный вкус с непередаваемым сладким запахом...

Потом ели облепиху, и Майлов прочел почти целую лекцию о ее пользе в борьбе против радиации.

Перебрав всех передовиков, мы не нашли никого, о ком бы можно было писать. По второму разу о комбайнерах писать не хотелось... Поэтому, поговорив с комсоргом совхоза, мы вновь оседлали его двухколесную машину и по накатанной почти до зеркального блеска дороге, через широкие раздольные поля, в которых ничего привлекающего внимание не было, мы помчались в деревню Таловку, где неожиданно встретили подъехавшего на машине Евгения Ивановича.

Он писал одно, а мне надо было другое, которое вновь не удалось.

Уже отчаявшись, мы вернулись с комсоргом во Вьюны, чтобы здесь я смог зайти в последний обнадёживающий пункт.

6 сентября 1966 г. Вторник.

Все шло отлично, но неожиданно произошла небольшая неприятность...

Вчера вечером хозяин привел своего друга, с которым <они> попробовали водки и закусили. Чтобы они не мешали, хозяйка отправила их на рыбалку. Взяв сети, они удалились.

Их не было всю ночь.

Утром хозяин квартиры возвратился. Его качало от изрядной новой дозы спирта.

Сетей и рыбы с ним не было.

Я бы не знал всего этого – спал я крепко, но меня разбудила их ссора. Хозяйка, натерпевшись и наволновавшись за ночь, осыпала своего мужа столь отборной и заковыристой руганью профессионала, что даже мне, уже выдавшему виды, стало не по себе...

Когда все улеглись, я, так и не доспав, поднялся...

В комнату вошла эта женщина-оратор. Протянув мне, по ее мнению, *непрожитую* тут мной, пятирублевую бумажку, она мягко намекнула, чтобы я покинул квартиру...

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь слушал наши матерки... – таков был ее козырь.

Я почти всегда бываю оптимистом. И вот вечером, уже после работы, я, вновь нагрузив чемоданы своими книгами, отправился на новую квартиру (еще слава Богу, она уже подыскала мне ее).

Итак, я опять праздную новоселье. Теперь моя жизнь потечет в обществе двух тихоньких старичков.

Теперь у меня не комнатка, а просто кровать, стоящая напротив печки (в кухне), да окно, заваленное книгами.

В одном углу кухни (она же прихожая) тусклым желтым пятном выделяется небольшая икона, полузакрытая белыми матерчатыми шторами.

Кровать еле втиснули в эту светлую кухоньку, едва ли не в самый «красный угол», головой под самую-самую эту икону.

В другой комнате стоит телевизор. Интереснейшее сочетание дедовского архаизма и современности.

...Журналист – человек без определенной профессии...

7 сентября 1966 г. Среда.

Днем не можешь никуда деться. Вертишься с этой работой, словно белка в колесе. Она захватывает, затягивает в себя полностью, отключая способность мышления. Очевидно, это явление временное. Нельзя, просто невозможно сосредоточиться. Мысли появляются какими-то обрывками, сталкиваясь и распадаясь. И нет никакой возможности остановить их, привести в порядок. Кругом хаос, хаос... И даже не верится, что где-то есть любовь, природа, музыка...

14 сентября 1966 г. Среда.

Утро. Завтрак в столовой. Ночью спал на хозяйской подушке, на которую вчера вечером натянул свою белую наволочку. Долго не решался этого делать. Боялся обидеть стариков. Свои они, очевидно, надевают только по большим праздникам. Но вчера все же решился...

...Почти до самого обеда слонялся по редакции, ожидая, когда соберутся все наши разъездные корреспонденты для очередной поездки по селам. Наконец дождался.

Поехали втроем: Евгений Иванович (кстати сказать, вчера в саду он сделал несколько моих фотографий), товарищ Геннадий Гаврилович Кривонос, шофер и я.

Мотались долго. За окном проносились села и деревни. На каждом ухабе нас трясло как в лихорадке, иногда на высоком бугре дно машины стучало о землю. В одной из деревень насмерть задавили курицу.

Птицы сейчас обнаглели. Все полевые дороги засыпаны зерном – результат небрежности, о которой говорилось и писалось немало раз. Этим-то зерном кормятся куры, гуси, голуби, воронье и всякая мелкая птица. От столь жирного корма они до невозможности отяжелели, и проходящим машинам приходится сворачивать с дороги, – птицы не собираются уходить. Но один раз свернуть нам не удалось. В результате обезглавленные останки курицы вылетели из-под заднего колеса, и обрадованный ветер разнес по полям окровавленные перья...

Ну, ладно! Хватит натурализма. Да здравствует реализм.

Пыль летала за окном машины и стекала за воротник.

Мы стали похожи... Вернее, ни на что не похожи...

После дня поездки, когда мы, с жалкими кучками данных, собрались во дворе

редакции, чтобы чуть-чуть отмыть с себя пыль, пришлось раздеваться до пояса и под шум ветра плескаться на кожу холодные струи колодезной воды.

15 сентября 1966 г. Четверг.

Ночью прошел первый осенний дождь, немного смочил пыльную землю. Последние теплые дни уже кончились.

После обеда он полил вновь, временами чуть затихая и разгораясь с новой силой. Чувствуется уже большая специфическая монотонность и тоскливость в самом его шелесте, в ударах измельченных почти до водяной пыли капель...

16 сентября 1966 г. Пятница.

Утром холодно. Выскакиваешь часов этак в шесть во двор по делу, в одних трусах, мечтая еще немного поспать. Но тебя сразу же словно ошпаривает ледяным дыханием осеннего утра.

Начало рабочего дня в редакции уже в полумраке. Скоро уже и домой будем ходить только с карманным фонарем.

Опять почти до обеда ждал без дела, когда будет готова машина (спустили колеса).

Наконец все было готово, и мы с Евгением Ивановичем, сев в машину, двинулись на поля, заехав в столовую.

Окружающие пейзажи иногда до невозможности унылы: вспаханные под зябь поля, а иногда – скошенная в валки пшеница. Редко-редко встречается еще и стоящая на корню. Урожай в этом году такой, что старожилы подобного не помнят. Все тока загружены им, а уже идут дожди.

Хлебоприемный пункт в Колывани завален хлебом.

План продажи зерна государству уже выполнен, но второй, а кое-где и третий план – лежит на току, в валках, стоит на корню... Если дожди не прекратятся...

Вернулись с тока и от бригад, где расспрашивал работающих о жизни и где за свой ярко-красный от холода нос, за блестящие очки и за надвинутую на глаза черную кепку получил характеристику – «шпион».

Взял материал об ученике одной из бригад. Буду писать о хорошем человеке. Наверное, завтра.

«Домой» принес печатную машинку и отпечатал для отсылки Евг. Иванову в «Советскую Сибирь»* несколько новых стихотворений.

Привел в порядок накопившиеся за полгода небольшие и большие стихи.

В редакции сегодня закрытое партийное собрание.

Евгений Иванович просидел на нем, а я прождал его до закрытия столовой. Но все же – наудачу – пошли. Успели.

Правда, ужина нам не хватило.

Собрав все, что осталось, нам все это так отлично преподнесли, что ужинали мы свободнее, аппетитней и веселей, чем всегда.

В редакции, как поздние ее жители, мы получили задание – откорректировать

* «Советская Сибирь» – крупнейшая газета в Новосибирской области (1910–1991 гг.). Евгений Иванов (1895–1973) – новосибирский прозаик.

вторую полосу воскресного номера. Отметив недостатки и ошибки набора, мы закончили свой трудовой день в редакции, чтобы продолжить его дома.

Чувство приближающейся зимы, перспектива поступления в университет или просто радость жизни?.. Очевидно, последнее...

Мотаясь днем по полям, я адски замерз, даже не верилось, что где-то – тепло, где-то может уютно гореть свет и можно читать что-нибудь интереснейшее... А сейчас перед самым сном делаю эти записи, сидя на кухне.

Хозяева только что истопили печку, посмотрели телевизор. И вот сейчас он куда-то вышел, а она стоит почти рядом со мной, занимаясь тем, что напихивает в женские капроновые чулки желто-белые головки лука. А образовавшиеся длинные <колбасы>, похожие на покрытые точками торпеды, развешивает на стенах моего «кухонного кабинета». Или – иначе: на десятки женских ножек, вздернутых над головой в ожидании живого движения. Луковый Мулен Руж.

Таким образом, во время работы я могу сосредоточенно наблюдать за ползающей по женскому чулку мухой, которой древнегреческие философы посвящали свои хвалебные трактаты.

17 сентября 1966 г. Суббота.

Небо покрыто серой водянистой пеленой.

Холодно.

Я, поживаясь, иду к конторе передвижной механизированной колонны № 169. Второй раз я здесь. И второй раз мне везет. Сегодня у меня задание – написать об одном лучшем комсомольце из этой организации. Я с ним знакомлюсь, говорим. Он меня водит по стройке, как когда-то водила Г. Некрасова.

Парень малоразговорчив, но зато в своих суждениях конкретен и самостоятелен.

Набрав впечатлений и фактов, я – с красным носом – возвращаюсь в редакцию, где начинаю писать небольшую зарисовку о нем.

Сдав материал ответственному секретарю, я, подхватив свой чемоданчик, направился в сторону тракта – ловить попутную машину.

Ждать пришлось долго.

Удалось договориться с одним из шоферов военной автоколонны, перевозившей зерно.

Дорога была нормальная, и мы спокойно ехали, разговаривая об охоте.

Впереди нас шла только одна машина – ведущая. Недалеко от Крохалевки (есть тут такая деревня) ее остановили милиционеры, то ли в целях профилактики-дезинфекции, то ли просто проверить документы. Она остановилась за мостом, в низине.

Наша же машина летела вслед за ней с горы на второй скорости.

Неожиданно увидев остановившуюся посередине дороги машину, шофер нажал на тормоза...

Они не сработали...

Я не видел лица шофера, наверное, оно побледнело...

Я успел заметить только, как он дернул руль влево, пытаюсь укло-

ниться от столкновения, но тут же повернул его обратно – там обрыв и река...

Я видел, как стремительно приближался задний борт стоящей машины.

– Держись! Сейчас ё...немся!! – крикнул шофер.

Как это сделать – я не успел сообразить. Мелькнули планки борта, раздался глухой удар, треск, звон разбитого стекла, скрежет...

Наступила моментальная темнота в нашей кабине... И на какой-то миг я потерял ориентацию...

Стало тихо-тихо.

И только из пробитого борта впереди стоящего грузовика шелестела высыпаящаяся пшеница.

Немного болел лоб и тупо ныла нога...

Выскочив из кабины, вернее, с трудом выбравшись из ее искалеченного подobia*, я увидел жуткую картину: мотор был полностью разбит и вдавлен внутрь, в то место, где сидели мы двое.

Очень многие тут же собравшиеся окружили место катастрофы, разговаривая о том, что – удивительно, как это мы живы, обычно пассажир (то есть – я) гибнет... значит, проживете еще сто лет...

Растаскивая разбитые машины в разные стороны, кто-то случайно уронил искру в разбитый бензобак. Он вспыхнул...

С криками:

– Туши, а то взорвется!.. – все бросились за водой и землей. Началась еще и борьба с огнем. Боясь угрозы взрыва, все забрасывали пламя землей. Я тоже делал все возможное...

Постепенно огонь успокоился.

Подобрали рассыпанную по дороге пшеницу, погрузили на попутный и пустой «газик».

Освободившись, я пошел искать машину, которая сможет довезти меня.

– Подвезете? – обратился я к одному солдату – шоферу этой же автоколонны.

– Нельзя, не разрешают, – задумчиво проговорил он. – Видел впереди машину разбитую... Хорошо, что там никого не было, а если б сидел пассажир?..

Я не стал его разочаровывать и побежал за машиной, которая шла до Чика. Кроме нее, мне пришлось еще, за неимением более дешевого вида транспорта, ловить случайно забредшее сюда такси – «Волгу».

С комфортом доехал почти до самого дома (это звучит как «верх благополучия»).

Итак, итог: три машины, два рубля и одна катастрофа...

Она дала моей мысли новое, неизведанное направление. Я понял, что из этой жизни можно уйти совершенно спокойно, неожиданно и незаметно для самого себя, оставив незавершенную работу, но уже не зная этого... И мне показались до невозможного мелочными все заботы, все прошедшие и будущие будни...

Вот когда мне стало страшно...

* Вылезал не со своей стороны – мою дверь сжало и заклинило, – но со стороны водителя, через перегородивший кабину руль. Кронштейн, регулирующий открытие лобового стекла, прошел в нескольких сантиметрах от моего лица, от правого глаза...

21 сентября 1966 г. Среда.

Машина редакционная свободна. Я – почти тоже. Результат: я и Кривонос едем в Пихтовку на два дня. Путь не очень близкий. Но мы <все равно> едем за несколькими строчками. Очевидец всегда лучше телефона.

Наш «Москвич» мчался, не замечая собственной скорости.

В первую мою поездку сюда вокруг машины мелькала яркая, сочная и однообразная зелень, а сейчас мелькает ярко-желтая листва берез и красноватые осины. Кустарник черный, сухой. Листьев на нем совсем нет, а потому он кажется диким пришельцем из сказки. Небо синее-синее. У Шишкина есть примерно такая же картина, но только – примерно.

Уже можно охотиться на косача*. Я заметил их в редком золоте деревьев.

Остановилась машина в центре Пихтовки. Я вышел из машины уже не как Колумб на неведомый берег, а как в давно знакомое село, хотя был здесь месяц назад, да и то всего один раз.

Было 5 часов вечера. Все организации уже закрылись, и мне ничего не оставалось делать, как сходить в книжный магазин, купить К. Чапека и две книги Рэя Брэдбери.

Немного почитав, сходя в столовую и поугав неопытного сельского жителя блестящими очками, копной взлохмаченных волос, кличкой «журналист», фотографическим аппаратом и вообще всем своим несуразным видом, я пошел устраиваться в гостиницу.

Мест, увы, нет. Я, увы, здесь ничего и никого не знаю... Но официальное звание и личная просьба уладили дело. Через несколько минут я безмятежно храпел на продавленной, как в одном из номеров «Ямы», кровати.

Кровать стояла возле темно-зеленой, масляной краской окрашенной стены, под бумажным плакатом с надписью «Пусть всегда будет солнце!» и с нарисованным на нем розовощеким малышом, ко рту которого кем-то из постояльцев был намертво приклеен окурок.

Мне рассказывали потом, что Фрида** была пленной немкой, сосланной сюда после войны, кажется за то, что работала надзирательницей в одном из немецких концлагерей.

Нежилая чистота простынь и подушек, кислый, всюду проникающий запах во Фридиной комнате внушали какое-то тоскливое и неприятное чувство.

Поразмыслив об этом, я постарался уснуть.

...Объявления:

«Продается корова со свежим молоком»;

«Столовой Пихтовского рабкоопа требуется подлинная буфетчица»;

«Здесь же можно приобрести и всякую другую нужность»;

«Здоровье ваше в ваших руках. При заболевании ангиной обращайтесь к врачу».

* Косач – тетерев-самец.

** Заведующая этим заведением, предоставившая мне место в своей комнате.

22 сентября 1966 г. Четверг.

Только проснулся и сразу же бросился по конторам, в поисках главенствующих лиц. Но – никого не нашел. Не нашел и секретаря комитета ВЛКСМ совхоза.

<Существование> с неприятным осадком на душе оттого, что, возможно, приеду в редакцию без материала, повергало меня если не в ужас, то в слишком плохое настроение. Но у настоящего журналиста не должно быть безвыходного положения. И хотя еще не причисляю себя к их разряду, но следовать такому принципу считаю не только возможным, но и нужным.

Не знаю, что бы я делал, но случай мне послал встречу с секретарем.

В эту вторичную встречу уже исчезла наполнявшая наш тот, последний разговор, официальность. Еще издали он заулыбался. Мы разговорились.

Исписав несколько листов своего блокнота, я закрыл его, и мы начали просто и по-товарищески беседовать.

Потом расстались.

Я зашел в столовую и стал в длинную очередь за обедом. Вновь подошел секретарь. Он принес уже новые данные, иногда почти полностью опровергавшие первоначальные. Это явление в период уборки урожая довольно частое...

А машины все не было и не было.

Поднялся ветер и заварил такую пыль, что через полминуты пребывания на улице она начинала хрустеть на зубах.

Подошла машина. Но она была полная: мой старший товарищ по работе товарищ Кривоносов возвращал свою семью из гостей.

Кое-как все уселись, и машина тронулась. Это продолжалось недолго – лопнуло колесо. Начав его клеить, мы с горечью смотрели вслед телегам, которые, нахально погромыхая, проползали мимо нас...

Вернуться мы должны были к обеду, но из-за колеса, а затем из-за отсутствия бензина мы вернулись в редакцию, когда она уже была пуста.

Чтобы отмыться от дорожной пыли, пришлось до пояса раздеться и мыться ледяной водой из умывальника.

Легкий ужин в столовой, после которого меня и Евгения Ивановича стало клонить в сон. Делая все возможное, чтобы не уснуть, мы купили билеты в кино на две серии «Горных мстителей». Захватывающий сюжет выбил из головы и из тела остатки сна, и мы после картины уже не клевали сонно носами...

По дороге шли девушки. Несколько цитат в их сторону. Несколько ответных в нашу. Оказалось, что они меня знают. Более близкое знакомство сегодня, случайно. До этого они видели меня на фабрике бытового обслуживания.

Все наше знакомство (с одной из них) закончилось (или началось?) провожением, длившимся до часу ночи.

Колывань – это не Новосибирск. Фонарей нет. И если я ее встречу завтра днем на улице, то вряд ли узнаю. За три часа знакомства я даже не запомнил лицо. Меня успокаивает лишь то, что и она не запомнила моего. Хотя я и был на их фабрике...

Н-да... Положение.

26 сентября 1966 г. Понедельник.

Так как материал, запланированный даже на пятницу, я уже сдал, то решил съездить в командировку. Пошел к редактору, он дал согласие.

И вот результат: мы, на нашей беленькой полированной машине, петляем и плутаем по лесу, в надежде наконец-то обнаружить дорогу, которая ведет в нужное нам село.

...Итак, мы все же добрались в Боярку (именно это нам и нужно было). Я остался один в селе и начал ждать комсомольского секретаря. Наконец-то дождался. По-знакомились.

Говорили о работе, о жизни. Говорили долго. Прошло три часа, а мы все беседовали.

– А я даже не заметила... – сказала она.

Мы попрощались. Разошлись. Контора опустела. Стало темнеть, и, наконец, небо покрылось черной пеленой. Пахло дымом – где-то горели лес и солома...

Я остался один. Ждал нашу машину. Уже стало совсем темно и холодно. Я продрог. Кроме того, в селе потушили (или отключили?) весь свет, и всё погрузилось в кромешную тьму... В желудке что-то урчало. Страшно хотелось есть; утром – сверхлегкий завтрак перед дорогой, фактическое отсутствие обеда – в пути, ужин, не состоявшийся совсем. Столовая была закрыта.

Голодный, замерзший до невозможности, с одеревеневшими ногами и усталостью во всем теле, я уселся на холодное каменное крыльцо конторы. Проклиная всю эту чертову романтику и собственную глупость, толкнувшую меня сюда... на стезю журналиста...

Решил: если до десяти часов вечера машины не будет (договорились ведь в шесть!), я плюю на все и пешком, по тракту, направляюсь в Колывань. Километров тридцать по ночным полям. И если где-нибудь не упаду и не собьюсь с пути, то к утру буду дома.

8, 8.30, 8.45, 9 часов – машины нет. 9.25, 9.30 – я начинаю нервно ходить по замкнутой траектории, с трудом разлепляя малоотдохнувшие за прошлую ночь глаза. В голове одна только мысль: «Куда я пойду?!».

9.35. Стена противоположного дома осветилась, и из-за поворота, по-домашнему урча и светя своими огнями в окружающей темноте, показался наш автомобиль.

Я облегченно вздохнул.

Дальше мне уже все было безразлично... холод, голод, темнота и скука одиночества. Я укутался в свой наполеоновский плащ, уютно расположился на заднем сиденье и, слушая легкую музыку, льющуюся из приемника в окружающий теплый уют, думал: «А все же жить хорошо. И журналист – это тоже отлично. Хотя бы тем, что непостоянство в нашей крови...».

11 октября 1966 г. Вторник.

Ночью замерз. Следующую ночь придется накрываться теплее. Очевидно, возьму второе пальто.

Пораньше пошел в редакцию, на «завтрак». Вот уже второй день мы питаемся

сверхлегко. Настоящая пища бывает днем, когда мы выкраиваем из нашего скудного капитала немного на обед в столовой. Это будет до субботы... А завтрак и ужин у нас состоят из воды обыкновенной, сахара, который я купил несколько дней назад и принес в редакцию. Хлеб покупаем ежедневно. Сегодня, например, Евгений Иванович купил свежую булку белого хлеба. Он хрустел и был теплый, мягкий и ароматный. За 15 минут – с сахаром вприкуску и с холодной водой – мы с Евгением Ивановичем уничтожили, то есть – съели эту булку хлеба полностью. Наелись, как никогда в столовой не наедались. Вот только бы ночью наши желудки не стали бы возмущаться.

14 октября 1966 г. Пятница.

Результат вчерашнего разговора: с просьбой не делать пометок на самих стихах – передал редактору желтую гербовую тетрадь со своими работами.

Вновь был в командировке. Сидоровка. Южино.

Машину растрясло. Еще бы: вчера была грязь, не пролезть; сегодня – мороз. Все схватило.словно камень. А у машины то и дело треск, – что-нибудь лопнуло. Насилу доползли до Колывани.

Был в животноводческих помещениях. Прямой коридор, составленный из коровьих тел. Хвосты повернуты внутрь коридора. Головы в кормушках. Автопоилка. Сует в тазик корова свою морду – давит клапан, – тугой струйкой бьет вода. Щекочет ей ноздри, но – можно пить. Мычание. То в одном, то в другом углу коровника.

Красный уголок. Пусто. Пара плакатов и... телята. Только что родились – несколько дней назад. Если их много – они лежат, (каждый) похож на взрослую спящую собаку. А если один...

Мы встретили одного такого. Увидев нас, он вскочил и принялся бегать вокруг... Попробовали погладить – отскочил. На лету повернулся задом и взбрыкнул ногой. Потом остановился и глуповато-удивленной мордой, шевеля своими глазами-лампами, покосился в нашу сторону. Чего, мол, надо?..

По центру коридора – углубления. В них желто-темная жижа, смешанная с соломой, навозом, сеном и силосом. А какой у силоса запах! Душный. Слишком пахучий. До такой степени, что дышать в помещениях почти невозможно. Я несколько раз думал, что меня стошнит. Но удержался в бодром духе, хотя вроде и опьянел... Да. Чтобы работать здесь, нужна большая привычка.

Холодно. А в машине, как дома. Уютно. Тепло. За окнами скука. Перепаханные поля. Стога. Голые, выглядящие сухими и мертвыми, деревья.

Редакция. Кабинет сельхозотдела. Я и Евгений Иванович. Ужин. Вода. Черный хлеб. Сахар вприкуску. Рассказы о жизни. Мой опыт слишком мал, чтобы я говорил об этом. Евгений Иванович вспоминал детство. Свой городок – Рузу, что под Москвой. Войну. Немцев. Виселицу и расстрелы. Ему тогда было около пяти лет.

– Я помню, – говорит он, – мы идем по дороге, я, мать с ребенком на руках... Вокруг – справа и слева – ямы. В них люди. Мертвые люди. Многие из них раздеты совсем или – в одних нижних рубахах... Их скрюченные ноги и руки торчат из ямы, полузасыпанной серым снегом...

И еще он говорил о своей жизни на Севере, о будущей жизни в Рузе, о том, что

в Москве он обязательно встретит Василия Пескова*, книгу которого «Белые сны» он мне сегодня подарил...

Сегодня же он уже совсем собирает чемоданы. Скоро его отъезд.

18 октября 1966 г. Вторник.

Пронизывающий до костей ледяной ветер. В такую погоду хорошо сидеть за своим письменным столом, писать, слушать музыку или, забравшись на диван с ногами, погрузиться в чтение... Но – у меня работа. И вот я бреду по пустынным улицам, придерживая раздуваемый на ветру воротник пальто... Холодно. Нос красный, а руки, похоже, заостенели...

На строительной площадке техникума. Разговор с двумя мастерами, с прорабом участка <Лапиным>. Лапин – человек с внешностью Пьера Безухова, только волосы зачесаны назад. В своих суждениях оригинален. Выяснял у меня:

– Вот вы собираете материал; а какой-нибудь штамп уже, наверное, готов?..

Летом он разъезжает на велосипеде. Только поблескивают стекла очков. Большой пессимист. И уже несколько раз, давая мне данные, рассказывая о своих людях, характеризует их – окрашивает в темные краски.

Растворобетонный узел. Грубый, из нестроганных досок, двухэтажный дом. Тарахтит бетономешалка. Где-то монотонно капает вода. На грязной скамейке, в комнате, в которой после улицы не сразу что-либо разглядишь, сидят мужчины и женщины в телогрейках и сапогах. Перекур. Несколько женщин лопатами перекидывают в бетономешалку песок.

Это была как раз та бригада, о которой я собирался писать.

Познакомились. Поговорили. Бригадира нет. За хулиганство сидит в тюрьме. Женщины на саморуководстве. Потом, когда узнали, что буду писать, подняли гам и шум:

– Не надо о нас писать, не заслуживаем...

– Писать, так обо всех. Все работаем...

– Не надо писать!

– Давайте скажем, чего ему надо. Зачем человека задерживать? У него – работа.

– Начальству виднее, кого хвалить. Говорит – «хорошо», значит – хорошо...

Но, как бы там ни было, – бригада мне понравилась. И в тот же день у меня родилась статья.

Вечер. Из редакции сразу домой не пошел. Задержался. Пошли в столовую с Евгением Ивановичем. Ужин. Мелкая переборка фразами с работниками столовой. Мы – знакомые. И как-то однажды мне без номерка отдали пальто:

– Я уже знаю, чье оно...

Потом по улицам к Дому культуры. Ветер так и не утих. Он рвет полы пальто, выдувая из него последнее тепло. Кино. Фильм – дрянь. Выходишь без мыслей и полуспящий...

Идем на почту. Евгений Иванович говорит с Рузой. С отцом. С матерью. Консультируется. Они говорят – приезжай...

* Василий Песков (1930–2013) – писатель, журналист.

Он <бы> рад. Хочет, но райком не снимает с учета.

Мы идем по улицам. Уже слишком поздно, чтобы я возвращался к старикам. Решаю переночевать в редакции. Сразу не ложимся. Говорим, обсуждаем, решаем. Всё. Завтра, несмотря ни на что, он уезжает, хотя собирался остаться здесь еще месяц. Отдает <чистую> бумагу для работы:

– Тебе нужнее...

Говорим о чем-то еще. Слушаем музыку... Долго-долго. Почти до двух часов ночи. Наконец засыпаем.

Ночью, сквозь сон, – шелест, невнятное бряканье, словно кто-то катает по полу кусок сухого и черствого хлеба. Догадываюсь: крысы. Специально шевелюсь на диване – трещат пружины. Звук, видно, их пугает. Тишина наступает вновь.

19 октября 1966 г. Среда.

Утро. Колхоз имени Кирова. Разговор с секретарем партийной организации, с зоотехником.

На улицы мягко и плавно опускается снег. По-зимнему пушистый и до невозможности настоящий. Погода влажная...

Евгений Иванович уезжает. С учета его сняли. Он рад – можно ехать. В одиннадцать часов уходит автобус.

Прощание в редакции. Отдел, где он работал, полон. Шутят, смеются, желают, прощаются... Кривоносов сбегал в магазин. На столе появляются бутылка водки и два яблока. Наливаются два стакана. Конечно, не полные. Один мне, другой ему. Выпиваем за дружбу...

И потом его уже нет. В столовую иду один. По тем же самым улицам, но – один... Тихо падает снег. Грустно. Расстался еще с одним другом. А ведь без грустных расставаний не бывает счастливых встреч...

22 октября 1966 г. Суббота.

Напишу-ка я этот день в виде хроники.

Итак: (эксперимент)

8 ч. 30 мин. – беру чемодан, прощаюсь с хозяевами, которые тоже едут, и ухожу в редакцию работать. Заметка рождается быстро, и к двенадцати часам я уже свободен. Кривоносов опять гонит меня домой, но вызвали к шефу:

– Завтра инвентаризация...

...и меня решено использовать, как гужевого транспорт... Не одна причина, так другая!.. Но факт остается фактом – я остаюсь.

Наши не беспокоятся: чуть раньше я предупредил их по телефону.

Разговаривая с ними в течение получаса, я наговорил на рубль... Да тут еще книги. В общем, денег до среды, когда меня обещали отпустить домой, почти не осталось...

В одиннадцать вечера укрываюсь своим пальто (натянешь на верхнюю часть тела – торчат ноги, закроешь их, становится совсем холодно, так как все остальное открыто) и ложусь спать на полу. Зато – на толстой общекомандировочной редакционной шубе, едва ли не на медвежьем меху...

Под головой – восемь громадных томов Малой <Советской> Энциклопедии, застланные плащом, который всю ночь поминутно сползал, обнажая острые углы обложки. Они вдавливались в шею так, что утром она не гнулась...

Выспался замечательно и – с паршивым настроением поднялся уже в

...Воскресенье. 23 октября 1966 г.

Пришли Ушаков, Щемелев и еще двое (то есть – все печатники, бухгалтер и бригадир из типографии). Мы с Володькой таскали длинные наборные кассы с тяжелым свинцовым шрифтом и кидали их... на весы. Ушаков взвешивал, остальные записывали.

Кончили быстро, но настроение не поднялось – больше делать было нечего: пустота! Или мне так казалось?

Бухгалтер предложила сложиться и... купить бутылку вина, если это мало, то – водки... Я отказался. Нервы не выдержали. Расстроил всю компанию и окончательно испортил настроение себе и окружающим.

Разошлись. Столовая. Я и Щемелев. Вдвоем обедаем, потом идем в кино.

Холодно. Мороз настоящий. Уже жжет уши, а короткий воротник пальто и полупетля кепка почти не греют.

Кино, что-то детское, цветное (красивое). Зал смеется, а у меня мысли:

– Зачем? Зачем я здесь, и как я сюда попал?.. Ведь все это слишком ненатурально, ненужно... Это одиночество, холод, мотание по Колывани без угла и ночи без сна... А днями – ежедневное выкачивание слов, которые меряются строками и сухостью... Зачем? Зачем нужна эта ложная романтика и это путешествие сюда? За сюжетами?.. Но ведь как хорошо жилось раньше. Так бы и продолжалось. И писал бы я по желанию, по любви, а не по обязанности... И вдруг опять: а о чем? Замкнутый круг какой-то...

Нет. Это не было малодушием. Малодушие, это когда бегут, когда уходят от трудностей, от жизни. Я просто пытаюсь разобраться: нужно ли то, что я сейчас делаю? Мои поездки, мотание без угла. Где логика во всем этом? И когда я смогу найти ответ на все это?..

Потом библиотека. Медленные, размышляющие шаги между стеллажами.

25 октября 1966 г. Вторник.

Материалы сданы почти все.

На улицах настоящий зимний мороз. Утром, идя на работу, я в своей кепке чуть не обморозил уши. Пальто продувало насквозь. Вдобавок, я потащил в редакцию полную сетку книг (начинаю переезжать!..), так что погреть уши руками, которые тоже не слушались, не сгибались от холода пальцы, не было возможности.

«Именно сегодня, – решил я, – необходимо ехать домой». Но только от одного мысленного представления – как ехать в такой мороз, меня бросало в ужас...

Но вот рабочий день кончился, и я, подхватив ждущие меня с субботы чемоданы, направился в сторону автобусной остановки. До прихода машины оставалось около часа. Было холодно и скучно.

– Эй, парень, тебе не в город? – окликнул меня подбежавший молодой мужчина в лохматой меховой шапке – водитель такси, как я потом узнал.

– В город, – ответил я. – Но только у меня всего полтора рубля осталось...

– Ладно, поехали... – решил он, а чуть погодя добавил: – Ты только тем не говори. Я с них по три рубля содрал...

«Те» – это были двое элегантных мужчин и старик на одной ноге. Вместо другой у него торчала деревяшка.

Тронулись... Дорога была новая, незнакомая. Ехали через бор. Сосны. Какие красивые, грандиозные деревья! Их чуть запорошило снегом. Особенно те, которые прижались к обочине дороги, на опушке.

Наша «Волга» неслась стремительно, виляя между стволами. Иногда ее задние колеса заносило в сторону... Неожиданно мы заехали не на ту дорогу, новая – привела нас в болото... Сверху оно было запорошено снегом, и от сегодняшнего мороза чуть-чуть промерзло. Поэтому некоторое время мы продвигались сравнительно легко. Но как только случайно колеса автомобиля сошли с колеи, он плотно и глубоко забуксовал, то есть – сел «брюхом» на снег.

Первым, узнавшим, что это болото, был старик. Как только он вышел из машины, его протез, проткнув слой снега и тонкий лед, ушел в грязь...

Топора не было. Руками выламывали сушняк – какие-то серо-черные колючие кусты. Ноги проваливались в снег. И очень скоро осенние ботинки, хорошие в городе, наполнились грязью и снегом. Ноги и руки замерзли окончательно... Вдобавок, когда начали поднимать и толкать машину, я голыми руками (перчаток не было) схватился за какую-то стальную часть ее корпуса. Руки как будто обожгло, а через минуту они примерзли к машине...

Наконец, с помощью домкрата, установленного на запасное колесо, мы поставили машину в колею. И медленно, задним ходом, она двинулась назад.

Чтобы не утопить ее вновь и хоть чуть-чуть согреться, мы шли впереди нее, показывая дорогу, прихлопывая руками, притоптывая...

Вынужденно почти танцую.

Наконец автомобиль развернулся, и мы двинулись дальше. А через час наш не совсем чистый черный «лимузин» мчался по улицам города.

Проехали мою любимую и такую красивую осенью тополиную аллею около «Сибсельмаша». Если бы я не знал ее и не любил, я просто не узнал бы ее... Она стояла серая и печальная. И, словно телеграфные столбы, с обнаженными стволами стояли деревья, лениво дожидаясь весны...

*27 октября 1966 г. <Четверг.> Колывань**

Икона, висящая в передней комнате (она же кухня и столовая). Держат ее мои старики, у которых я сплю на этой же самой кухне, очевидно, из страховки: а вдруг!?!..

29 октября 1966 г. Суббота. <Колывань>

Водили меня показывать рекомендуемую квартиру.

Полуразвалившийся домишко; комната, очевидно, парадная, там, где я буду спать; кухня, в ней две кровати – хозяйки и ее сына; печка, полати, грязь. Много

* Наверху – карандашный рисунок иконы.

какого-то совершенно ненужного, по моему мнению, хлама. И опять в углу икона. Но уже другая, не та, которая у моих стариков и которую я срисовал.

Обдумывая, переходить или не переходить в эту квартиру, я решил остановиться на последнем. Но от увиденного у меня что-то слишком грустно стало на душе и искренне не хотелось ничего делать.

Пошел в колхоз имени Кирова, но, выйдя из редакции, направился в сторону реки – к обрыву. Скаты берега уже были покрыты пятнами снега. Небо было серое, влажное...

Просидев на берегу около получаса и приведя в порядок свои грустные мысли, я направился в правление колхоза. По дороге включил «Алмаз»*. И долго бродил по улицам, слушая музыку.

Потом – правление. Разговор с партторгом, который направил меня на вторую ферму. Скотные дворы. Солома. Запах силоса. Стоящие и лежащие коровы. Больше никого не было видно. Зашел в красный уголок. Узнал, что это такое... Поговорил со скотником, узнал у него (он только что подошел) – как он работает на ферме.

Потом столовая. Купленный в киоске «Советский экран». Библиотека, в которой я брал некоторые фамилии, связанные с колхозом имени Кирова.

Книжный магазин и несколько отложенных книг – до будущего посещения.

Редакция. Кривонос берет фотоаппарат и предлагает мне идти с ним к памятнику жертвам кулацкого восстания, куда он отправляется. Я соглашаюсь. Идем по улочкам Колывани.

Лужи. Снег. Маленькие домики – сутулые и горбатые. И вдруг, среди всей этой мелочи, торжественно и горделиво поднимается церковь Александра Невского**.

Красивое двухбашенное сооружение. На одной из них виден не снятый во время войны колокол.

Обходим вокруг церкви. Красиво. Плиты, устилающие двор, в промежутки между которыми втерлись полосы увядшей травы... Красиво...

Все кругом закрыто. И вовнутрь – не попасть.

Мы обошли ее кругом, разглядывая старинную кладку стен и всматриваясь в далекие голубоватые кресты, венчающие купола.

После закрытия (причина – противопожарного бассейна не отырили) прошло уже несколько пустующих для нее лет...

Одно время ее хотели использовать в качестве музея, но основные московские церковные власти не разрешили. И вот она одиноко и пустынно торчит на одной из Колыванских площадей, закинув далеко ввысь свои голубые шапки-купола, увенчанные крестами. А с ее пыльных карнизов при каждом шелесте деревьев слетают стаи голубей...***

* «Алмаз» – портативный радиоприемник, выпускавшийся с 1964 года в Ленинграде.

** Храм во имя благоверного князя Александра Невского был построен в Колывани в 1882–1887 годах и освящен 4 декабря 1887 года. В 1934-м был закрыт, вновь открыт в 1946 году и окончательно закрыт в 1962-м. В 1990 году возвращен Церкви; в настоящее время – главный храм Александро-Невского Покровского монастыря.

*** Из поздних записей о том посещении: «По прислоненной лесенке забрался на крышу придела, с нее – по другой, настенной – еще выше. Сквозь выбитые стекла глянул внутрь, в пустоту вышелушенного изнутри храма. Ее гулкая глубина пахла тленом, сыростью и голубиным пометом. Честно сказать, – я не знаю, как пахнет тлен. Наверное, – смертью, синюшными пятнами загнивающего тела...

<На отдельном рисунке:>

Колыванская церковь имени (так!) Александра Невского. ...Исполком хочет открыть в ней музей, но московские церковные власти не разрешают, но зато они хотят возобновить в ней службу, чего не разрешает исполком.

Так и стоит это здание с облупленными стенами и необъятными окнами, пряча за оградой исписанные мальчишками стены. ...От этой церкви пахнет чем-то древнерусским, тяжелым и настораживающим... Особенно когда бродишь вокруг этого старого здания, трогая потемневший от времени кирпич стен, сложенных еще когда тебя не было на свете. А на сердце такое ощущение, словно ты прикоснулся к чему-то высокому-высокому, к чему-то непостижимому... И становится страшно перед этой красотой и перед этой тайной времени.

<Дописано внизу>

P.S. Август 1969 г. Был в Колывани. Купола сняты, снесены: петля и бульдозер. Сделано ночью, грубо и нетактично. И сей рисунок стал историческим. Жаль красоты и старух.

31 октября 1966 г. Понедельник.

В райкоме. Узнаю о праздновании годовщины комсомола. Вроде и лиц официальных понасадили, однако об исполнении данного слова у большинства здесь нет и представления. Пример? Васильев – один из секретарей райкома. Дал слово, что напишет статью – не написал (!); что дождется меня, чтобы передать ее мне, – конечно, не дождался и сбежал («по делам»).

Я дождался. Поймал его. Перед этим ему звонила заведующая партийной жизнью, заместитель редактора П. Ганина. В общем, настроение ему было испорчено...

Статью все же получил. Но – не от него, да и то с большим опозданием. Из-за этого поругались с Дзогиной, исполняющей обязанности ответственного секретаря.

4 ноября 1966 г. Пятница.

...Оба материала теперь лежат у меня в столе. Их не приняли.

Оказалось, что в обоих я взялся за слишком объемную тему, которую можно еще интереснее и расширеннее переработать.

В редакции все ходят злые. Номер задерживается. Кривоносов бегаёт из отдела в отдел и нервно утверждает, что, все-таки, перейдет на радиовещание:

– Ведь правда?.. Ведь я ничего не потеряю?.. Два раза в месяц... Свобода выбора материала. Собственная инициатива... И оклад тот же... И, главное, не буду копать-

Из церкви все выгребли. Ее раздели и, бросив, оставили самостоятельно умирать.

Испуганные голуби металась мимо лица, дергаясь от стены к стене.

Лестница скрипела, трещала, грозила обломиться и рухнуть вниз...

Сойдясь в летучую кучу, голуби вдруг облаком пыли и перьев бросились на прорыв через мое окно.

Отшатнулся, но устоял...

Потом, уже снизу, от земли, еще немножечко постоял, слушая, как черная пустота брошенного храма во имя благоверного Александра Невского, еще долго не успокаиваясь, шуршала встревоженными крыльями никому не нужной истории».

ся в этом говне, выискивая золотые крупинки и портя себе нервы. Ведь правда? Нет, я ничего не потеряю?

Все поддерживали его рассуждения и согласно кивали головами. Кивнул и я.

...Еще один претендент, приехавший к нам в редакцию, отпал как непригодный. Очевидно оттого, что сюда бежит только *патриотическая* молодежь, а нормальные люди предпочитают не устраиваться на эту работу, где в течение суток из них могут вытянуть все жилы и нервы... и при этом забраковать и просто убрать твои заметки, так как <на их место> уже помещены материалы ТАСС.

Но, очевидно, именно в этом и заключается вся прелесть работы журналиста. Ее настоящая трудность. Вот как у меня, например. Три дня бегал. Намерзся. Проклял всех святых и грешных. Абсолютно не выспался и, кажется, простыл... И ценой этих усилий я создал два очерка, которые... не пошли в номер и вернулись на доработку.

14 ноября 1966 г. Понедельник.

Днем «бегал» по поселку – добывал материалы. Это началось во второй половине дня, всю же первую половину пытался добраться в Колывань. Два автобуса ушли переполненные. А третий, попутный, пошел так поздно, что мне совершенно не нужно было вставать в шесть часов утра, чтобы по заснеженным улицам, чуть ли не единственным не спящим человеком в городе, добираться до автовокзала. И вот, я еду. Билетов с местом не досталось. Все три часа дороги полувисел, полустоял, используя для этих целей руки и ногу, – удалось примостить только одну, чтобы поставить вторую – не нашлось места: все было завалено какими-то узлами, мешками, чемоданами и различным геодезическим оборудованием.

Перед самой Колыванью, в степи, наш автобус глубоко засел в снегу. Ночная метель замела всю колею. Легковые машины даже не рискнули выехать в эту сторону. Мы выехали и... Мужчин ехало много. Когда мы все вылезли и навалились на машину, она быстро начала вылезать из снега, выбрасывая его плотные комья надсадно вертящимися колесами... Но тяговая живая сила перестаралась. Мы не только вытащили громадный автобус, засевший в сугробе, но и моментально спустили его с обочины дороги... Это удесятерило труд, необходимый для дальнейшего откапывания машины.

...А кругом степь. Метет пурга. Вдоль еле видимой дорожной колеи, на одиноко стоящих столбах, гудят провода. Их звук похож на тоскующий голос органа...

А со всех сторон – непрерывнодвигающаяся снежная муть, затянувшая все кругом в серо-белую, бьющуюся колючую пену.

Пурга смешала небо и землю. Все кругом слилось в единое гудящее полотно. И как одиноко выглядел наш, засевший в снегу, автобус и горстка копошащихся вокруг людей...

Точно такую же картину пришлось мне сегодня увидеть несколько позже, когда я один шел сквозь заметенную степь к одиноким зданиям какой-то организации, где хотел брать очередные необходимые данные...

22 ноября 1966 г. Вторник.

Как не хочется вставать в половине шестого утра... Об этом знает, наверное, лишь тот, кто вставал так рано. Непривычно. Идешь к автовокзалу по пустынным улицам. Красиво. Холодно.

На автовокзале, до которого я добрался сравнительно быстро, автобуса не дождался. Подошел шофер такси. Предложил ехать. Опять три рубля, но зато комфорт, быстрота. И на работу не опоздаю.

Мчимся быстро. На поворотах нашу «Волгу» мотает по скользкой накатанной дороге. Машина пытается стать боком к мчащейся навстречу машине. Шофер держит руль – ее заносит в другую сторону... Еще немного, и... кое-как удалось выровнять. Встречный автомобиль со свистом пронесется мимо... Все. Проскочили...

Нет. Опять. Встречная...

За окнами мелькают заснеженные сосны. Сначала пушистые, они в глубине бора покрыты зеленью только сверху – стоят слишком близко. И разрастись-то негде...

Один раз, уклоняясь от встречного автомобиля, засели в снегу. Вылезли. Нас было трое, не считая шофера и женщины в кабине. Тащили завязшую автомашину. Опять дорога. Сосны...

Наконец проскакиваем кордон, и вот уже видна в предрассветной серости церковь.

Колывань...

Редакция. Пусто. Еще слишком рано. И, кроме уборщицы, никого нет. Первым приходит один из печатников, а потом и все остальные...

Заполняю данную шефом какую-то «карточку учета журналиста». Эта бумага придает мне некоторую долю уверенности в себе. Еще бы. Ведь я называюсь (уже официально) журналистом! Это что-то вроде камня, завалившего отступление с избранного пути...

Разговор с шефом. О работе. О моем уходе. Я начал этот разговор. Он торопится (в 10 начало партийного бюро). Он недоволен. Критикуя меня за множество допущенных по неопытности ошибок, он, в то же время, не отпускает:

– Пока я вас не отпускаю...

Теперь недоволен я. Он уходит на бюро, а у меня испорчен весь день. А тут еще спать хочется.

Обед. Иду на свою квартиру. Пробую читать – закрываются глаза. Дожидаюсь ухода на работу старухи-хозяйки (при ней неудобно) и, не раздеваясь, ложусь на кровать. Час... второй... Слава Богу, что день у нас не нормированный, И я имею хоть малую возможность отдохнуть, подремать.

Встаю неохотно, но бодрее и злее. Брызгаю на лицо холодной водой и, решив искать материалы для газеты, иду на маслозавод. Знакомлюсь с людьми, которые заинтересованно показывают мне цехи своего предприятия. Здесь делают масло, здесь сыр... Грязно. Или, может, так надо. Наверное, нет. Если бы я не любил так сыр, я бы, наверное, бросил его есть после знакомства с производством.

В конце концов, этот поход на завод превращается в экскурсию. А я, в не очень чистом белом халате, напоминая профессора медицины, – в роли экскурсанта...

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...

В редакцию опять без материала. Кривоносов злится. А я неожиданно радуюсь. На меня вдруг находит твердость и уверенность – уволюсь!

Шеф вернулся. Он уже рад. Кажется, его просьбу об увольнении не отклонили. Он тоже хочет уходить.

В это время я и подаю заявление об увольнении. Он улыбается и прячет его в ящик своего стола. Принял!

Итак – это уже надежда.

23 ноября 1966 г. Среда.

Вчера думал, что сегодня удастся съездить в откорм-совхоз в Южино, но не удалось. В ПМК*-169, с которой я договорился, машины не пошли – занесло пургой дорогу.

– Можешь радоваться, – недовольно сообщил мне сегодня Г. Кривоносов. – Мы вчера обсудили и решили отпустить тебя...

Сегодня же он (третий человек в эти дни) тоже решил подать заявление об уходе с места работы, в связи с чем имел крупный разговор с Ганиной (кстати сказать, она отказывается от должности главного редактора). Она сказала, что этот вопрос – об уходе – может быть решен только на партийном бюро.

Чтобы не сидеть без дела, я решил сбегать в различные учреждения, так или иначе связанные с моим отъездом. Зашел на почту. Вызвал по телефону маму. Поговорил. Она беседовала (так же, по телефону) с женщиной-редактором, которая, как ей показалось, не против взять меня в штат своей газеты. Редактор на днях едет в редакцию «Молодости Сибири», где непременно поговорит обо мне с Галиной Шпак**. Интересно, каков будет результат?.. А он должен быть не позднее 1 декабря.

Да и что тут говорить. Сегодня я порвал последние нити, связывающие меня с Колыванью.

(Продолжение следует)

* ПМК – передвижная механизированная колонна, ремонтники.

** Галина Антоновна Шпак (1931–2009) – журналистка; в 1966–1967 годах – сотрудник газеты «Молодость Сибири», затем многолетний сотрудник газеты «Наука в Сибири».

Дильбар АБДУРАХИМОВА

«Целый фибровый чемоданчик сахара-рафинада...»

Из воспоминаний

Детство и школа

Я родилась 1 ноября 1942 года в Ташкенте. Не знаю, произошло ли это в ночь на 1-е или на 2-е ноября – мама родила дома при свечке. Почему родилась не в роддоме, не знаю: мама говорила, что тогда многие рожали дома. Может, Адыла, старшего, не с кем было оставить...

Игрушек в детстве я не помню. В памяти осталось, как Адыл с другом возили меня в детской коляске по городу, накрыв ее покрывалом и пообещав мне что-то показать. Для него с другом это было развлечение. В детский садик я ходила, но недолго.

В послевоенные годы с продуктами было очень плохо. Сливочное масло, сахар, мука, белый хлеб – все эти продукты были в дефиците, за всем надо было стоять в очередях. Мама брала меня с собой в гастроном на улице Пушкинской* и там «пихала» то в одну очередь, то в другую. Хорошо помню лицо директора этого гастронома (один глаз у него косил); он тоже узнавал меня в очередях.

В школу я пошла, когда мне было неполных семь лет. Я была совершенно не подготовлена к школе, и мама со мной мучилась, даже хотела меня забрать из первого класса. Но к концу первого класса все пришло в норму, и наша учительница Мария Федоровна отпустила нескольких девочек, в том числе и меня, на летние каникулы пораньше. Кстати, в первый класс я пошла без школьной формы, так как у родителей не было средств на ее покупку.

Я училась в школе № 44. Начальные классы школы были на улице Гоголя**, около кинотеатра «30 лет комсомола» (сейчас его уже нет), а старшие – там, где располагался прежний «Детский мир». Школа была женская. Лидером в классе я не была, председателями класса по очереди были то Вера Мокшина, то Нина Акен-

* Ныне проспект Мустакиллик. (Здесь и ниже – прим. ВС).

** Ныне ул. Я. Гулямова.

тьева. Вера до окончания школы и потом была моей подругой. В шестом классе мальчиков объединили с девочками, и я перешла в школу № 50, поближе к моему дому, на улице Хорезмской*. В этой школе учился Адыл, ее же окончили мои младшие сестра и брат, Лола и Аскар. Школа существует до сих пор. Когда мальчиков объединили с девочками, мы думали, что мальчишки не будут хулиганить, стесняясь девочек. Но не тут-то было, никто никого не стеснялся!

Пока я училась в школе, ни в каких кружках не участвовала. Пыталась заниматься спортом, в старших классах поступила в велосипедную секцию вслед за своей подругой Надей Иноятовой, жившей по соседству, мы с ней ездили на велосипедах по Луначарскому шоссе**. Потом я бросила эту секцию, а Надя участвовала в Спартакиаде школьников в Москве.

Еще помню, как в младших классах пошла в центральный Дворец пионеров (дворец Великого князя Константина Романова), там было очень много кружков. Походила я по дворцу, постеснялась к кому-то обратиться... и с этим ушла. Я завидовала тем, кто занимается музыкой и ходит с черными папками. Потом стала ходить на дом к учительнице музыки заниматься на фортепиано. Мои занятия продлились недолго – дома у нас пианино не было, да и хотелось подольше играть на улице. В основном на улице играли в казаки-разбойники. У соседского мальчика был велосипед, и он давал нам иногда на нем покататься. Летом тайком бегала на озеро в парке Победы купаться, там научилась плавать.

Читала я в детстве мало. Помню, как мне дали на один вечер книгу Беляева «Голова профессора Доуэля», и я читала ее при свете керосиновой лампы, света в тот вечер не было. Еще помню, как зимой каталась на коньках своего старшего брата Адыла. Я прикручивала коньки веревками к ботинкам и каталась по заледевшим дорогам, по улице Первомайской***, пока по ней не пустили трамвай.

На Первое Мая мне всегда шили новое платье и у меня были новые туфельки. Мама пекла рулеты с орехами и ватрушки с творогом. Вот это был праздник! У нас, детей, была традиция на Первое Мая пробираться к «Красной площади» (на самом деле площадь носила имя Ленина), где проходили демонстрации. Все улицы на подступах к площади были перекрыты грузовиками, мы пролезали под ними, пробиравшись к Пушкинской, а там вставали в колонны демонстрантов и шли с ними.

В восьмом классе мы поехали на хлопок. Жили в школе, спали на полу в классе. У нас был патефон. Мы, все восьмиклассницы, повлюблялись в старшеклассников, живших неподалеку. К Рите Хачикянц, моей подруге, приехал папа, привез курицу и ящик с минеральной водой, мы пировали. С Ритой мы дружим и сейчас, она стала очень хорошим стоматологом, я часто обращалась к ней за помощью.

Наш двор был по улице Первомайской, дом № 33, около Главпочтамта. В соседнем дворе показывали диафильмы, телевизоров почти ни у кого не было.

Раньше все квартиры в нашем дворе принадлежали Ашхен Каприеловой, которая жила с мужем-инвалидом и двумя детьми, Элей и Альбертом. После революции ее уплотнили и комнаты раздали таким, как наша семья. Через стенку от

* Ныне ул. Истиклол.

** Ныне ул. Буюк Ипак Йули.

*** Ныне ул. Шахрисабзская.

нас жил брат Ашхен Николай с женой Ниной и дочкой Жанной. Рядом – бабушка Джаваир с дочерью Норой, тоже армяне. Еще были две еврейские семьи. Тетя Мура (Мария Дмитриевна Грамотович) и дядя Стива, и две их дочери. Тетя Мура была главврачом детской поликлиники, в которой наша мама во время войны работала санитаркой. Другая семья – тетя Клава и дядя Гриша, они были бездетные. Тетя Клава была высокооплачиваемая портниха, шила на дому. Она сшила мне белое платье на выпускной вечер. Дядя Гриша вел все домашнее хозяйство и работал надомником – подшивал на швейной машинке газтовые косынки, которые тогда были в моде. Ножная швейная машинка стояла летом во дворе, и он целыми днями строчил на ней. Он покупал на базаре живую курочку, откармливал ее на задворках нашего двора, потом собственноручно резал. Семья была обеспечена куриными бульонами, иногда стакан бульона доставался нашему Аскарю.

В нашем дворе канализации не было. В углу двора был туалет, посреди двора – водопровод; даже зимой мама полоскала белье под краном. У нашей семьи была одна комната и застекленная холодная терраса. Зимой мама топила углем печку-буржуйку, на которой можно было вскипятить чайник. Обеды варили на примусе, который заправлялся керосином. Часто с улицы слышался крик: «Керосин!»...

Купаться мы ходили в общественную баню на улице Широкой, параллельной нашей Первомайской. Ходили со своими тазами, приходилось долго стоять в очереди. Позже появились Центральные бани рядом с театром Свердлова*, с душевыми кабинками и ванными комнатами. Мы в эти бани не ходили, это было дорого для нашей семьи.

В 1957 году мама устроилась работать техничкой в Союз писателей, он находился прямо на нашей улице, напротив нашего двора. Мы ходили туда на елки и утренники. В Союз часто приезжали известные писатели и поэты. Поэт Михаил Светлов подарил Лоле книгу своих стихов с надписью «Милой Лоле от комсомола»; к сожалению, эта книга потерялась.

Кроме работы в Союзе наша мама работала поденно в чужих семьях: убирала квартиры, стирала белье, таскала уголь, не гнушалась никакой работой... Зарплата у папы в школе была небольшая, а семья большая – четверо детей.

Лето мы проводили в детских санаториях, в основном в санатории «15 лет Узбекистана» на Кукче. Путевками нас обеспечивала тетя Мура, за это мама обслуживала их семью, обстирывала, доставала дефицитные в те годы сахар, муку и пр. Когда Аскар был маленький, то на вопрос, что он любит кушать, отвечал: «Суп картошка и чай с сахаром».

Он окончил Ленинградский институт киноинженеров, пятнадцать лет был директором Узбектелефильма, затем преподавал в Институте связи. Сейчас на пенсии.

А старший брат, Адыл, был стилигой, у него были длинные волосы, которые он очень холил. Маме это не нравилось, и она все время говорила Адылу, что укоротит ему их, когда он будет спать. И Адыл спал с сеткой на голове, берег свои волосы от маминых посягательств... В школе он учился хорошо, окончил ее с золотой медалью и поступил в Москве в МГИМО – самостоятельно, без всяких связей.

* Концертный зал им. Я.М. Свердлова. Ныне здание Республиканской фондовой биржи.

У меня появилась подруга из ГДР, Беата Шадевальд, с которой мы переписывались. Я ей послала по почте томик Гоголя из пятитомного собрания сочинений, которое мне подарил наш сосед по двору. Адыл сказал мне, что нельзя разбивать собрание сочинений, но я не послушалась. Помню, Беата прислала мне красивую заколку для волос... Позже я прервала эту переписку без всяких причин. Беата продолжала мне писать, не поняв, что случилось и куда я делась. Мне стыдно, когда я вспоминаю об этом.

В соседнем с нами дворе жила семья Тишлер. Лиля – моя ровесница – училась в школе № 44. Она много читала, занималась математикой по ВУЗовским учебникам. Элла, ее сестра, была на год старше. Их мама, Ольга Трофимовна, преподавала в школе, в которой я проучилась до 6-го класса. Семья была образованная, и меня тянуло к ним. Ольга Трофимовна опекала меня, подарила мне школьное платье. Но она была несколько неуравновешенная: то привечала меня, то отталкивала. В этом доме я в первый раз услышала на пластинке 1-й концерт Чайковского для фортепиано с оркестром. С этого началось мое знакомство с классической музыкой и любовь к ней. К Лиле часто приходили одноклассники, собирались у нее во дворе в палисаднике. Меня туда не звали, хотя очень хотелось попасть в их компанию.

У нас на улице был турник, и мы крутились на нем, делали «солнышко». Лиля тоже попыталась, упала и сломала ногу. Прибежал ее папа, подхватил ее под коленки и понес домой. Вот так печально кончились Лилины занятия на турнике.

У Лили в классе был очень сильный учитель по математике – Игорь Абрамович*. По вечерам он играл на скрипке в кинотеатре перед киносеансами. Лиля меня звала перейти в ее школу, так как у нас математик был слабый, но я не перешла: я не способна была на такие крутые меры, как смена школы. Зато у нас был очень хороший учитель по физике Лев Меерович Рудницкий! А наш классный руководитель, учитель географии Николай Николаевич Федяй обожал нас. Жена его преподавала химию в нашей же школе, своих детей у них не было, и они всю любовь дарили нам. Николай Николаевич говорил нам: «Вы забудете, что такое пассаты или муссоны, вы забудете то-то и то-то, но где какая страна и какая столица этой страны – вы должны запомнить на всю жизнь!». И я прекрасно все это помню до сих пор... В 10-м классе классным руководителем у нас был Юлий Моисеевич Шваб. Он никогда не ругал и не отчитывал, утихомиривал одним взглядом. Один раз я решила прогулять школу, пошла в парк, посидела там на скамеечке. На следующий день он быстро вычислил, что это был прогул. Не упрекнул, не отчитал, но мне было стыдно от одного его порицающего взгляда.

Когда Адыл после окончания МГИМО поехал в Ирак в качестве переводчика, он очень помогал нам. Дома появились холодильник «Саратов», приемник с проигрывателем. Мы слушали пластинки Элвиса Пресли, Пэта Буна. Телевизора у нас не было, он был у соседей, дяди Гриши и тети Клары. Комнатка у них была маленькая, поэтому смотрели мы его через зарешеченное окно.

Помню, как с Верой Мокшиной бежали, боясь опоздать, к другой нашей однокласснице Вере Тарасовой, у которой был «телек», на аргентинский фильм «Моя бедная любимая мать».

* Известный преподаватель математики И.А. Дорфман, работавший в 110-й школе.

Еще помню, как Вера ела в школе на переменке бутерброд с колбасой. Как же и мне хотелось такой бутерброд! В нашем доме ни колбасы, ни сыра не бывало... Правда, всегда были горячий обед, чай с сахаром и сливочное масло. Мама летом варила варенья, баллоны с вареньем прятала до зимы в сундук, который жив до сих пор.

Родня

Летом мы часто ездили в кишлак Икан в Южном Казахстане, где жили все папины родственники. Спали во дворе на супе под пашшахоной*. В кишлаке я частенько каталась на ишаке, за что иканские тетушки прозвали меня «Дильбар, ишакка минган» («Дильбар, оседлавшая ишака»). Как-то Адыл ехал на каникулы домой из Москвы через Туркестан и привез угощение – целый фибровый чемоданчик сахара-рафинада. Вспоминаю наши поездки в Икане на ферму к пачче (папин дядя), пили там свежее молоко, сливки. Спали прямо на земле, на кошме из овечьей шерсти. Пачча рассказывал про свою поездку в Москву. Его послали туда на ВДНХ как лучшего дояра. Самим ярким воспоминанием о Москве у него было мороженое.

Еще мы летом часто ездили в Такели, рудник под Ленинабадом (ныне Худжанд), где жил дедушка Бектемир – мамин папа. Они с женой жили в доме барачного типа, в двух комнатах, кухня была рядом в кладовке. У деда было много баранов и уток, неподалеку – сарай для животных. Я собирала в фартук утиные яйца. К нашему приезду всегда была готова большая канистра сгущенки и полный ящик карамелек. Воду на руднике давали по часам, и надо было успеть заполнить бочку питьевой водой. Фрукты привозили один раз в неделю.

Мамина мама, аби, жила под Ташкентом, в поселке Зангиата. Они с дедом снимали комнату в узбекском доме, был и маленький дворик. Мы часто ездили к ним в гости. В памяти осталась комната с узбекскими нишами, в нишах – заполненные конфетами чайники, которые мы опустошали по приезду. Аби варила на керосинке очень вкусный суп, была чистюля, вафельные полотенца у нее сверкали белизной. Землю во дворе она затирали глиной, никаких выбоин во дворе не было.

Аби Марьям трижды была замужем. Моя мама, Кафия, была ее дочерью от первого брака. Она родилась 3 января 1925 года в селе Зайпакуль Башкирской АССР. Когда ей было восемь месяцев, дед Бектемир и аби Марьям развелись. Дед был крутого нрава, и аби – тихая, кроткая, – все же не ужилась с ним. Маму воспитывали ее бабушка Зурани (мама деда Бектемира) и сестра деда Миннихаят-опа. Жила мама с ними до десяти лет. Она работала в колхозе водовозом, возила воду на лошади. Когда дед Бектемир переехал из Башкирии в Узбекистан, он забрал нашу маму к себе. До 1940 года мама жила с отцом и мачехой недалеко от Карши.

Наш папа, Дадахан Абдурахимов, родился 31 июля 1909 года в селе Старый Икан Туркестанского района Южно-Казахстанской области. Потом его родня переехала в Ташкент. Папина мама (ая) со своим мужем – дедом Бахромом жили в собственном доме на Себзаре. У них был большой дом, комнаты располагались по

* *Суна* – глиняное возвышение во дворе для сидения или лежания. *Пашшахона* – марлевая накидка от комаров и мух.

периметру двора, и у каждой был отдельный вход. Второй этаж – это была балахона над всеми комнатами, там были кладовки для продуктов. Во дворе был большой фруктовый сад, дед любил заниматься садоводством. Однажды он упал с дерева и после этого скончался.

Папа в Ташкенте жил сначала в общежитии культпросветучилища, в котором учился. После окончания училища уехал на работу в Карши, ему было двадцать пять лет. Там он познакомился с Бону, которая приходилась сестрой аби и тетей нашей маме. Бону было восемнадцать лет. Они поженились. Бону работала учительницей в школе. В 1935 году у них родился Адыл – наш старший брат. В 1940 году мама переехала из Карши в Ташкент и жила в семье папы и Бону. Училась в школе № 5, которая находилась около главного Управления милиции, сейчас там находится школа МВД. Мама школу не окончила, проучилась до пятого или шестого класса (она точно не помнила). Кроме Адыла у папы и Бону было еще двое детей, но они умерли в младенчестве. Аби Марьям, разведясь со вторым мужем, тоже жила в семье папы и Бону. Там же жила и папина мама, ая.

В декабре 1941 года Бону заболела крупозным воспалением легких и через девять дней, в возрасте 25 лет, умерла. Папа остался вдовцом с двумя детьми на руках.

В начале 1942 года братишка Адыла умер.

Папа хотел жениться на учительнице из школы, в которой работал, но ая, его мама, была против. «Зачем тебе она, когда рядом живет шестнадцатилетняя незамужняя девушка», сказала ая, имея в виду нашу будущую маму.

Он сделал нашей маме предложение, и они поженились.

В июне 1942 года папу забрали на фронт, и мама осталась одна с двумя детьми на руках. Адылу было семь лет, а в ноябре родилась я. Несколько месяцев мама проработала санитаркой в детской поликлинике. Продавала папины рубашки, брюки... Папа писал ей с фронта, чтобы она продавала все что можно, лишь бы дети не голодали. Как вспоминала мама, от папиных рубашек остались одни воротники (они отстегивались от рубашек).

Еще помогал Шарафутдин абзы, мамин дядя, который жил с нами во время войны. Он работал в Чирчике на военном заводе и приносил нам то дрова, то хлеб, то кашу. Он получал 800 граммов хлеба, из них половину приносил нам. До сих пор сохранилась маленькая кастрюлька с длинной ручкой, в которой дедушка приносил с завода кашу для нас.

В 1946 году наш папа вернулся. Он был награжден медалями «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина» и «За победу над фашистской Германией». Ночью, оставив все свои вещи на вокзале, он пешком пришел домой, перемахнув через запиравшиеся на ночь ворота, так ему хотелось поскорее увидеться с семьей. А может, еще хотел проверить, не завелся ли в его отсутствие у мамы кавалер.

Мне было тогда четыре годика, и я не признавала папу, говорила, что это не мой папа, что мой папа на войне. Адыл тоже отвык от папы, поначалу даже боялся его. Но постепенно мы привыкли к нему и полюбили его.

С фронта папа привез кожаное пальто, которое долго носил, маме – атласные туфли на каблучке и с вышивкой, красивую немецкую скатерть. А еще он привез мех рыжей лисы, из которого я сшила потом теплую зимнюю шапку.

Папа наш был немногословным. Домой после работы приходил уставший, и первыми его словами были: «Мама дома?». Потом он чистил на лестничной площадке обувь и брюки, переодевался и ужинал, но сначала спрашивал: «Дети ели?». Папа никогда не выбрасывал черствый хлеб, все доедал сам. Однажды мама поручила Аскарю почистить картошку. Папа, увидев, как Аскар толсто срезает кожуру, стал чистить картофель сам.

В выходные дни папа собирал всю нашу обувь, надевал фартук и на балконе чистил обувь кремом и полировал бархоткой. Летом он носил коломенковые (полотняные) брюки и парусиновые туфли, которые чистил зубным порошком.

После войны папа поступил на вечернее отделение физико-математического факультета САГУ и одновременно работал учителем математики в узбекской школе. Учебу в университете он завершил в 1959 году, когда я окончила школу.

МГУ

Когда я заканчивала десятый класс, в нашу школу пришла сотрудница Института астрономии и, познакомившись с нами, предложила мне поехать учиться в МГУ на астрономическое отделение физического факультета. Я, конечно, обрадовалась: учиться в Москве, да еще в МГУ! Только вот отпустит ли меня папа – ведь я никогда никуда одна не ездила, да еще так далеко... Но папа, подумав, сказал – мол, если в МГУ, то поезжай. Меня пригласили на экскурсию в наш астрономический институт, показали телескопы и другое оборудование, я прогулялась по всей территории обсерватории. Сказать по правде, астрономией в школе я не интересовалась, но ради Москвы и МГУ была согласна на все.

Вступительные экзамены в МГУ мы сдавали на стройфаке Ташкентского политехнического института на улице Якуба Коласа (теперь это возле станции метро «Хамид Алимджан»). По литературе был письменный экзамен (я писала сочинение на свободную тему), математика – письменный, физика – устный. Все экзамены сдала на «4» и «5» и прошла конкурс. Мама была расстроена, что я не выбрала медицину; она хотела, чтобы я поступала в ТашМИ и стала врачом...

Нас, поступивших в московские вузы, была целая группа из разных городов Узбекистана. Мы ехали на поезде, и сопровождал нас старшекурсник МГУ, тоже из Узбекистана. Когда мы вошли в высотное здание МГУ на Ленинских горах, я была потрясена его размерами. Не верилось, что когда-нибудь можно будет освоить все эти переходы из одной зоны в другую и не заблудиться.

Перед окончательным решением о моем поступлении на физфак МГУ мне назначили собеседование по физике. Выяснилось, что подготовка по физике у меня слабая. Мне предложили выбрать учебу на любом другом факультете университета, так как физфак – самый сложный факультет в МГУ. Но я настояла на физфаке. Дело в том, что я подружилась с Адиной Ходжаевой из Андижана, тоже поступившей на физфак. Она пошла по стопам своего отца – преподавателя физики в Андижанском пединституте. Я хотела учиться вместе с Адиной... Так я стала студенткой первого курса физического факультета МГУ.

С 1 сентября я уже жила в высотном здании общежития МГУ на 14-м этаже

зоны Б (были еще зоны В, Г...). Моей соседкой по комнате была Тамара Михайлова, приехавшая из Благовещенска; она была немного старше и опекала меня, как старшая сестра. Мы были очень дружны с ней, но, к сожалению, ее отчислили с первого курса за неуспеваемость. Тамара не уехала домой, а поселилась в Подмоскovie, работала там и впоследствии вышла замуж. Помню, как я ехала к ней на свадьбу, кажется, в Подольск, билета у меня не было, и я пряталась на третьей полке общего вагона.

На каждом этаже общежития было три «сапожка» – так назывались коридоры, куда выходят двери блоков. Сами блоки представляли собой две комнаты, соединенные общим коридором, с душевой и туалетом. На первом курсе в каждой комнате жили по два человека, а начиная с четвертого курса мы жили в «одиночках», по одному человеку в комнате.

На каждом этаже – по три кухни, где можно было готовить. Все комнаты, кухни, коридоры мы убирали сами, по очереди. Каждые два этажа соединялись лестницами, а между ними – гостиная с роялем, креслами и диваном. На каждом этаже был пульт с двумя телефонами и две телефонные будки. За пультом сидел дежурный студент и вызывал кнопкой звонка из блока, если звонили кому-то из города.

В жилых зонах Б и В было по 19 этажей, а в зонах Г и В, выходящих во двор, – 9. За пять с половиной лет учебы пришлось пожить во всех зонах: каждый год, начиная с 1 сентября, мы меняли место жительства.

На первом этаже зоны Б и В были студенческие столовые, закусочная, которая работала до позднего вечера, когда закрывались столовые, и гастроном. На первом курсе меня поразила в гастрономе бочка с красной икрой. Икра продавалась, но нам она была не по карману.

В центральной части высотного здания располагалась зона А в 20 этажей, где находились механико-математический, геологический, географический и гуманитарные факультеты.

В зоне А размещалась профессорская столовая, где очень вкусно готовили, но она была подороже, и в нее мы ходили, когда сдавали сессию, после экзаменов. На первом этаже основного здания находились актовый зал и Дом культуры. В актовом зале проходили филармонические концерты. К нам приезжали знаменитые симфонические оркестры и исполнители – все лучшие артистические силы Москвы. В Москву можно было и не ездить, разве только – в театры. На первом этаже в аудитории 01 демонстрировались художественные фильмы, но по билетам.

Наш физический факультет находится недалеко от главного здания, химический факультет – напротив, а между ними – памятник Ломоносову. Студенты-физики шутили, что даже Ломоносов повернул свою голову в сторону физфака.

Первую сессию было сдавать очень тяжело, особенно физические практикумы. Все наши узбекистанцы после первой сессии «отсеялись», остались только я и Адина Ходжаева. Несмотря на тройку в первую сессию, стипендию в 29 рублей я получала, т.к. считалось, что я из малообеспеченной семьи. Папа регулярно каждый месяц присылал мне 10 рублей в дополнение к стипендии. Ничего из одежды я на эти деньги купить не могла, но на еду и походы в театры хватало. Почти все

студенческие годы я проходила без теплой обуви и зимнего пальто, ноги всегда мерзли.

Ректором МГУ в то время был академик Петровский, деканом физфака – профессор Фурсов, а инспектором курса – незабвенная Лидия Андреевна Сысоева. Как она помогала мне в переэкзаменовках и при сдаче зачетов! Я всегда об этом помню! Преподавали нам корифеи науки: Ландау, Понтекорво, Леонтович, Кикоин, Боголюбов, Арцимович, Блохинцев, Ржевкин... Все академики и авторы учебников, по которым мы занимались.

На первом курсе я познакомилась с семьей Риной Васильевны Рудницкой. Она работала преподавателем английского языка в МИФИ и во время моей учебы на первом курсе находилась с Адылом в Ираке, где они работали переводчиками. Меня пригласила в гости мама Риной Васильевны, Магдалина Платоновна, которая жила с внучкой-школьницей, тоже Магдалиной. С тех пор я часто бывала в их семье, они гостеприимно встречали меня, опекали и подкармливали. Когда Рина Васильевна вернулась из Ирака, я познакомилась и с ней. Адыл передавал мне из Ирака через нее красивую одежду – все это не без влияния Риной Васильевны; швейцарские наручные часы, которые я, к сожалению, потеряла... Во время сдачи сессий я часто жила у них. Один раз даже Рина Васильевна уступила мне свою тахту (я ночевала у них), а сама спала на полу. Когда я училась уже на старших курсах, Адыл прислал из Ирака деньги мне на пальто. Мы поехали с Риной Васильевной в магазин и купили мне демисезонное пальто, белое в черную клетку, в нем я проходила до конца учебы. Она любила Адыла, и эта любовь распространялась и на меня. С Адылом они расстались, и она со слезами рассказывала об их отношениях (он был младше ее на десять лет)...

В город из общаги мы ездили в театры или на выставки на автобусе № 111. Он был одно время двухэтажный, а потом стал обыкновенный. Ходил до метро «Площадь Революции». Помню, как на первом курсе вбегают в наш блок моя однокурсница Вера Русанова: «Диля, пошли на выставку Рериха!». А я ей: «А это кто?». Вот такая я была необразованная...

После первого курса все наши поехали на все лето в Казахстан на целину. Я не поехала, отказалась, т.к. тогда я бы не смогла съездить домой и не увидела бы родителей, а я очень соскучилась по дому за этот год. Вместо целины я месяц поработала на стройке и поехала домой. Жалею до сих пор, что не побывала на целине. С каким восторгом мои однокурсники вспоминали о целинном лете, как они все подружались там, строя коровники и детские площадки в совхозе «Ждановский». Спустя годы бывшие МГУшники-целинники поехали со стройотрядами на целину уже со своими детьми.

Следующим летом на каникулах я ездила со стройотрядом в Подмоскowie, в Пущино – Академгородок. Там мы работали на отделочных работах в школе. Еще через год отправились со стройотрядом в Липецк. Жили там в палатках и работали в зернохранилище и на железной дороге.

Каждое лето я приезжала на каникулы домой, а после каникул меня ждали мои подруги в Москве. Я привозила дыни, и аромат от них долго стоял по всему обществу.

Где-то после третьего курса я подружилась со своей однокурсницей Тамарой Силановой – рижанкой. Мы ходили с ней по субботам в наш Дом культуры на танцы, помнится, твистовали там, как раз была эпоха твиста. Тамару я никогда не видела ходящей в общежитии в халате. Всегда в узкой черной юбке и красивых кофточках, которыми ее снабжала тетя-москвичка, работавшая замминистра легкой промышленности. По воскресеньям Тамара всегда ходила в гости к тете, которая помогала ей и опекала ее. Тамара, кстати, окончила школу бальных танцев у нас в МГУ, а я – нет, не знаю почему...

На четвертом курсе с нами стала учиться Ада Гусейнова из Баку. Мы жили в одном блоке в общежитии, я с ней очень подружилась. На старших курсах мы уже жили по одному человеку в комнате.

У нас в МГУ была лыжная база и каток. Можно было в воскресенье взять бесплатно лыжи напрокат и кататься на Ленинских горах. Лыжные занятия были обязательными, что для нас, азиатов, было в новинку. Я прекрасно освоила лыжи и бесстрашно каталась, даже прыгала с маленьких трамплинчиков в горах. Ходила и в лыжные походы по Подмосковию. А еще вечерами можно было сходить на наш каток, взять там бесплатно коньки с ботинками и под музыку покататься. Правда, на коньках, в отличие от лыж, я каталась не очень хорошо.

Мы с Адой были театралки, часто ездили в Москву на театральные премьеры. В те времена начинался расцвет Театра на Таганке; я посмотрела «Доброго человека из Сезуана» с Аллой Демидовой. Часто ходили мы и в консерваторию, покупая сезонные абонементы на концерты, что было дешевле, чем покупать разовые билеты. Я слушала в консерватории Давида Ойстраха, Эмиля Гилельса и Святослава Рихтера...

В эти же годы вышел на экраны фильм Козинцева «Гамлет» с гениальным Смоктуновским. А фильм Ромма «Девять дней одного года» с Баталовым, Смоктуновским и Лавровой... Ведь это был фильм о нас – физиках! Сколько было обсуждений этого фильма у нас на физфаке...

Запомнились и поездки в подмосковную Дубну, где находился ядерный институт и занимались наши однокурсники с ядерной кафедры, и в подмосковный Долгопрудный, где был знаменитый физико-технический институт. Абитуриенты, не прошедшие по конкурсу в физтех, с легкостью поступали на физфак МГУ – вот такой это был сильный институт!

А еще у нас была традиция на физфаке отмечать праздник Архимеда. Это происходило весной на ступенях факультета. Архимед восседал на Олимпе, на троне, в окружении древнегреческих богов. Это было очень красочное и торжественное представление с речами, песнями и шествиями вокруг физфака. Как-то на один из праздников Архимеда к нам приехали Нильс Бор и Лев Ландау. «Боги» даже катали их на автокаре вокруг факультета!

А вечером во Дворце культуры МГУ было представление оперы «Архимед» силами студентов и преподавателей. Либретто для оперы написали физик-экспериментатор Валерий Миляев и профессор кафедры общей физики Валерий Канер. Тексты были «физические», но на классические и народные мелодии. К примеру: «Архимед в воде лежал и открытие искал, и пузырьки пускал в забытие... Тут

случилась бы беда, но спасла его вода! Не дала ему вода утонуть. Осенило старика – заплясал он трепака и из бани сиганул – эврика!» (музыка была народная). Я пела в греческом хоре, мы были одеты в «тоги» (белые простыни). Архимед спрашивал у греческих абитуриентов: «Почему вы физику избрали?». Хор: «По справочнику для поступающих...». Архимед: «Но почему именно физику?» Хор: «Мы прочитали только первую страницу...». Опера исполнялась все годы моей учебы. С ней мы ездили на гастроли в Ленинградский университет.

Выпускной вечер в 1965 году у нас был замечательный. Ада одолжила мне на вечер красивую кофточку, чтобы я была нарядная. Мы пили шампанское и танцевали. Прощай МГУ, прощай физфак!

После окончания Московского университета я должна была вернуться в Узбекистан, поскольку приехала на учебу по направлению республики. К этому времени наша семья получила благоустроенную трехкомнатную квартиру по улице Танкистов*. Итак, весной 1965 года мы с Адиной Ходжаевой вернулись в Ташкент и поступили на работу в Институт электроники АН УзССР.

Институт электроники и Узгоспроект

Институт находился на улице Обсерваторской. Возглавлял его академик Убай Арифович Арифов. Мы с Адиной попали в одну лабораторию. Поначалу мы целыми днями сидели в библиотеке института, штудировав монографию Арифова о вторичных электронных процессах и мало что понимая в этом. Кстати, лаборатория так и называлась «Лаборатория вторичных электронных процессов». В процессе работы мы должны были самостоятельно собрать установку для экспериментов, что было очень сложно. Надо было привлекать к работе стеклодувов, собирать электросхемы, работая с паяльниками...

Наш институт находился рядом с Астрономическим институтом Академии наук (обсерваторией). На ее территории был большой фруктовый сад, где мы частенько отдыхали во время перерыва. На одной территории с нашим институтом находился Физико-технический институт АН, в нем работали мои старые подруги Римма Сагитова, Света Абрамова и Лариса Нечаева.

Летом 1967 года мы с Риммой поехали по путевке на Кавказ, в Приэльбрусье. Путешествие начиналось в Терсколе. Группа была большая, узбеки пополам с молдаванами. Несколько дней мы жили на турбазе, путешествовали по окрестностям Терскола, а затем, получив альпинистское снаряжение (ботинки с шипами «трико-ни»), двинулись к Эльбрусу. Шли очень долго по подъему, так называемой «куриной грудке», с масками на лице, чтобы не обгореть. Дошли до «Приюта 11», примерно на высоте 1500 метров над уровнем моря. Ночевали в «Приюте», встречали там рассвет, облака были под нами. Затем спустились вниз и начался переход через перевал Чегет по ущелью. Группа вся распалась, каждый добирался, как мог. Наш проводник бросил нас, но мы добрались до турбазы в Новом Афоне, все остались живы. Турбаза была на берегу Черного моря, мы жили в коттедже со всеми удоб-

* Ныне ул. Урикзор.

ствами, купались в море целую неделю. Это был заслуженный отдых после всех наших мытарств на перевале.

Когда окончился срок нашего пребывания по путевке, мы с Риммой полетели в Баку. У нее там жила тетья, а у меня – моя подруга Ада Гусейнова. Мы жили у Римминой тети.

Я поехала искать Аду. Дом был закрыт, они, оказывается, всей семьей отдыхали в Кисловодске. Я оставила в дверях записку Аде, что я в Баку.

Пришел срок нашего отлета в Ташкент, а от Ады никаких известий. Едем уже с Риммой в аэропорт – и вдруг по летному полю мчится моя Ада! Она буквально «сняла» меня с самолета. Римма улетела, а я осталась, поменяла билет, и мы с Адой гуляли по городу, вспоминая о Москве...

В 1971 году мы с Риммой поехали на озеро Селигер в Калининской области, самостоятельно, без путевок. Приехали на турбазу «Селигер», обратились в администрацию, сказали, что вот, мы из Ташкента, что у нас было землетрясение. Нам ответили, что в 1966-м и даже в 1967-м принимали всех ташкентцев без путевок, а сейчас время уже прошло, устраивайтесь сами. Мы взяли в прокате на турбазе спальники, залезли через окно в свободный коттедж и переночевали в нем. На следующий день нам подсказали найти инструктора и проситься к нему в группу, что мы и сделали. Как раз формировалась группа для 14-дневного похода на лодках по притокам Селигера. Мы заплатили инструктору этой группы и были включены в нее. Ни я, ни Римма никогда не сидели на веслах и не знали, что такое вёсельная лодка. Инструктор посадил нас вдвоем в одну лодку, но мы долго не могли отплыть от берега. Увидев это, инструктор посадил в нашу лодку мужчину. Звали его Гена, он был из Ленинграда, его жена осталась в другой лодке. Меня посадили на руль, а Гена и Римма – на веслах. Наш экипаж всегда был впереди остальных лодок. Утром мы плыли до обеда, затем стоянка на одном из многочисленных островов, обед. Дежурили по очереди, готовили на костре, разбивали палатку, спали в спальниках на деревянных спасательных поясах (ночью было холодно), кормили многочисленных комаров... Утром сворачивали палатки – и в путь: где плыли, а где тащили лодки волоком. Ходили к истокам Волги: огороженное место и из-под земли бьет ключ, – так Волга начинается...

А само ташкентское землетрясение 1966 года мы пережили так. Мы с Лолой спали на балконе в одной кровати, у нас дома были гости из Икана. В 5.20 утра мы просыпаемся от мощного толчка, подбегаем к перилам балкона (он был тогда еще не застеклен) и видим вдаль на горизонте огромный красный шар. Я решила, что началась война, а это, оказывается, был разряд в атмосфере из-за мощного подземного толчка. Мы так и не поняли, что произошло. Утром я поехала на работу в институт на третьем троллейбусе и, когда проезжала по улице Саперной* мимо казарм военкомата, увидела упавшую наружу стену из сырцового кирпича военкомата. Вечером после работы зашла к Вере Мокшиной, которая жила в одноэтажном бараке на улице Карла Маркса**, а они с мамой выметают обвалившуюся с потолка штукатурку. Наш четырехэтажный дом совершенно не пострадал. Толчки продол-

* Ныне ул. Мирабад.

** Ныне улицы Сайилгох и Тарракиёт.

жались еще год, весь город был в палатках, и у нас во дворе тоже стояла палатка. Мы спали во дворе на раскладушках, Шура, жена Адыла, была беременна и очень боялась толчков. Папа ночевал в доме, он не боялся и не хотел оставлять на ночь квартиру...

Итак, три года, с 1965-го по 1968-й, я проработала в Институте электроники. Занималась электроникой, будучи по образованию акустиком. Знакомая предложила мне перейти на работу в проектный институт Узгоспроект, на улице Навои, сказала, что в их институте работают акустики.

В Узгоспроекте я попала «в объятья» Якова Григорьевича Сорочинского, ведающего в техническом отделе акустикой. Я была для него ценным кадром, так сказать, профессиональным акустиком. Мы занимались архитектурной акустикой, рассчитывая архитектурные параметры залов общественных сооружений. Наш институт проектировал для всего Узбекистана жилые и общественные здания. Музыкально-драматические театры в Джизаке и Ургенче, Дворец искусств в Ташкенте (кинотеатр «Панорамный»), здание Совета министров на площади Мустакиллик в Ташкенте, высотное здание редакционно-издательского корпуса Издательства ЦК КП УзССР, административное здание ЦК Компартии Узбекистана, Дом молодежи в Ташкенте – всё это возведено по проектам ведущих архитекторов нашего института – Серго Сутягина, Ричарда Блезз, Владимира Владимировича Березина (главного архитектора института), Дмитрия Шуваева, Аллы Козловой... В институте была организована акустическая лаборатория во главе с инженером института Николаем Шалагиновым, закуплена уникальная аппаратура для акустических измерений фирмы Брюль и Кьер. Мы делали измерения в зале ЦК КП Узбекистана, измеряли в нем время реверберации и другие акустические параметры.

Наша акустическая лаборатория размещалась в жилом доме института на набережной Анхора. Этот дом все называли «генеральским»: в нем жил директор института Исак Вахидович Исраилов и многие начальники отделов.

В перерыв мы шли купаться на Анхор, так что наша работа имела свои преимущества. В основное здание института ходили как на «Большую Землю», а так – у нас была своя «республика». С акустическими измерениями мы ездили по всему Узбекистану.

Исраилов был директор с большой буквы. В институте был прекрасный актывый зал, во дворе – большой спортивный зал, в котором в перерыв играли в баскетбол и волейбол и где проходили спортивные соревнования между отделами института. За городом, в Акташе, у нас была своя зона отдыха с прекрасными коттеджами, бассейном и большим фруктовым садом. Каждое лето сотрудники института выезжали с семьями в Акташ. Все это было создано благодаря Исраилову.

Во время работы в институте меня на четыре месяца послали на стажировку в Москву, в НИКФИ, с сохранением зарплаты. В институте я стажировалась под руководством незабвенного Арона Наумовича Качеровича – аса в архитектурной акустике. Когда в нашем институте было организовано научное отделение, меня перевели туда, и я продолжала заниматься расчетами акустических характеристик общественных залов, проектировавшихся в институте. В Москве и Ленин-

Дильбар АБДУРАХИМОВА. «Целый фибровый чемоданчик сахара-рафинада...»

граде каждые четыре года проходили всесоюзные акустические конференции, в которых я принимала участие.

Последние годы я проработала в отделе генеральных планов, занималась экологией. Любой генеральный план города или поселка, разрабатываемый институтом, обязательно содержал раздел «Экология», в который включались исследования по водоснабжению города, состоянию атмосферного воздуха, защите от шума и звукоизоляции домов, расположенных вдоль магистралей, защите зданий от электромагнитного излучения электростанций и подстанций, от шума и электромагнитного влияния аэропортов; канализационному снабжению. Все это изучалось мною в процессе командировок в проектируемые города Узбекистана и результаты включались в записку к генеральному плану городов.

...Почти тридцать лет, с 1968 по 1997 годы, я проработала в УзНИИП градостроительства в разных отделах и на разных должностях, дослужившись до должности руководителя группы. На пенсию ушла в пятьдесят четыре года...

АВТОРЫ НОМЕРА

АБДУРАХИМОВА Дильбар – физик; многие годы проработала в ташкентском НИИ Перспективного градостроительства, сейчас на пенсии. Живет в Ташкенте.

АСАНОВА Светлана – историк, кандидат исторических наук, доцент Алмалыкского филиала Национального исследовательского технологического университета «Московский институт стали и сплавов» (НИТУ «МИСиС»). Автор более пятидесяти работ по истории Средней Азии XIX–XX вв. и среднеазиатской Православной церкви. Живет в Ташкенте.

КАЛИНИН Михаил – поэт, эссеист. Работал редактором в издательствах «Укитувчи», «Узбекистон». Публиковался в журналах «Арион», «Звезда Востока». Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Туле.

Иерей Александр КОЛОТОВКИН – настоятель храма Сретения Господня г. Бекабада, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – клирик Спасского кафедрального собора г. Минусинска (Россия). Поэт, публицист. Автор восьми книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Живет в Минусинске.

МУХАМЕДОВ Шухрат – историк, религиовед. Доктор исторических наук, и.о. профессора ташкентского филиала Российского университета нефти и газа; главный специалист Института развития туризма при Государственном комитете Республики Узбекистан по развитию туризма. Автор трех монографий, четырех научно-методических пособий для вузов и более восьмидесяти статей. Живет в Ташкенте.

ОЗМИТЕЛЬ Екатерина – историк, религиовед; ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского отдела Новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Автор пяти монографий по истории Православной Церкви в Средней Азии, русской культуре, религиоведении и культурологии. Живет в Московской области.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

ТРУХАЧЁВ Владимир – историк, кандидат исторических наук. Многие годы проработал преподавателем в Ташкентском политехническом институте (с 1991 г. – Ташкентский технический университет); ныне на пенсии. Живет в Ташкенте.

УСТИМЕНКО Алексей – писатель, журналист. Был главным редактором журналов «Звезда Востока» и «Восток Свыше». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Звезда», «Звезда Востока», «Новая Юность» и др. Автор нескольких книг прозы. Живет в Ташкенте.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты – каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо – о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск LVII
№ 3, 2021, июль-сентябрь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2021 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2021).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568